

№ 12 (52)
2018

ВЕСТНИК

УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

18

Цепелев В. Ф.

Конъюнктура в контексте оснований криминализации деяний и ее отражение в российском уголовном законе

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

23

Грачева Ю. В.

Уголовная ответственность за деятельность: прошлое, настоящее, будущее

34

Маликов С. В.

Обратная сила уголовного закона: нерешенные проблемы

43

Орешкина Т. Ю.

Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести

81

Звечаровский И. Э.

Освобождение от ответственности и наказания в уголовном праве России

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

204

Чучаев А. И.

Юрист и епископ святой Амвросий Медиоланский и его нравственно-правовой концепт

№ 12 (52)
2018

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент.

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор.

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Члены редакционного совета:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор.

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор.

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор.

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ГОНЧАРОВ Игорь Владимирович — заведующий кафедрой государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

ЕРШОВА Инна Владимировна — заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор.

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ИЩЕНКО Евгений Петрович — заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, профессор.

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного университета управления, доктор философских наук, профессор.

КИРЕЕВА Елена Юрьевна — декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующий

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2018

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, доцент.

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук.

ЛЮТОВ Никита Леонидович — заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор.

НИКИТИН Сергей Васильевич — проректор по учебной работе Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор.

РАССОЛОВ Илья Михайлович — и. о. заведующего кафедрой информационного права и цифровых технологий Уни-

верситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук.

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — профессор кафедры международного права, начальник Управления организации научной деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета (КНР), доктор юридических наук, профессор.

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент.

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — заведующий сектором сельскохозяйственного и земельного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор.

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — начальник Управления содействия международному развитию и взаимодействию с международными организациями Федерального агентства по делам СНГ, соотечественникам, проживающим за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству, доктор политических наук.

Ответственный секретарь:

САЛИЯ Марианна Романовна — эксперт отдела научно-издательской политики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ответственный редактор выпуска:

ГРАЧЕВА Юлия Викторовна — и.о. заведующего кафедрой уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Дата выхода в свет: 10.02.2019.

Усл. печ. л. 26,46. Формат 84x108/16. Тираж 150 экз.

Издатель — Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.

Адрес редакции:

125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.

Тел.: (499) 244-88-88 (доб. 556).

E-mail: vestnik@msal.ru

**№ 12 (52)
2018**

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

**Edition
CRIMINAL LAW**

**Published from the year of 2014
Monthly journal**

Chairman of the Editorial Board:

BLAZHEEV Viktor Vladimirovich — Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings, PhD in Law, Associate Professor.

Deputy of the Chairman of the Editorial Board:

GRACHEVA Elena Yurievna — First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Financial Law, Doctor of Law, Professor.

Editor-in-Chief:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

Editorial Board members:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of the Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor.

BEZVERKHOV Arthur Genadievich — Dean of the Law Faculty of the Samara National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Doctor of Law, Professor.

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of Theory of the State and Law, International Law and Comparative Jurisprudence of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor.

BUKALEROVA Ludmila Aleksandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor.

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law.

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

GONCHAROV Igor Vladimirovich — Head of the Department of Nation Construction and Law of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

ERSHOVA Inna Vladimirovna — Head of the Department of Business and Corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorievna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Doctor of Law, Professor.

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Forensic Science of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ISHCHENKO Nina Sergeevna — Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Republic of Belarus, PhD in Law, Professor.

KISELEV Sergey Georgievich — Head of the Department of the Theory and History of the State and Law of the State University of Management, Doctor of Philosophy, Professor.

KIREEVA Elena Yurievna — Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of Public Administration and Municipal Service

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2018

Founder:

The Federal State Budgetary Educational
Establishment of the Higher Training
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”

of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Associate Professor.

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

LAPINA Marina Afanasievna — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law.

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor.

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Doctor of Economy, Professor.

NIKITIN Sergey Vasilievich — Vice-Rector for Education of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor.

NOVOSELOVA Lyudmila Aleksandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Rights of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

RYLSKAYA Marina Aleksandrovna — Director of the Institute of Problems of an Efficient State and Civil Society of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadievich — Director of Agrarian and Technological Institute of Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Agricultural Sciences, Professor.

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Acting Head of the Department of IT Law and Digital Technologies of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor.

ROMANOVA Victoria Valerievna — Head of the Department of Energy Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law.

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Science of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of State and Law, Doctor of Law, Professor.

SOKOLOVA Natalya Aleksandrovna — Acting Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor.

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University (the PRC), Doctor of Law, Professor.

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, PhD in Law, Associate Professor.

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Head of the Sector of Agricultural and Land Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Doctor of Law, Professor.

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Head of the Department of International Development Assistance and Interaction with International Organizations of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation, Doctor of Political Sciences.

Executive Secretary Editor:

SALIYA Marianna Romanovna — Expert of the Department of Scientific and Publishing Policy of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Editor-in-Chief of the Issue:

GRACHEVA Julia Viktorovna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Passed for printing 10.02.2019.

Publication base sheet 26,46.

Circulation 150 cop.

Publisher: Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Bld. 9, Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993.

The address of the Editorial Office:

Bld.9, Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993.

Tel.: (499) 244-88-88 (# 556).

E-mail: vestnik@msal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	6
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	9
АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ	
Цепелев В. Ф. Конъюнктура в контексте оснований криминализации деяний и ее отражение в российском уголовном законе	18
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
De lege ferenda	
Грачева Ю. В. Уголовная ответственность за организационную деятельность: прошлое, настоящее, будущее	23
Маликов С. В. Обратная сила уголовного закона: нерешенные проблемы	34
Орешкина Т. Ю. Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести	43
Юрченко И. А. Сталкер как субъект уголовной ответственности	53
Методология уголовного права	
Бимбинов А. А. Объект преступного обращения фальсифицированной, недоброкачественной и незарегистрированной медицинской продукции (статья 238.1 УК РФ)	62
Воронин В. Н. Уголовно-правовые риски развития цифровых технологий: постановка проблемы и методы научного исследования	73
Звечаровский И. Э. Освобождение от ответственности и наказания в уголовном праве России	81
Кочои С. М. Уголовно-правовое противодействие коррупции: пробелы законодательства, проблемы правоприменения	88
Молчанов Д. М. Принцип справедливости и действие уголовного закона в пространстве	95
Новикова Е. В. Административная преюдиция: дискуссия продолжается	105
Палий В. В. Объект преступлений, предусмотренных ст. 277, 278 и 279 УК РФ: проблемы систематизации	113
Соктоев З. Б., Ринчинова А. Р. Согласие лица на причинение вреда его жизни и здоровью	121

Устинова Т. Д. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица	130
Сравнительно-правовое исследование	
Клепицкий И. А. Побои и угроза насилием в уголовном праве России и Англии	137
Комментарий законодательства	
Боженко С. А. Уголовно-правовая защита оборота средств платежей	148
Левандовская М. Г. Реабилитация нацизма как преступление	155
Суспицына Т. П. Дополнительные уголовно-правовые меры противодействия деятельности, направленной на побуждение к девиантному поведению	163
Научный поиск	
Рубцова А. С. Криптовалюты: предмет и средство совершения преступления	172
КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ	
От теории — к практике: работы кафедры уголовного права	182
ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ КАФЕДРЫ	
XV Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке»	189
V Юбилейный Московский юридический форум «Будущее российского права: концепты и социальные практики»	192
X Совместный российско-германский круглый стол «Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт»	194
ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ	
Памятники права	
Первые уголовно-правовые нормы Древней Руси	197
Портрет на фоне истории	
Чучаев А. И. Юрист и епископ святой Амвросий Медиоланский и его нравственно-правовой концепт	204
Юридическое наследие	
Баршев С. И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях (фрагмент)	216
ПОСТСКРИПТУМ	
Россия 100 лет назад: месяц в истории	235
На досуге	
Законы и здравый смысл	249

Слово к читателю

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию представляется тематический выпуск журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», подготовленный преподавателями кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина.

Авторами исследован широкий спектр проблем в сфере уголовной политики в целом, конструирования и применения новых составов преступлений, а также вопросов уголовного права, по которым теория не выработала однозначной позиции.

Работы затрагивают как фундаментальные вопросы, связанные с определением оснований криминализации деяний (В. Ф. Цепелев), освобождением от ответственности и наказания (И. Э. Звечаровский), противодействием коррупции (С. М. Кочои), так и принципиально новые темы, посвященные изучению уголовно-правовой защиты оборота средств платежей (С. А. Боженок), противодействия реабилитации нацизма (М. Г. Левандовская), криминального обращения криптовалют (А. С. Рубцова), административной преюдиции (Е. В. Новикова), незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица (Т. Д. Устинова) и т.д.

Публикуемые в настоящем выпуске работы представляют интерес как для представителей уголовно-правовой науки, так и для широкой юридической общественности. Формулируемые в рамках статей выводы и предложения могут быть рассмотрены как приглашение к научной дискуссии, которая в дальнейшем будет продолжена на страницах данного журнала.

Ю. В. Грачева,
*и.о. заведующего кафедрой уголовного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор*

2 ДЕКАБРЯ

День открытых дверей в МГЮА

2 декабря в Университете имени О.Е. Кутафина прошел день открытых дверей. На протяжении всего мероприятия абитуриенты и их родители имели возможность познакомиться с Университетом, образовательными программами, уровнями и направлениями подготовки, реализуемыми в МГЮА, а также узнать всю информацию о поступлении и обучении от первых лиц Университета.

Программу дня открыла ярмарка институтов МГЮА. Директора Институтов и активисты студенческих советов знакомили абитуриентов с особенностями образовательного процесса в каждом из Институтов, рассказывали об уникальности тех или иных образовательных программ и перспективах трудоустройства выпускников.

После краткого знакомства с институтами в Кутафинском зале состоялось торжественное собрание, на котором перед гостями выступили первые лица Университета.

Открыла мероприятие первый проректор МГЮА Елена Грачева. Елена Юрьевна поприветствовала абитуриентов и родителей и рассказала о преимуществах юридического образования: *«Юридическое образование считается одним из самых лучших среди гуманитарных образований. Оно дает базу для развития ума и опыта, которая пригодится во всех сферах общественной жизни. Стоит отметить, что сама юридическая деятельность чрезвычайно многообразна, ведь юристы нужны в самых разных отраслях».*

Также перед гостями выступила Екатерина Тягай, проректор по учебной и методической работе. Она представила образовательные программы и направления, реализующиеся в Университете, и отдельно обратила внимание аудитории на многообразие форм внеучебной деятельности студентов, которое, несомненно, поможет реализоваться каждому в науке, творчестве и спорте.

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

Елена Глотова, ответственный секретарь приемной комиссии, рассказала о приемной кампании будущего года, проходных баллах, необходимых документах и экзаменах, которые необходимо сдать для поступления.

Программу дня продолжили интерактивные лекции и мастер-классы, которые позволили гостям мероприятия поближе познакомиться с каждой из сфер юридической профессии и попробовать себя в роли адвоката, эксперта-криминалиста, юриста-международника и т.д.

4 ДЕКАБРЯ

Церемония вручения премии «Юрист года — 2018»

3 декабря 2018 г. в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. состоялась ежегодная церемония вручения премии «Юрист года — 2018».

В торжественных мероприятиях приняли участие председатель Ассоциации юристов России, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Виктор Блажеев**, сопредседатель Ассоциации юристов России **Сергей Степашин**, сопредседатель АЮР, председатель Комитета Государственной Думы РФ по государственному строительству и законодательству **Павел Крашенинников**, председатель Правления АЮР **Владимир Груздев** и многочисленные почетные гости.

Одним из ключевых событий стал запуск II Всероссийского правового (юридического) диктанта, который можно написать из любой точки России с 3 по 10 декабря на сайте «Юрдиктант.РФ».

Также на площадке мероприятия состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между Ассоциацией юристов России и Международным союзом общественных объединений «Международная федерация мас-рестлинга» (IMWF). Подписи под документом поставили председатель Ассоциации юристов России **Виктор Блажеев** и президент Международной федерации мас-рестлинга **Александр Акимов**.

Перед награждением лауреатов был организован пресс-подход руководства Ассоциации, в рамках которого состоялось общение с представителями федеральных и отраслевых средств массовой информации.

В номинации «За вклад в юридическую науку» премии «Юрист года — 2018» удостоен заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова **Евгений Суханов**.

Лауреатом премии в номинации «Юридическое образование» стал директор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, главный редактор журнала «Государственная служба» **Игорь Барциц**.

Премией за правозащитную деятельность отмечена Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации **Татьяна Москалькова**.

Руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) **Григорий Ивлиев** стал лучшим в номинации «Развитие законодательства».

В номинации «Правовое просвещение» премия присуждена президенту Федеральной нотариальной палаты, члену Президиума Ассоциации юристов России **Константину Корсику**.

Заместителю управляющего директора — директору по правовым вопросам ПАО «Мосэнерго» **Анне Ефимовой** и ректору Санкт-Петербургского государственного университета **Николаю Кропачеву** вручили Российскую юридическую премию имени В. А. Мусина за вклад в развитие энергетического права.

Лауреатами Всероссийской правовой премии имени М. М. Сперанского стали главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук **Владимир Графский** и первый вице-президент Адвокатской палаты Ленинградской области **Анна Денисова**.

Медаль имени Олега Емельяновича Кутафина «За заслуги в юриспруденции» вручили ректору Уральского государственного юридического университета **Владимиру Бублику**.

В рамках торжественной церемонии также состоялось награждение лауреатов II Всероссийской премии в области права среди СМИ.

В номинации «Лучший телевизионный материал (сюжет/репортаж) в области права» победила **Елена Волохова**, шеф-редактор утреннего эфира телеканала «Россия 1».

В номинации «Лучший материал о деятельности Ассоциации» награждена **Александра Науменко**, специальный корреспондент МИА «Россия сегодня» — РИА «Новости».

В номинации «Лучший материал о нововведениях в законодательстве» победителем стала **Екатерина Трифонова**, корреспондент отдела политики «Независимой газеты».

Награды лауреатам вручил председатель Правления Ассоциации юристов России **Владимир Груздев**.

Кроме того, в рамках мероприятия были награждены победители Всероссийского конкурса студенческих научных работ по праву, посвященного 25-летию Конституции Российской Федерации, а также Всероссийского конкурса научных работ молодых ученых на тему «Актуальные проблемы конституционного развития Российской Федерации на современном этапе».

Дипломы Всероссийского конкурса студенческих научных работ по праву, посвященного 25-летию Конституции Российской Федерации, были вручены: **Никите Игумнову** (юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова) — диплом победителя; **Наталье Пирязевой** (Институт права и управления Тульского государственного университета) — диплом 2-й степени; **Марии Зубаревой** (Уральский государственный юридический университет) — диплом 3-й степени.

Победителем Всероссийского конкурса научных работ молодых ученых на тему «Актуальные проблемы конституционного развития Российской Федерации на современном этапе» стал кандидат юридических наук, доцент кафедры кон-

ституционного и административного права Севастопольского государственного университета **Станислав Васильев**.

Старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Дмитрий Кутейников** награжден дипломом 2-й степени, а **Сергею Привалову**, ассистенту кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии, и **Марии Белоусовой**, аспиранту кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, были вручены дипломы 3-й степени.

Праздничные мероприятия в Музее Победы в честь Дня юриста посетили свыше тысячи представителей профессионального сообщества. Насыщенная деловая часть программы и выступления талантливых артистов, наряду с вручением наград на сцене, сделали этот день по-настоящему ярким и запоминающимся.

5 ДЕКАБРЯ

Торжественное вручение дипломов выпускникам программ бакалавриата и магистратуры 2018 года

20, 30 ноября и 4, 5 декабря в Кутафинском зале МГЮА прошли церемонии торжественного вручения дипломов выпускникам программ бакалавриата и магистратуры 2018 года.

На торжественных вечерах свои дипломы получили магистры вечерней и заочной формы обучения всех институтов МГЮА, а также бакалавры юридического заочного института.

Более 600 выпускников, которым в этот день были вручены дипломы о высшем образовании, благодарны вузу за глубину полученных знаний и современный подход к учебному процессу.

В адрес выпускников звучали слова поздравления от первого проректора Университета Елены Грачевой и проректора по учебной и методической работе Екатерины Тягай.

Мы также присоединяемся к поздравлениям и желаем вам счастливого пути, дорогие выпускники 2018 года!

6 ДЕКАБРЯ

Торжественное открытие V Студенческого юридического форума

6 декабря в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось торжественное открытие V Студенческого юридического форума.

С приветственным словом к участникам мероприятия обратилась первый проректор МГЮА Елена Грачева. Елена Юрьевна отметила, что такие мероприятия — это еще один шаг вверх по пути познания юридической действительности.

Председатель организационного комитета V Студенческого юридического форума Анастасия Сладкова выразила слова благодарности ректорату, административному и профессорско-преподавательскому составу, а также спикерам и студентам за участие в мероприятии, а также осветила программу мероприятия.

Представитель компании «ГАРАНТ», управляющий партнер компании «Фривайзер» Михаил Паюшин и председатель Совета молодых юристов Московской области Дмитрий Лесняк акцентировали внимание участников мероприятия на необходимости развития отечественной науки и правоприменительной деятельности со студенческой скамьи.

V Студенческий юридический форум продолжит свою работу 7 и 8 декабря в формате секционных заседаний, а также игровых процессов.

7 ДЕКАБРЯ

Встреча с представителями Совета Европы — начало официального сотрудничества с образовательной программой HELP

7 декабря 2018 г. состоялся обмен письмами о сотрудничестве между Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и образовательной программой HELP Совета Европы (Human Rights education for Legal Professionals — Обучение представителей юридических профессий в области прав человека). От имени Совета Европы письмо подписал **Михаил Лобов**, руководитель Де-

партаменту политики и сотрудничества в области прав человека Генерального директората прав человека и верховенства права Совета Европы. Во встрече приняли участие начальник Управления международного сотрудничества **Ксения Машкова**, заведующий кафедрой международного права **Наталья Соколова**, доцент кафедры международного права **Лариса Захарова**, а также сотрудники московского офиса Совета Европы — **Наталья Берребеня**, советник Программы HELP Совета Европы и **Ирина Витчинка**, старший менеджер проекта Программного офиса Совета Европы в Российской Федерации.

Программа HELP Совета Европы будет предоставлять Университету имени О.Е. Кутафина (МГЮА) материалы, выложенные на ее электронной образовательной платформе, и Университет будет осуществлять адаптацию, делая их доступными для всех русскоязычных пользователей.

Гости с интересом осмотрели экспозицию Музея О.Е. Кутафина и библиотеку Университета, о ресурсах которой им рассказал директор библиотеки Эльвин Теймуров.

Позже Михаил Лобов выступил на заседании Клуба юриста-международника, регулярно организуемого кафедрой международного права. В заседании Клуба приняли участие преподаватели, магистранты и студенты Университета и других юридических вузов.

В начале своего выступления М. Б. Лобов назвал символичным совпадение в 2018 г. трех юбилейных дат: 70-летия Всеобщей декларации прав человека 1948 г., 20-летия участия России в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ) и 25-летия российской Конституции. Он подчеркнул, что европейские государства, принимая ЕКПЧ 1950 г., были движимы идеей коллективного осуществления прав, провозглашенных во Всеобщей декларации, что подтверждает конвенционная преамбула. Конвенция обеспечила нормативную основу функционирования европейской системы защиты прав человека — самой эффективной из ныне действующих региональных систем защиты. Ее подписали и включили в свое национальное законодательство все 47 государств — членов Совета Европы, в том числе и Российская Федерация в 1998 г.

В ходе своего выступления М. Б. Лобов указал на ряд бесспорно положительных последствий принятия и применения ЕКПЧ в государствах — членах организации, а также обозначил те трудности, которые осложняют двусторонние отношения между Россией и Советом Европы в настоящее время.

14 ДЕКАБРЯ

Форум молодых законодателей и экспертов «Стратегия развития: вызов молодым»

14 декабря 2018 г. в Подмоскowie начал работу форум молодых законодателей и экспертов «Стратегия развития: вызов молодым».

В рамках форума работает несколько секций. Модераторами секции «Право будущего» выступили ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев, председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, сопредседатель АЮР Павел Крашенинников, руководитель аппарата Комитета Илья Миронов и др. По итогам дискуссии участники секции пришли к выводу, что роботы не смогут заменить юристов, но при этом развитие технологий, безусловно, окажет влияние и на профессию, и на юридическую науку, и на работу органов власти.

Председатель АЮР Виктор Блажеев, делаясь своим взглядом на будущее право, высказал мнение, что будущее за неким гибридом, а не за какой-то одной

Фото: Сергей Куксин (РГ)

правовой системой. «Право станет более гибким, не получится исходить из чисто позитивистского подхода, который предполагает *«что в законе — то право, что не в законе — то не право»*, — считает он.

«Сейчас мы думаем не только о том, каким право будет в будущем, но и какими будем мы, юристы, — начал он еще одну большую тему. — Есть мнение, что с развитием технологий на смену нам придут роботы. Я думаю, что это большое преувеличение, научно-технический прогресс не остановишь, но я не могу себе представить общество будущего без юриста. Мне сложно представить судью-робота. Нотариусов тоже проблематично будет заменить машинами. Но, несомненно, технологии будут влиять на нас, и это один из серьезных вызовов, стоящих перед юридической наукой, законодателями, судебной властью», — сказал Виктор Владимирович.

В первый день работы Форума молодых законодателей и экспертов с молодыми парламентариями из регионов, чьи проекты и законодательные инициативы прошли профессиональный отбор экспертов МГЮА, встретились лидеры фракций, председатели профильных комитетов, представители министерств и ведомств, деловых кругов, ученые и специалисты, руководители и преподаватели ведущих юридических вузов.

В работе форума также принимают участие молодые парламентарии и эксперты из почти 30 стран мира. Основными вопросами обсуждения в рамках пленарного заседания и тематических секций стали глобальные технологические тренды, право будущего, новые экономические и бизнес-модели, а также современная образовательная среда.

Все законопроекты можно разделить на четыре темы: глобальные технологические тренды, право будущего, новые экономические и бизнес-модели, современная образовательная среда. Они рассмотрены на тематических сессиях,

Фото: Сергей Куксин (РГ)

модераторами которых выступают главы профильных комитетов Государственной Думы.

«Мы договорились, что ваши лучшие предложения лягут в основу принимаемых решений на уровне законотворчества в Государственной Думе, — обрадовал молодых политиков Председатель Государственной Думы Вячеслав Володин. — Надеюсь, что вы обогатите законотворческий процесс своими предложениями».

Кроме того, самые интересные инициативы готовы рассмотреть и в Молодежном парламенте при Государственной Думе, рассказала «Парламентской газете» его председатель Мария Воропаева. *«Мы обсудим проекты, которые готовили региональные молодежные парламенты и молодые активисты. Соберем лучшие из них и возьмем на вооружение»*, — пояснила она.

24 ДЕКАБРЯ

Заключительное заседание Ученого совета МГЮА

24 декабря 2018 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось итоговое заседание Ученого совета.

В рамках мероприятия состоялось награждение команды Оренбургского института (филиала) МГЮА, занявшей в конкурсе по арбитражу корпоративных споров имени В. П. Мозолина почетное первое место.

Об актуальных проблемах административного права и процесса рассказал заведующий кафедрой административного права и процесса Сергей Зубарев.

Директор Института адвокатуры Александр Орлов доложил о стратегии развития возглавляемого Института.

Заместитель начальника Учебно-методического управления Александр Чанышев отчитался об итогах мониторинга учебно-методической работы на кафедре уголовного права.

Проректор по научной деятельности Владимир Синюков, в свою очередь, доложил о ходе подготовки к V Зимней школе молодых ученых «Права человека: внутригосударственные и международные механизмы защиты» и VI Московскому юридическому форуму.

Директор Центра по связям с общественностью и средствами массовой информации Михаил Ретуев представил обновленный фирменный стиль МГЮА и руководство по его использованию.

**Валерий Филиппович
ЦЕПЕЛЕВ,**

доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
юрист РФ, профессор
кафедры уголовного
права Московского
государственного
юридического
университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
v_tsepelev@rambler.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

КОНЪЮНКТУРА В КОНТЕКСТЕ ОСНОВАНИЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема роли конъюнктуры в системе оснований криминализации деяний, ее отражение в изменениях и дополнениях действующего российского уголовного закона. С этих позиций анализируется состав преступления, предусмотренный ст. 286.1 УК РФ.

Ключевые слова: конъюнктура, криминализация деяний, основания криминализации, способы криминализации, уголовный закон, неисполнение приказа, сотрудник органов внутренних дел.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.018-022

V. F. TSEPELEV,

Doctor of law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation,
Professor of Criminal Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
v_tsepelev@rambler.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

CONJUNCTURE IN THE CONTEXT OF THE GROUNDS FOR CRIMINALIZATION OF ACTS AND ITS REFLECTION IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

Abstract. The article deals with the problem of the role of conjuncture in the system of grounds for criminalization of acts, its reflection in the changes and additions of the current Russian criminal law. From these positions the corpus delicti provided for in article 286.1 of the criminal code is analyzed.

Keywords: situation, the criminalization of the offences, the basis of criminalization, and methods of criminalization, criminal law, obeying orders, personnel of bodies of internal Affairs.

В настоящей статье конъюнктура понимается как стечение обстоятельств, создавшееся положение, возникшая ситуация, комплекс условий, сложившихся в определенной сфере деятельности в конкретный период времени и оказывающий влияние на принятие решения, в нашем случае — о криминализации деяний (декриминализации преступлений). Другие обстоятельства (в частности, основания и критерии криминализации) отходят при этом на второй план, рассматриваются не отдельно (чего, несомненно, заслуживают), а в совокупности, как некий общий фон, как результат оценки этих обстоятельств. Поэтому конъюнктура занимает особое место в системе оснований и критериев криминализации

(декриминализации). Следует отметить, что одновременно конъюнктура является средством отражения общественного (социального) запроса или потребности в подобных изменениях.

Напомним, что к основаниям криминализации относятся процессы и явления, происходящие в материальной и духовной сферах общества, развитие которых порождает объективную необходимость и социальную потребность уголовно-правового запрета посягательств на соответствующие общественные отношения.

В теории¹ выделяют два вида оснований криминализации: а) *социальные*, возникновение и развитие которых связано с наличием негативных явлений и процессов в экономической, политической, социальной сферах жизни; б) *уголовно-политические*, характеризующие существование и распространенность определенных видов общественно опасных деяний, требующих установления новых уголовно-правовых запретов в силу неэффективности имеющихся правовых мер и необходимости достижения результата с помощью дополнительных уголовно-правовых мер. Эти основания конкретизируются в определенных критериях криминализации.

Как известно, такие критерии включают:

- общественную опасность новых видов деяний;
- распространенность (массовость) подобных деяний;
- отсутствие в действующем уголовном законе меры воздействия на новые виды общественно опасных деяний;
- невозможность противодействовать таким деяниям другими, помимо установления нового уголовно-правового запрета, правовыми средствами;
- другие значимые обстоятельства².

Следует отметить, что ряд критериев криминализации деяний еще в середине XX столетия сформулировал известный английский криминалист К. Кенни. В частности, к ним он относил следующие:

- вред от криминализируемого деяния должен быть значительнее прямого и косвенного вреда, который неизбежно влечет за собой применение уголовного наказания;
- криминализируемое деяние должно поддаваться определению с точностью, необходимой для права;
- факт совершения деяния должен быть с достоверностью доказуемым;
- доказывание подобных деяний должно осуществляться без ущерба для неприкосновенности частной жизни и отношений доверия между близкими людьми;
- деяние должно вызывать негодование в обществе;
- достаточная защита общества от данного вида деяний не может быть обеспечена более мягкими мерами — административными или гражданско-правовыми³.

¹ См. например: Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 2006. С. 13—19.

² Наиболее подробно сущность, систему оснований и критериев криминализации см.: Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) : монография. М. : Наука, 1982.

³ Кенни К. Основы уголовного права. М. : Госюриздат, 1949. С. 27—28.

Полагаю, что конъюнктура предполагает всесторонний учет и анализ комплекса критериев криминализации деяний. Криминализация может осуществляться посредством изменения норм как Общей, так и Особенной части Уголовного кодекса. В первом случае это происходит за счет определения принципов, оснований, условий и пределов уголовной ответственности, признаков множественности, соучастия и других общих вопросов уголовного права. Во втором случае речь идет о признании преступными новых общественно опасных деяний путем закрепления в уголовном законе признаков соответствующих составов преступлений. Это может осуществляться и путем расширения рамок одного или нескольких элементов существующих составов преступлений либо дополнения новых признаков, составляющих эти элементы. В законодательной практике такие изменения могут быть многообразными.

К конъюнктурным изменениям и дополнениям в Общей части УК РФ, на мой взгляд, можно отнести:

- исключение ст. 52 «Конфискация имущества» как вида уголовного наказания;
- дополнение ст. 51.1 «Принудительные работы» в качестве альтернативного лишения свободы вида уголовного наказания;
- дополнение ст. 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности»;
- дополнение ст. 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»;
- дополнение ст. 104.1—104.3 и главой 15.1 «О конфискации» (как иной меры уголовно-правового характера);
- дополнение ст. 104.4—104.5 и главой 15.2 «Судебный штраф».

В Особенной части УК РФ конъюнктурные изменения проявились более выражено и были связаны:

- с изменением редакции ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповедания» (после выступления группы «Pussy Riot» в Храме Христа Спасителя);
- с дополнением ст. 200.3 «Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости» (после фактов массового обмана дольщиков);
- с дополнением ст. 200.4 «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» и ст. 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок» (после серии массовых злоупотреблений в этой сфере);
- с дополнением ст. 212.1 «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (после событий 2012 г. на Болотной площади Москвы);
- с дополнением ст. 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и ст. 230.2 «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» (после скандалов с допингом);
- с дополнением ст. 234.1 «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ» (после появления новых смесей (спайсов) и газобразных коктейлей на основе жидкого азота);

- с дополнением ст. 235.1 «Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий» (после многочисленных фактов фальсификации названных средств и изделий);
- с дополнением ст. 284.1 «Осуществление деятельности на территории РФ иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности» (после выявления неоднократных фактов вмешательства подобных организаций во внутренние дела России);
- с дополнением ст. 285.4 «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» (после фактов злоупотреблений с такими заказами);
- с дополнением ст. 330.1 «Злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента» и ст. 330.2 «Неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве» (под распространение на территории России подобных организаций и выявление фактов наличия двойного гражданства или вида на жительство у должностных лиц РФ).

Особое место в ряду конъюнктурных изменений уголовного законодательства занимает, на мой взгляд, ст. 286.1 «Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа». Если во многих вышеперечисленных случаях изменений отсутствовали какие-либо серьезные исследования, но большинство из них имели определенную социальную обусловленность, то в ситуации со ст. 286.1 отсутствовали не только криминологические исследования, но и какая-либо обоснованность и даже здравый смысл. Думается, здесь имела место конъюнктура в ее упрощенном (так называемом «голом») смысле.

Напомним, ст. 286.1 была введена в УК РФ Федеральным законом от 22.07.2010 № 155-ФЗ⁴ одновременно с реформированием системы органов внутренних дел — преобразованием милиции в полицию. Аналогом этой нормы была, судя по всему, ст. 332 «Неисполнение приказа» (для субъектов преступлений против военной службы), поскольку диспозиции ч. 1 и 2 данных статей совпадают.

В правоприменительной практике ст. 286.1 практически не применялась. По данным статистики, за 8 лет (2010—2017) было зарегистрировано всего 2 преступления (1 — в 2012 г. и 1 — в 2014 г.).

Юридино-технические погрешности нормы ст. 286.1:

- несовпадение с текстом взаимосвязанной нормы ст. 42 (в ней нет упоминания о распоряжении);
- оценочность понятий:

⁴ Федеральный закон от 22.07.2010 № 155-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/98824> (дата обращения: 07.09.2018).

- а) существенного вреда — разъясняется в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»⁵ через признак существенного нарушения, используемого в диспозициях ст. 285 и 286 УК;
 - б) тяжкого последствия (для ч. 2 ст. 286.1) — разъясняется в п. 21 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ 2009 г. применительно к аналогичному признаку ч. 3 ст. 285 и 286 УК;
 - избыточность квалифицирующих признаков (группа лиц по предварительному сговору, организованная группа). Трудно себе представить наличие этих форм соучастия применительно к неисполнению приказа сотрудником ОВД (если это допустить, то тогда почему нет признака преступного сообщества (преступной организации)?);
 - наличие специального субъекта — сотрудника органа внутренних дел. Определение понятия «сотрудник ОВД» дается в ст. 10 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел»⁶: «это гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению федеральной государственной службы в органах внутренних дел в должности рядового или начальствующего состава и которому в установленном настоящим федеральным законом порядке присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава».
- Думается, что в данном случае имеет место не вполне обоснованная избирательность в отношении данного специального субъекта (сотрудника органов внутренних дел). Иначе как объяснить отсутствие уголовной ответственности за подобные деяния для сотрудников других правоохранительных органов? Конечно, часть из них относится к военнослужащим (сотрудники ФСБ) и может быть признана субъектом аналогичного преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ. Но почему тогда выпали из законодательного поля уголовной ответственности за неисполнение приказа сотрудники органов прокуратуры, Следственного комитета РФ, таможни, Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) и др.? В данном случае имеет место явное нарушение принципов равенства граждан перед законом и справедливости. В этой связи полагаю, что наиболее целесообразным решением было бы исключение ст. 286.1 из УК РФ как необоснованной и чисто (в упрощенном смысле) конъюнктурной.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кенни К. Основы уголовного права. — М. : Госюриздат, 1949.
2. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Наука, 2006.
3. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация). — М. : Наука, 1982.

⁵ URL: <http://base.garant.ru/1692859/> (дата обращения: 07.09.2018).

⁶ URL: <http://base.garant.ru/12192456/> (дата обращения: 07.09.2018).

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения и развития уголовного законодательства, предусматривающего самостоятельную ответственность за организационную преступную деятельность. Делается вывод, что впервые она появилась в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Кроме того, согласно дореволюционной теории уголовного права виновные за создание и участие в сговоре или шайке подлежали самостоятельной ответственности только тогда, когда задуманное ими преступление не было совершено, в противном случае ответственность за учиненное деяние поглощала ответственность за сам сговор.

Исследование советского уголовного законодательства (УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.) позволяет утверждать, что в целом оно сохранило преемственность с дореволюционным законодательством в части построения уголовной ответственности за организационную деятельность. Однако с принятием постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22 сентября 1989 г. № 10 «О выполнении судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР при рассмотрении уголовных дел об умышленных убийствах» и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. № 9 «О судебной практике по делам о бандитизме» судебная практика по оценке организационной деятельности кардинально изменилась.

Заложенные в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР (РФ) правила квалификации действий организатора и участника организованной группы (преступного сообщества) оказались востребованы современными правоприменителями и были учтены законодателем при создании УК РФ.

Ключевые слова: организационная деятельность, уголовная ответственность, организованная группа, преступное сообщество, банда, имплементация, соучастие, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г., УК РСФСР (1922, 1926, 1960 гг.), УК РФ.

**Юлия Викторовна
ГРАЧЕВА,**

доктор юридических наук, профессор,
и.о. заведующего кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
uvgracheva@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.023-033

Y. V. GRACHEVA,*Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)***uvgracheva@mail.ru***125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9***CRIMINAL LIABILITY FOR ORGANIZATIONAL ACTIVITY:
PAST, PRESENT, FUTURE**

Abstract. *The article deals with the history of the emergence and development of criminal legislation providing for independent responsibility for organizational criminal activity. It is concluded that the first time it appeared in the Statute of criminal and correctional punishments of 1845. In addition, according to the pre-revolutionary theory of criminal law, those responsible for creating and participating in a conspiracy or gang were subject to independent responsibility only when the crime they had conceived was not committed, otherwise the responsibility for the committed act absorbed responsibility for the conspiracy itself.*

Research of the Soviet criminal legislation (the criminal code of the RSFSR of 1922, 1926, 1960) allows to assert that in General it has kept continuity with the pre-revolutionary legislation regarding construction of criminal liability for organizational activity. However, with the adoption of the resolution of Plenum of the Supreme Court of the USSR from September 22, 1989 № 10 "On the implementation by the courts guiding explanations of the Plenum of the USSR Supreme Court with criminal cases of premeditated murder" and of the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from December 21, 1993 № 9 "on judicial practice in cases of banditry", judicial practice on the assessment of organizational activities has changed dramatically.

Inherent in the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the USSR (Russian Federation) the rules of qualification of actions of the organizer and the participant of the organized group (criminal Association) were popular in contemporary law-enforcers and were taken into account by the legislator when creating the criminal code.

Keywords: *organizational activity, criminal responsibility, organized group, criminal community, gang, implementation, complicity, the Code of criminal and correctional penalties of 1845, the Criminal code of 1903, the criminal code of the RSFSR (1922, 1926, 1960), the criminal code.*

Под организационной деятельностью понимают «самостоятельную комплексную группу преступлений, в которых законодатель криминализует общественно опасную деятельность по созданию, руководству и в ряде случаев участию в группе лиц, ставящей своей целью преступную либо, крайне редко, деструктивную для общества деятельность (ст. 208, 209, 210, 239, 282.1 УК РФ), либо общественно опасную деятельность по организации деятельности

иных субъектов, носящей преступный либо деструктивный для общества характер (ст. 212, 232, 241, 279, 282.2, 322.1 УК РФ)»¹.

Нас интересует первая группа преступлений, характеризующаяся предусмотренной УК РФ самостоятельной ответственностью за создание, руководство и участие в группе лиц, преследующей, как правило, цель совершения преступления.

Впервые норма, предусматривающая ответственность за совершение подобных деяний, появилась в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Между тем некоторые авторы полагают, что истоки наказуемости организационной деятельности можно найти в Русской правде, судебниках XV—XVI вв., Соборном уложении 1649 г.² Конечно, если за истоки принимать те преступления, которые учиняются группой лиц или при совершении которых виновные договариваются о совместном деянии, то с указанным утверждением можно согласиться, но и в этом случае точнее говорить о совершении преступления в соучастии, а не об организационной деятельности как о самостоятельной группе преступлений. Кроме того, даже в Соборном уложении 1649 г. еще отсутствовала Общая часть с институтом соучастия, поэтому любая общественно опасная совместная деятельность влекла уголовную ответственность³.

В статье 922 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, открывающей отд. 1 «О составлении злонамеренных шаяк и пристанодержательств» гл. 3 «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений» закреплялось, что за составление злонамеренных шаяк и вступление в них виновные подвергаются, в зависимости от цели шайки, наказаниям, предусмотренным в статьях данного отделения⁴.

Н. С. Таганцевым к этой статье приводятся материалы конкретных уголовных дел, в которых раскрывается понятие шайки. «Под шайкою разумеется преступное сообщество, составленное несколькими лицами для совершения целого ряда преступлений, однородных или разнородных, заранее определенных с большей или меньшей подробностью соглашением соучастников, или же намеченных только в общих чертах, не определенных, чем шайка и отличается от отдельного соглашения на одно какое-либо преступное деяние... В общепринятом понятии

¹ Малиновский В. В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика) / отв. ред. А. И. Чучаев. М., 2009. С. 152.

² См., например: Балеев С. А. Ответственность за организационную преступную деятельность по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. С. 29—30 ; Дмитриенко А. В. Уголовно-правовой и криминологический аспекты организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 11—12, 18—31 ; Ильясов Д. Б. Организационные формы групповой преступности (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 9, 13—29 ; Конарев В. А. Организованные преступные формирования: вопросы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 12, 93 и др.

³ См.: Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. М., 1985. Т. 3 : Акты Земских соборов. С. 89.

⁴ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. Н. С. Таганцевым. СПб., 1899. С. 461.

о шайке обыкновенно высказывается требование, чтобы в шайке было не менее трех сообщников»⁵.

В статьях 923—926 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных говорится об ответственности составителей и участников шайки, созданной для совершения конкретных преступлений. Например, в ст. 924 закреплялось, что «тот, кто составит шайку для разбоев или зажигательств, или делания или провоза фальшивой монеты или фальшивых ассигнаций, или других представляющих монету или кредитных, или иных государственных бумаг, подвергается за сие, хотя бы составленная им шайка и не учинила еще никакого преступления: лишению всех прав состояния и ссылки в каторжную работу на время от четырех до шести лет.

Вступившие в шайку сего рода, со знанием о свойстве и предназначении оной, хотя и не учинившие еще никаких, вследствие того, преступлений, приговариваются: к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири.

Те, которые, зная о существовании такой шайки и имея возможность довести о сем до сведения начальства, не исполняют сей обязанности, подвергаются: лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и ссылке на житье в Сибирь или отдаче в исправительные арестантские отделения по пятой степени статьи 31 сего Уложения»⁶.

Получается, что в ст. 923—926 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных уголовная ответственность предусматривалась за само создание шайки, участие в шайке и недонесение о ее существовании так же, как в УК РФ за организационные преступления.

Недонесение о существовании шайки (группы лиц) не предусмотрено в УК РФ в качестве альтернативной формы деяния, характеризующего организационную деятельность. Есть и другое, более принципиальное отличие в конструировании уголовной ответственности за подобные преступления между двумя законами. В статье 927 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных было закреплено, что «когда кто-либо из составивших злонамеренную шайку или сообщество или из принадлежащих к оной действительно учинит одно из преступлений, для коих сия шайка или сообщество составлены: то, будет в законах не определено какое-либо особое, именно за совершение такого преступления посредством шайки, наказание, он приговаривается: к высшей мере наказания, за то преступление в законе положенного»⁷. Из статьи 927 Уложения следует, что если шайкой было совершено преступление, ради которого она и создавалась, то ответственность должна наступать по статье, в которой данное преступление сформулировано, причем в этом случае назначается самое строгое наказание из числа предусмотренных санкцией. Согласно действующему уголовному законодательству и практике его применения уголовная ответственность за организационную деятельность наступает по совокупности статей — по статье, предусматривающей ответственность за создание и участие в соответствующей группе, и статье, описывающей совершенное группой преступление.

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года.

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. С. 462—463.

⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. С. 464.

Подход к формулированию уголовной ответственности за организационную деятельность, примененный в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в целом был использован в Уголовном уложении 1903 г. В качестве своеобразного шага вперед в институте соучастия (в ст. 52 Уголовного уложения) появляется регламентация ответственности участников сообщества. «Согласившийся принять участие в сообществе для учинения тяжкого преступления или преступления и не отказавшийся от дальнейшего соучастия, но не бывший соучастником тяжкого преступления или преступления, отвечает только за участие в сообществе. Участие в сообществе для учинения тяжкого преступления или преступления или в шайке, составившейся для учинения нескольких тяжких преступлений или преступлений, наказывается в случаях, особо законом указанных»⁸.

Таким особо в законе предусмотренным случаем выступала норма Особенной части, изложенная в ст. 102 Уголовного уложения. В ней закреплялась ответственность участников сообщества, созданного для совершения преступлений, предусмотренных ст. 99 и 100. Наказывалось такое участие в преступлении, описанном в ст. 99, каторгой без срока, в ст. 100 — каторгой на срок не свыше восьми лет. Сопоставление наказаний за преступления, сформулированные в ст. 102 и ст. 99, 100 Уголовного уложения, свидетельствует, что в ст. 102 речь идет о ситуации, когда участники сообщества не совершили тех преступлений, ради которых виновные объединились. Совершение преступления влекло ответственность по ст. 99 или 100 Уголовного уложения и наказывалось смертной казнью. Квалификация деяния в случае совершения членом сообщества преступления, закрепленного в ст. 99 или 100, по совокупности преступлений со ст. 102 Уголовного уложения видится бессмысленной, поскольку смертная казнь поглотила бы любое другое наказание.

В статьях 121—126 гл. 5 «О смуте» Уголовного уложения описывалась ответственность участников, устроителей и руководителей сообщества и скопищ, созданных с целью совершения определенных преступлений, указанных в законе (посягательство на верховную власть, образ правления, общественный строй)⁹.

Интересна ст. 279 гл. 12 «О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие» Уголовного уложения. В ней говорилось, что виновный в участии в шайке, созданной для: подделки, переделки или сбыта поддельных монет, билетов или бумаг, в ст. 427 и 428 перечисленных; повреждения чужого имущества (ст. 564); воровства, разбоев, вымогательств или мошенничеств; приобретения, принятия на хранение, сокрытия, заклада или сбыта чужого имущества, добытого заведомо преступным путем; водворения контрабанды — подлежит заключению в исправительном доме.

Назначить иное наказание можно было, если за совершенное шайкой преступление было предусмотрено более строгое наказание, чем заключение в исправительном доме¹⁰.

⁸ Российское законодательство X—XX веков. М., 1994. Т. 9 : Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. С. 287.

⁹ См.: Российское законодательство X—XX веков. Т. 9. С. 306—307.

¹⁰ См.: Российское законодательство X—XX веков. Т. 9. С. 313.

В дореволюционной теории уголовного права Н. С. Таганцевым очень четко была определена наказуемость организационной деятельности. «Ответственность за участие в сговоре или шайке возможна только тогда, когда предложенное не совершилось¹¹; в противном случае ответственность за учиненное деяние поглощает ответственность за самый сговор»¹².

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., фактически представляющих собой Общую часть уголовного закона, в ст. 21, входящей в структурную часть, посвященную соучастию, говорилось, что «за деяния, совершаемые сообща группою лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Мера наказания определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния»¹³.

В статьях 15 и 16 УК РСФСР 1922 г., посвященных институту соучастия, уже не было упоминания о формах соучастия, но в п. «ж» ст. 25 указывалось, что наказание различается в зависимости от того, «совершено ли преступление группой (шайкой, бандой) или одним лицом»¹⁴.

В Особенной части УК РСФСР 1922 г. для обозначения соучастия в форме участия в преступном объединении используются несколько терминов «организация», «банда», «группа»¹⁵. Кстати, в рассматриваемом историческом документе они не раскрыты.

Об организации закон говорит исключительно применительно к контрреволюционным преступлениям (разд. 1 «О контрреволюционных преступлениях» гл. I «Государственные преступления»), поэтому с позиции УК РСФСР 1922 г. всякое контрреволюционное объединение является организацией. А. Н. Трайнин отмечал, что в качестве определяющего признака организации выступает цель — «организация для подготовки или совершения контрреволюционных преступлений»¹⁶. Единожды в этом разделе встречается термин «банда».

По статьям 57—65 раздела о контрреволюционных преступлениях УК РСФСР 1922 г. за организационную деятельность подлежали ответственности организаторы и участники этих преступлений.

Интерес представляет и ст. 76 разд. 2 «О преступлениях против порядка управления» УК РСФСР 1922 г. В ней закреплена ответственность за организацию «и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения

¹¹ По этому поводу Н. Д. Сергеевский писал, что «вступление в такое соучастие может быть наказуемо как *delictum sui generis*» (*Сергеевский Н. Д.* Русское уголовное право. Часть Общая. Пг., 1915. С. 318).

¹² *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право : лекции. Часть Общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 361.

¹³ Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1919. № 66. Ст. 590.

¹⁴ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁵ См.: *Трайнин А. Н.* Избранные труды. СПб., 2004. С. 281.

¹⁶ *Трайнин А. Н.* Указ. соч. С. 282.

и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения железнодорожных путей, безразлично, сопровождалась ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождалась». За совершение этих преступлений была предусмотрена высшая мера наказания, причем оно не дифференцировалось в зависимости от того, было ли совершено то деяние, ради которого была сформирована организация или банда, или нет. По этому поводу А. Н. Трайнин писал, что «законодатель ответственность за участие в преступной организации приравнивает к ответственности за совершение конкретных преступлений, входящих в план действий этой организации... С точки зрения социалистического права участие в преступной организации и совершение преступлений, входящих в план данной организации, одинаково социально опасны»¹⁷.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.¹⁸ не внес ничего принципиально нового в построение ответственности за организационную деятельность как самостоятельное преступление, впрочем, как и Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.¹⁹ в момент его принятия.

В статье 17 «Соучастие» УК РСФСР 1960 г. формы соучастия еще не выделены, но среди обстоятельств, отягчающих ответственность, закон предусматривал совершение преступления организованной группой (п. 2 ст. 39).

В Особенной части УК РСФСР 1960 г. интересны нормы о двух особо опасных государственных преступлениях:

1) организационной деятельности, направленной к подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, к созданию организации, имеющей целью совершить такие преступления, а равно участие в антисоветской организации (ст. 72). Наказывалось такое деяние в соответствии с санкциями, изложенными в ст. 64—71 УК РСФСР 1960 г. К числу особо опасных государственных преступлений относились: измена Родине, шпионаж, террористический акт, террористический акт против представителя иностранного государства, диверсия, вредительство, антисоветская агитация и пропаганда, пропаганда войны. За пять из перечисленных преступлений в качестве самого строгого наказания была предусмотрена смертная казнь, за одно — 15 лет лишения свободы, за одно — 10 лет лишения свободы и еще за одно — 8 лет лишения свободы;

2) организации вооруженных банд с целью нападения на государственные, общественные учреждения или предприятия либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ими нападениях (ст. 77). В качестве максимального наказания за совершение этого преступления была предусмотрена смертная казнь.

В указанных статьях, во-первых, наказание организатора и участника не дифференцировалось; во-вторых, по ст. 72 и 77 УК РСФСР 1960 г. ответственность наступала не только за организацию и участие в организованной группе, но и за совершенные этими группами преступления. Это было обусловлено, с одной стороны, преемственностью подходов к ответственности за организационную деятельность, который был заложен еще в Уложении о наказаниях уголовных

¹⁷ Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 283.

¹⁸ СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

¹⁹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

и исправительных 1845 г., с другой стороны, суровостью наказания, предусмотренного за организационную деятельность. Сделанные выводы находят свое подтверждение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27.06.1975 № 4 «О судебной практике по делам об умышленном убийстве». В нем говорится, что убийство при совершении бандитизма подлежало квалификации только по ст. 77 УК РСФСР 1960 г.²⁰

Законом РСФСР от 25.07.1962 УК РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 77.1 «Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений». Согласно этой статье «лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, терроризирующие в местах лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, или совершающие нападения на администрацию, а также организующие в этих целях преступные группировки или активно участвующие в таких группировках» подлежали наказанию в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет²¹.

Принципиально важным, уточнившим момент окончания этого преступления и заложившим основу для изменения практики назначения наказания за организационную деятельность, видится разъяснение, данное в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21.06.1985 № 10 «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений». В нем говорилось, что «организация преступных группировок... либо активное участие в таких группировках образуют состав преступления, предусмотренного ст. 77.1 УК РСФСР... и в том случае, когда группировка еще не совершила намеченных преступных действий»²².

С принятием постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22.09.1989 № 10 «О выполнении судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР при рассмотрении уголовных дел об умышленных убийствах»²³ и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.1993 № 9 «О судебной практике по делам о бандитизме» судебная практика по оценке организационной деятельности кардинально изменилась. Так, в последнем из двух постановлений было сказано, что «судам следует иметь в виду, что ст. 77 УК РСФСР, устанавливающая ответственность за организацию вооруженных банд, участие в них и в совершаемых ими нападениях, не предусматривает ответственность за возможные последствия преступных действий вооруженных банд, в связи с чем требуют дополнительной квалификации преступные последствия нападений, образующие самостоятельный состав тяжкого преступления (п. 10)»²⁴. Кстати сказать, Пленум Верховного Суда РФ не смутил, что за бандитизм (ст. 77 УК РСФСР 1960 г.) в качестве наиболее строгого вида наказания за его совершение все еще была предусмотрена смертная казнь.

Федеральным законом от 28.04.1995 № 67-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс

²⁰ Бюллетень Верховного Суда СССР (БВС СССР). 1975. № 4.

²¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 29. Ст. 449.

²² БВС СССР. 1985. № 4.

²³ БВС СССР. 1989. № 6.

²⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ (БВС РФ). 1994. № 3.

РСФСР»²⁵ УК РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 77.2 «Организация или участие в незаконных вооруженных формированиях», которой была установлена ответственность за организацию вооруженных объединений, отрядов, дружин и других вооруженных формирований, не предусмотренных федеральными законами, а равно за участие в таких формированиях.

Ответственность усиливалась, если умышленные действия, совершенные в составе незаконных вооруженных формирований, были сопряжены с массовым насилием над людьми или причинением иных тяжких последствий, что влекло наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 12 лет с конфискацией имущества или без таковой (ч. 2).

Смертной казнью или лишением свободы до 15 лет наказывалось лишение жизни незаконным вооруженным формированием (ч. 3). Между тем очевидно, что ч. 3 ст. 77.2 УК РСФСР 1960 г. охватывала лишение жизни и не требовала квалификации по совокупности.

В Уголовном кодексе РФ был существенно переработан институт соучастия, в нем впервые появилась отдельная норма, посвященная формам соучастия (ст. 35), были разработаны правила назначения наказания: за совершение преступления в соучастии (ст. 67) и за неоконченное преступление (ст. 66). Это должно было позволить отказаться от криминализации организационной деятельности как самостоятельного преступления, поскольку одним из условий криминализации деяния выступает отсутствие избыточной криминализации. Однако этого не произошло. УК РФ концептуально сохранил преемственность с УК РСФСР 1960 г. в вопросе о построении уголовной ответственности за организационную деятельность, с одной стороны, включив в Особенную часть УК РФ статьи, в которых была предусмотрена ответственность за организацию незаконного формирования и участия в нем (ст. 208), бандитизм (ст. 209) и организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ст. 210). Последняя норма — это новелла УК РФ, ее появление скорее всего было обусловлено выделением в ст. 35 УК РФ в качестве формы соучастия преступного сообщества (преступной организации).

С другой стороны, УК РФ применил подход к квалификации организационной деятельности, сложившийся в судебной практике в конце 90-х гг. прошлого столетия, т.е. ст. 208, 209, 210 УК РФ предусмотрена ответственность только за сам факт создания, руководства или участия в соответствующей преступной организации (преступном сообществе). Все преступления, которые совершаются такими группами, должны получить дополнительную оценку по соответствующей статье УК РФ. Этот подход поддерживается современным правоприменителем²⁶.

²⁵ СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1595.

²⁶ См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // БВС РФ. 1997. № 3 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Там же ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Там же. 2010. № 8.

На сегодняшний день рассматриваемая группа преступлений дополнена новыми деяниями, изложенными в ст. 205.4, 205.5, 282.1, 282.2 УК РФ²⁷. Некоторые юристы полагают, что тенденция к криминализации новых видов организационной деятельности сохранится и в будущем²⁸.

Проведенный анализ судебной практики, а также результаты исследований других юристов позволяют прийти к следующим выводам:

- 1) существующее многообразие видов организационной деятельности, имеющих ряд сходных признаков, создает проблемы в отграничении их друг от друга²⁹;
- 2) по ст. 209 УК РФ 59 % осужденным назначено наказание ниже низшего предела³⁰ или ближе к нижнему пределу санкции³¹;
- 3) нормы, предусматривающие ответственность за организационную деятельность, как правило, самостоятельно не применяются. Исключение составляет ч. 2 ст. 208 УК РФ (в современной редакции).

Все эти выводы заставляют задуматься о необходимости изменения законодательного подхода к уголовной ответственности за организационные преступления. Возможны два варианта решения проблемы. Первый — исключение из Особенной части УК РФ статей, в которых описаны организационные преступления. Наличие в Общей части УК РФ институтов соучастия и стадий совершения преступления позволит привлекать лиц, входящих в ту или иную преступную группу, готовящих совершение преступления, но не совершившего его по причинам, от лица не зависящим, к уголовной ответственности.

Второй вариант: основываясь на предыдущем законодательном опыте построения уголовной ответственности за совершение организационных преступлений, закрепить в УК РФ правило, согласно которому, если участники и организаторы преступной группы совершили преступление, ради которого такая группа создавалась, то они подлежат уголовной ответственности только за совершение этого преступления. Дополнительной квалификации за организационную деятельность не требуется.

²⁷ Федеральный закон от 02.11.2013 № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 44. Ст. 5641 ; Федеральный закон от 25.07.2002 № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»» // Там же. 2002. № 30. Ст. 3029.

²⁸ См.: Малиновский В. В. Указ. соч. С. 62.

²⁹ См., например: Грачева Ю. В. Незаконное вооруженное формирование: состояние и перспективы уголовно-правового регулирования // Lex Russica. 2018. № 7. С. 82—91 ; Сальников А. В. Уголовно-правовое регулирование ответственности за бандитизм: история, современность и перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 11.

³⁰ Данные получены А. В. Сальниковым в результате анализа 270 судебных решений за 2000—2016 гг. (см.: Сальников А. В. Указ. соч. С. 11).

³¹ Примерно такие же данные получены в результате анализа практики назначения наказания за совершение иных преступлений, образующих рассматриваемую группу деяний.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Грачева Ю. В.* Незаконное вооруженное формирование: состояние и перспективы уголовно-правового регулирования // Lex Russica. — 2018. — № 7.
2. *Малиновский В. В.* Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика) / отв. ред. А. И. Чучаев. — М., 2009.
3. *Сергеевский Н. Д.* Русское уголовное право. Часть Общая. — Пг., 1915.
4. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право : лекции. Часть Общая : в 2 т. — М., 1994. — Т. 1.
5. *Трайнин А. Н.* Избранные труды. — СПб., 2004.

**Сергей Владимирович
МАЛИКОВ,**

кандидат юридических
наук, старший
преподаватель
кафедры уголовного
права Московского
государственного
юридического
университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
s.v.malikov@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ОБРАТНАЯ СИЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Нормативное закрепление правил действия уголовного закона во времени до сих пор не затрагивало вопросов, связанных с темпоральными аспектами действия бланкетного законодательства, и рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ. На основе анализа исторического опыта презюмируется, что нерешенность этих проблем влечет злоупотребления со стороны власти своим легитимным правом на насилие. Выходом из сложившейся ситуации могут стать сбалансированность компетенций ветвей власти и законодательное установление правил действия уголовного законодательства посредством выработки соответствующего принципа.

Ключевые слова: уголовный закон, обратная сила, действие закона во времени, предсказуемость законодательства, бланкетные нормы, рекомендации Пленума Верховного Суда РФ, принципы уголовного закона.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.034-042

S. V. MALIKOV,

PhD (Law), Senior Lecturer of Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

s.v.malikov@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

RETROACTIVITY OF CRIMINAL LAW: UNSOLVED ISSUES

Abstract. Normative consolidation of the rules of the criminal law in time has not yet touched upon issues related to the temporal aspects of the blanket legislation and the recommendations of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation. Based on the analysis of historical experience, it is presumed that the unsolved nature of these problems leads to abuse by the authorities of their legitimate right to violence. The way out of this situation can be a balance of competencies of the branches of government and the legislative establishment of the rules of criminal law through the development of an appropriate principle.

Keywords: criminal law, retroactive force, operation of law in time, predictability of legislation, blanket norms, recommendations of the Plenum of the Supreme court, principles of criminal law.

непрерывно меняется, адаптируясь к новым социально-политическим и экономическим условиям¹.

Снижение уровня преступности, удержание ее в контролируемых государством рамках — задачи, возложенные на уголовную политику. Как отметил А. И. Рарог, приоритеты уголовно-правовой политики должны иметь достаточные социальные и правовые основания, а уголовно-правовые средства обеспечения этих приоритетов должны быть адекватны охраняемым социальным ценностям и практически реализуемы².

Справедливы слова А. С. Александрова и И. А. Александровой о том, что уголовная политика всегда начинается с некоего интереса, она целесообразна, в высшей мере заинтересована в достижении определенного результата, а рациональность и утилитарность являются ее неотъемлемыми характеристиками. Уголовная политика только тогда может считаться таковой, когда она целесообразна, т.е. когда присутствует осознание цели и воля к ее реализации со стороны власти³.

Г. Ю. Маннс подчеркивал, что нет неизменных целей, преследуемых одной, неизменной уголовной политикой. Эти цели подвержены, подобно содержанию и формам преступления и наказания, исторической эволюции и зависят от характера общественных отношений той или иной эпохи⁴.

Действительно, речь об уголовной политике можно вести тогда, когда власть меняет уголовный закон для достижения определенных целей. В силу объективных причин меняется набор угроз безопасности государства (власти, правящей элиты, общества), но также и набор инструментов противодействия этим угрозам. Уголовная политика обусловлена потребностями текущего момента. Особенности времени, социально-экономической, политической обстановки отражаются на самом понимании явления. Применительно к уголовной политике часто используются термины «смена курса», «сохранение курса», что подчеркивает ее прагматичность, приспособляемость и способность прерываться в рамках поддержания усилий по защите каких-либо ценностей, обеспечения приоритетов. Это позволяет говорить о последовательности или непоследовательности уголовной политики, ее гибкости или избирательности, меткости или неизбирательности в зависимости от изменений конъюнктуры, контекста, обстановки. Таким образом, уголовная политика заключается в способности властвующей элиты найти оптимальные решения в сфере противодействия преступности, и тем более эффективной будет уголовная политика, чем правильнее будут определены объекты воздействия и подобраны соответствующие инструменты влияния.

¹ См.: Криминология / под ред. Г. А. Аванесова. М., 2013. С. 207.

² См.: Рарог А. И. Приоритеты российской уголовной политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XII Международной науч.-практич. конференции (29—30 января 2015 г.). М., 2015. С. 13.

³ См.: Александров А. С., Александрова И. А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики. М., 2017. С. 15.

⁴ См.: Маннс Г. Ю. Общее и специальное предупреждение в уголовном праве. Иркутск, 1926. С. 19—20.

Уголовное право юристами воспринимается как крайне консервативная отрасль права, отражающая сложившийся опыт и традиции разрешения уголовно-правового конфликта. Это предопределяет бережное отношение к традициям, к постулатам сложившихся (традиционных) школ уголовного права.

А. В. Наумов в этой связи указывает, что корни современного уголовного права лежат в идеях, выдвинутых в XVIII—XIX вв. Человечество к тому времени уже сформулировало основные уголовно-правовые идеи, и теперь они проверены веками. Никакого нового уголовного права не будет, а будет органическое развитие старого с его приспособлением к новым реалиям⁵.

Л. В. Иногамова-Хегай в сходном ключе утверждает, что концепция обновления УК РФ состоит в изложении его положений согласно принципам, закрепленным в ст. 3—8 УК РФ: законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма⁶.

Одновременно с этим большинство исследователей признают необходимость адаптации законодательства к стремительно изменяющейся жизни общества с целью адекватного сдерживания появляющихся угроз. А. Э. Жалинский справедливо отмечал, что уголовное право есть процесс, который не прерывается, но знает периоды постепенного развития и периоды перелома: они обычно рассматриваются как реформы и выражаются в принципиально новых кодификациях. Задача субъектов уголовного права состоит в поиске баланса стабильности и развития, в своевременном обнаружении реальных социальных, а не только лингвистических проблем⁷.

Решение проблемы поиска баланса стабильности и необходимости обновления уголовного закона приводило на разных исторических этапах к разработке своеобразных рецептов — от запрета на необоснованное обновление законодательства до кодификации законодательства с целью придания ему ясности и стабильности.

Наибольшее значение в контексте проблемы изменчивости уголовного закона приобретают вопросы непридания обратного действия уголовному закону, ухудшающему положение лица. Сфера преступного и наказуемого в целом находится в исключительном ведении государства, которое представляет собой форму или источник правопорядка, на сохранение которого и направлен уголовный закон. Исходя из этого оперирование уголовным законом во времени может быть:

- 1) неограниченным правом государства, если это признается целесообразным и необходимым (наказуемость деяний, ранее не признававшихся таковыми; ужесточение наказаний за деяния, ранее наказывавшиеся более мягкими средствами, и т.д.);
- 2) ограниченным правовым инструментом по воле самого государства в виде государственной милости или прощения (запрет на применение более жестких наказаний, если это специально оговаривается в законе);
- 3) ограниченным правовым инструментом ввиду расширения прав личности, требующего предсказуемости, последовательности государственной поли-

⁵ См.: Открытое письмо профессора А. В. Наумова академику В. Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 138.

⁶ См.: Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы обновления уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. С. 41.

⁷ См.: Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 24.

тики (закрепление в законе и неотступное следование правилу непридания обратной силы законам, ухудшающим положение лица).

Три представленных варианта использования уголовно-правовых средств государством во времени также представляют собой эволюционные этапы развития правила об обратной силе уголовного закона. Генеральной идеей этих этапов является ограничение права государства на свободное оперирование уголовным законом.

К XXI в., по нашему мнению, российское общество достигло лишь второго из указанных этапов эволюции. Одним из уязвимых мест этих подходов является то, что оставление в исключительном государственном ведении темпоральных аспектов действия закона вполне способно повлечь и отступление от правил, что неоднократно наблюдалось в XX в.

В частности, постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 1 июня 1927 г. устанавливало, что законы и распоряжения Центрального исполнительного комитета Союза ССР, его Президиума, Совета народных комиссаров Союза ССР и Совета труда и обороны, которые являются в целом или в части объективно невыполнимыми без издания предусмотренных ими конкретизирующих и детализирующих постановлений, проводятся в жизнь в целом или в соответствующей части по вступлении в силу указанных конкретизирующих и детализирующих норм (ст. 2)⁸. Из этого следовало, что объективно выполнимые указания могли быть исполнены без соответствующей имплементации в союзные законы.

На практике это правило было применено к А. А. Кузнецову, Н. А. Вознесенскому, М. И. Родионову, П. С. Попкову и др., к которым после ареста в 1949 г. была применена смертная казнь, введенная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г.⁹

Эта оговорка была исключена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1958 г.¹⁰, однако вопросы применения уголовно-правовых мер, устанавливаемых указами Президиума Верховного Совета СССР, в части придания им обратной силы остались нерешенными. В этой связи наибольшую известность получил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1961 г. «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях», примененный к преступлениям, совершенным до его издания¹¹.

⁸ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 1 июня 1927 г. «О дополнении постановления Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 6 февраля 1925 года о времени вступления в силу законов и распоряжений правительства Союза ССР, а равно распоряжений ведомств Союза ССР» // СЗ СССР. 1927. № 32. Ст. 326.

⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. «О применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1950. № 3.

¹⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1958 г. «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР, постановлений Верховного Совета СССР, указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 14. Ст. 275.

¹¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 27. Ст. 291. В данном случае речь идет о судебном процессе в СССР в 1961 г. по обвинению Яна Рокотова, Владислава Файбишенко и Дмитрия Яковлева в незаконных валютных операциях (приговорены к расстрелу).

Аналогично вопросы уголовного права регламентировались в Указах Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г.¹², 15 февраля 1962 г.¹³, 20 февраля 1962 г.¹⁴, 21 октября 1963 г.¹⁵, 26 июля 1966 г.¹⁶, 1 октября 1971 г.¹⁷ и др. Таким образом, при наличии особых обстоятельств и политической воли Советское государство отступало от правила непридания строгим законам обратной силы.

Безусловно, эксклюзивное право государства на легитимное применение насилия обеспечивает стабильность общества и предохраняет его от негативных последствий неконтролируемого использования насильственных способов социального взаимодействия. Однако эта эксклюзивность в применении насилия налагает большие обязательства в определении его оснований. Минимизировать субъективизм и произвол в этой сфере возможно только посредством активного участия гражданского общества в политическом процессе и в выработке уголовно-правовых решений, а также действительным проведением разделения власти в стране.

Что касается последнего из указанных факторов, то реализация его на практике в современной России осложняется:

- 1) со стороны исполнительной власти усилением тенденции выведения из сферы действия уголовного права весьма внушительного по объему блока деяний за счет установления ответственности за них в административном законодательстве;
- 2) со стороны законодательной власти увеличением объемов уголовного законодательства, а также дискуссией о введении уголовного проступка вместо перевода ряда деяний, не представляющих значительной общественной опасности, в административное законодательство;
- 3) со стороны судебной власти в лице Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ наращиванием значительного количества рекомендательных норм толкования (в первом случае) и обязательных правовых позиций (во втором

¹² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 19. Ст. 207.

¹³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 8. Ст. 84.

¹⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 8. Ст. 85.

¹⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября 1963 г. № 1797-VI «Об усилении уголовной ответственности за самовольную без надобности остановку поезда» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 43. Ст. 446.

¹⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30. Ст. 595.

¹⁷ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 01.10.1971 № 2184-VIII «Об усилении ответственности за распространение венерических заболеваний» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 40. Ст. 392.

случае)¹⁸, что в теории все острее ставит вопрос о придании первым статуса источника права¹⁹.

Это активное противоборство, несмотря на внешне негативную коннотацию, способно привести к сбалансированности уголовно-правовой политики. Восстановление определенного баланса сил может быть осуществлено посредством перевода целого комплекса преступлений, не обладающих высокой степенью общественной опасности, в разряд административных правонарушений. Такой подход будет способствовать реализации предлагаемого нами принципа предсказуемости развития уголовного законодательства, поскольку основное внимание будет сосредоточено на построении «маленького и жесткого» уголовного кодекса, общественное обсуждение которого заметно облегчается.

Распределение полномочий среди ветвей власти и их уравнивание не должны приводить к утрате основных принципов уголовного законодательства, одним из которых является непридание обратной силы нормативным положениям, ухудшающим положение лица. Полагаем, что целесообразно распространить этот принцип также на бланкетное законодательство и рекомендации Пленума Верховного Суда РФ. Такое широкое распространение этого принципа впервые в отечественной истории позволит ограничить пределы государственного воздействия на интересы личности и общества.

Бланкетная часть нормы УК РФ может быть выражена: а) в Конституции РФ и международных договорах России; б) нормативных правовых актах иных отраслей права, например в различного рода правилах и требованиях: охраны труда, пожарной безопасности, производства тех или иных работ, дорожного движения и т.д.; в) подзаконных уголовно-правовых актах — постановлениях Правительства РФ, принимаемых в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ; г) решениях Верховного Суда РФ, которые определяют бланкетное содержание признаков отдельных составов преступлений.

Правила темпорального действия уголовно-правовых норм при изменении их бланкетной части получили отражение в определении Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 270-О, закрепившем правило о том, что декриминализация тех или иных деяний может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона²⁰.

¹⁸ Правовые позиции Конституционного Суда РФ — это результаты толкования, выявления конституционного смысла оспариваемого нормативного правового акта (его отдельных положений), которые снимают конституционную неопределенность и служат правовым основанием итоговых решений Конституционного Суда РФ (См.: Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991—2001 гг.) : очерки теории и практики. М., 2001. С. 111).

¹⁹ См. например: Обращеев К. В. Действие уголовно-правовых норм во времени: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2016. № 2.

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской

Эта позиция подтверждена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 (в ред. от 7 июля 2015 г.) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (п. 17)²¹. Конституционный Суд РФ также поступательно проводит политику придания значимости разъяснительной практике Верховного Суда РФ и его Пленума²².

В решениях Конституционного Суда РФ разъяснения Верховного Суда РФ и его Пленума по вопросам судебной практики характеризуются как: 1) акты толкования закона; 2) обязательные для нижестоящих судов на будущее время; 3) обязательные для учета судами при вынесении решений; 4) основывающиеся на вырабатываемых высшей судебной инстанцией правовых позициях; 5) изменяющихся с учетом динамики общественных отношений.

Изменчивость правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ может быть «явной», когда одно разъяснение заменяется на другое, и «неявной», когда одно разъяснение утрачивает силу в связи с исключением из постановления Пленума: в одних случаях практика меняется, в других остается неизменной²³.

Прецеденты самостоятельного придания обратной силы постановлению Пленума Верховного Суда РФ уже имеются, хотя они не посвящены вопросам уголовного права. В частности, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 20 декабря 2005 г. № 26 придал своему же постановлению обратную силу и предложил нижестоящим судам использовать его в качестве основания для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам²⁴.

ской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ СПС «КонсультантПлюс».

²² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-11 «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»»; определения Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 1745-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Журавлева Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьями 9 и 14 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»; от 18 июля 2017 г. № 1746-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Силукова Дмитрия Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьей 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральным конституционным законом «О Верховном Суде Российской Федерации»; от 10 ноября 2016 г. № 2561-О «По запросу Арбитражного суда Алтайского края о проверке конституционности пункта 4.1 статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²³ См.: *Кострова М. Б.* «Неявная» изменчивость правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ и ее влияние на практику применения уголовно-правовых норм // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XV Международной науч.-практич. конференции (25—26 января 2018 г.). М., 2018. С. 418—419.

²⁴ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2005 г. № 26 о вопросе, возникшем после принятия Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 5 апреля

А. Т. Боннер указал, что Верховный Суд РФ в данном случае руководствовался нормами не только права, но и морали²⁵. Другие ученые ссылаются на это постановление Пленума Верховного Суда РФ в качестве примера при разъяснении необходимости непосредственно применять нормы Международного пакта о гражданских и политических правах²⁶.

Полагаем, что требование предсказуемости действий всех ветвей власти, прогнозируемости нормативного регулирования и последствий определенных действий с запретом на ухудшение положения личности на этапе стремительного обновления законодательства, изменения характера и объема уголовной репрессии, на наш взгляд, может выступить одним из принципов уголовного законодательства.

Данный принцип должен включать два компонента:

- 1) уголовно-правовая норма, устанавливающая, усиливающая или любым образом ухудшающая положение лица, не имеет обратной силы. Данное требование распространяется на бланкетное законодательство и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ;
- 2) предсказуемость уголовного законодательства обеспечивается посредством учета общественного мнения при введении уголовно-правовых запретов путем проведения опросов населения, в том числе на цифровых площадках.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александров А. С., Александрова И. А.* Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики. — М., 2017.
2. *Баринов Н. А., Баринова М. Н.* Российская доктрина непосредственного применения частноправовых норм международных актов (постановка проблемы) // Актуальные проблемы гражданского права и процесса : сборник материалов Международной науч.-практич. конф. — Вып. 1. — М., 2006.
3. *Боннер А. Т.* Проблемы установления истины в гражданском процессе. — СПб., 2009.

2005 г. Постановления № 7 «О внесении изменений и дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2000 г. № 35 “О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: *Боннер А. Т.* Проблемы установления истины в гражданском процессе. СПб., 2009 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ См.: *Баринов Н. А., Баринова М. Н.* Российская доктрина непосредственного применения частноправовых норм международных актов (постановка проблемы) // Актуальные проблемы гражданского права и процесса : сборник материалов Международной науч.-практической конф. Вып. 1. М., 2006 // СПС «КонсультантПлюс».

4. *Витрук Н. В.* Конституционное правосудие в России (1991—2001 гг.) : очерки теории и практики. — М., 2001.
5. *Жалинский А. Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. — М., 2009.
6. *Иногамова-Хегай Л. В.* Концептуальные основы обновления уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XII Международной науч.-практич. конференции (29—30 января 2015 г.). — М., 2015.
7. *Кострова М. Б.* «Неявная» изменчивость правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ и ее влияние на практику применения уголовно-правовых норм // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XV Международной науч.-практич. конференции (25—26 января 2018 г.). — М., 2018.
8. Криминология / под ред. Г. А. Аванесова. — М., 2013.
9. *Маннс Г. Ю.* Общее и специальное предупреждение в уголовном праве. — Иркутск, 1926.
10. *Ображиев К. В.* Действие уголовно-правовых норм во времени: проблемы теории и практики // Уголовное право. — 2016. — № 2.
11. *Наумов А. В.* Открытое письмо профессора А. В. Наумова академику В. Н. Кудрявцеву // Уголовное право. — 2006. — № 4.
12. *Рарог А. И.* Приоритеты российской уголовной политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XII Международной науч.-практич. конференции (29—30 января 2015 г.). — М., 2015.

КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И МЕСТО СРЕДИ НИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ТЯЖЕСТИ

Аннотация. За последние годы проявилась тенденция, выражающаяся в закреплении в ряде норм Общей части УК более строгого отношения к отдельным видам преступлений на основании их объекта, а не в соответствии с категорией преступления. При этом стало утрачиваться важнейшее значение категорий, связанное с тем, что правовые последствия отнесения к той или иной категории едины и не зависят от места определенного вида преступления в Уголовном кодексе.

Критически осмыслены новеллы, включенные в ст. 15, 64, 73, 78, 79, 83 УК РФ, подрывающие систему категорий преступлений и содержащие для отдельных видов преступлений более суровые последствия, чем это предусмотрено для категории особо тяжких преступлений. Сделан вывод о том, что законодательные изменения последних лет, в том числе увеличение видов преступлений, за которые как альтернатива лишения свободы на определенный срок предусмотрено пожизненное лишение свободы, свидетельствуют о фактическом создании новой категории преступлений, не выделенной в ст. 15 УК, которую условно можно назвать преступлениями исключительной тяжести.

Ключевые слова: категории преступлений; правовые последствия отнесения преступления к определенной категории; изменение категории судом; дифференциация уголовной ответственности; перечни видов преступлений; унификация положений уголовного закона; пожизненное лишение свободы; ужесточение уголовного закона; преступления исключительной тяжести.

**Татьяна Юрьевна
ОРЕШКИНА,**

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
oreshkina-t@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.043-052

T. Y. ORESHKINA,

PhD (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
oreshkina-t@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

CATEGORIES OF CRIMES AND THE PLACE OF CRIMES OF EXCEPTIONAL GRAVITY AMONG THEM

Abstract. In recent years a tendency has emerged that manifests itself in securing in a number of norms of the General Part of the Criminal Code a stricter attitude to certain types of crimes on the basis of their objects, and

© Т. Ю. Орешкина, 2018

not in accordance with the category of crime. At the same time, the major importance of categories has become lost due to the fact that the legal consequences of referring to a particular category are unified and do not depend on the place of a certain type of crime in the Criminal Code.

Critically comprehended are the novels included in Art. 15, 64, 73, 78, 79, 83 of the Criminal Code, undermining the system of categories of crimes and containing for certain types of crimes more severe consequences than for especially grave crimes. It is concluded that the legislative changes of recent years, including the increase in the number of crimes for which a life imprisonment is provided in an alternative with imprisonment for a certain period, indicate the actual creation of a new category of crimes not identified in Art. 15 of the Criminal Code, which can be conditionally called a crime of exceptional gravity.

Keywords: *categories of crimes; legal consequences of attributing a crime to a certain category; change of category by court; differentiation of criminal liability; lists of types of crimes; unification of the provisions of the criminal law; life imprisonment; toughening of the criminal law; crimes of exceptional gravity.*

Классификация преступлений по их тяжести в действующем уголовном законе заключается в выделении категорий. Отнесение всех без исключения преступлений к одной из четырех категорий (преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления) в ч. 1 ст. 15 Уголовного кодекса РФ (далее — УК) создало исчерпывающую систему, подразделяющуюся на элементы в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния.

Эта формулировка не совсем точна, в ней упущен важный момент — выделение категорий в уголовном законе осуществлено также с учетом формы вины и критерия в виде пределов сроков лишения свободы, предусмотренных санкцией статьи Особенной части УК, что вытекает из ч. 2—5 данной статьи УК. Характер общественной опасности, который, безусловно, базируется на объекте, далеко не всегда диктует отнесение преступления к той или иной категории.

Так, наиболее ценным объектом является жизнь человека, но простое и квалифицированное убийство являются преступлениями особой тяжести, а убийство при превышении пределов необходимой обороны и при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, — преступления небольшой тяжести (наряду с оставлением в опасности, простой кражей и т.п.). И здесь уже учтена и степень общественной опасности таких деяний, отраженная в санкциях статей Особенной части УК. Именно пределы санкции статьи Особенной части, которые выражают итоговое мнение законодателя о совокупной общественной опасности деяния, включая оценку и характера, и степени его общественной опасности, выступают в виде четкого критерия, позволяющего отнести умышленное преступление к одной из четырех категорий, а неосторожное преступление — к одной из двух категорий.

В целом законодательный подход при принятии действующего УК и изменениях первых лет был достаточно системным и, за некоторыми исключениями,

обеспечивал единые рамки для дифференциации уголовной ответственности разных по тяжести деяний в зависимости от оценки их опасности в санкции статьи Особенной части УК, а одновременно с этим и унификацию юридических последствий, предусмотренных для различных по родовому и видовому объекту преступлений, но относящихся к одной категории.

Значение законодательно закрепленных категорий трудно переоценить. Представляется правильным мнение Т. А. Лесниевски-Костаревой о том, что категоризацию преступлений в ст. 15 УК следует считать не средством дифференциации уголовной ответственности, а основой дифференциации¹. Эта основа отражается в значительном числе институтов Общей части УК, среди них: рецидив преступлений, неоконченное преступление, виды наказаний, назначение наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания, судимость, особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Отмеченное означает, что дифференциация уголовной ответственности, основой которой является категоризация, осуществляется с помощью обширного нормативного материала, выступающего в качестве средства дифференциации.

Вместе с тем для каждой категории преступлений, наряду с дифференциацией, обеспечивается и необходимая степень унификации, поэтому, например, для лиц, совершивших любые преступления небольшой или средней тяжести (независимо от их родового, видового и непосредственного объекта и формы вины) при наличии дополнительных условий, указанных в ст. 75, 76, 76.2 УК, предусмотрены виды освобождения от уголовной ответственности. В зависимости от категории ранжированы сроки давности привлечения к уголовной ответственности и обвинительного приговора, т.е. дифференциация уголовной ответственности разных по тяжести преступлений. Но этими же нормативными положениями в рамках одной категории теоретически должна обеспечиваться унификация правовых последствий преступлений, в том числе и различающихся по характеру общественной опасности и форме вины.

Но все же имеются и отступления от этих общих положений с едиными критериями дифференциации. К ним можно отнести предусмотренную в ч. 3 ст. 15 УК категорию преступлений средней тяжести, которая имеет различные параметры в виде типовых пределов лишения свободы в зависимости от формы вины: для умышленных преступлений максимальное наказание, предусмотренное статьей Особенной части УК, не превышает пяти лет лишения свободы, а для неосторожных — максимальное наказание, предусмотренное законом, превышает три года лишения свободы, т.е. верхний предел этого вида наказания не фиксируется в ст. 15 УК, а обращаясь к санкциям статей Особенной части УК, можно увидеть, что максимальный размер этого вида наказания может составлять, например, семь (ч. 3 ст. 263 УК) или даже девять лет (ч. 6 ст. 264 УК).

Дифференциация уголовной ответственности за неосторожные преступления, входящие в эту категорию, а также в категорию преступлений небольшой тяжести, в иных статьях Общей части, безусловно, характеризуется серьезными отличиями от юридических последствий совершения умышленных преступлений. Так,

¹ См.: Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности : теория и законодательная практика. М. : Норма, 1998. С. 38.

на них не распространяются положения о соучастии, стадиях, рецидиве преступлений, своеобразием при лишении свободы характеризуется назначение вида исправительного учреждения.

В связи с особенностями неосторожных преступлений на протяжении значительного периода времени велась дискуссия о том, следует ли неосторожные преступления выделять отдельно от категорий умышленных преступлений. Своеобразным итогом явилось предложение В. А. Нерсисяна об обособлении неосторожных преступлений в отдельной части ст. 15 УК с выделением для них двух категорий: «а) за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает двух лет лишения свободы; б) за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет»².

Однако предложенное дополнение уголовного закона вызывает возражения, поскольку категории неосторожных преступлений данным автором никак не названы, а также в связи с тем, что пятилетний максимальный срок лишения свободы не может соответствовать общественной опасности неосторожных преступлений, повлекших особо тяжкие последствия, в том числе гибель двух или более лиц. Кстати, неосторожные преступления, повлекшие смерть человека, в специальной литературе предлагалось вернуть, как это предусматривалось в первоначальной редакции ст. 15 УК, в категорию тяжких преступлений³. Однако, как представляется, в таком изменении нет необходимости, поскольку для преступлений с неосторожной формой вины верхний предел лишения свободы в ч. 3 ст. 15 УК не предусмотрен.

Целый ряд вопросов, на которых следует коротко остановиться, возникает при сопоставлении ч. 5 ст. 15 УК с положениями других норм Общей части УК. При вступлении действующего УК в силу категория особо тяжких преступлений уже характеризовалась определенной неоднородностью и включала в себя (и в настоящее время включает) группу преступлений, за которые предусмотрено более строгое наказание, чем лишение свободы на срок свыше десяти лет, — пожизненное лишение свободы и смертную казнь. Для этих преступлений характерны специфические уголовно-правовые последствия, в том числе вид исправительного учреждения при назначении наказания в виде пожизненного лишения свободы, решение судом вопроса о применении или неприменении сроков давности уголовной ответственности и обвинительного приговора, особенности условно-досрочного освобождения от наказания.

Первоначально законом предусматривалось пять преступлений с более суровыми наказаниями, альтернативными лишению свободы на определенный срок: квалифицированные виды убийства (ч. 2 ст. 105 УК); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК); посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие (ст. 295 УК); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК); геноцид (ст. 357 УК). Вме-

² Нерсисян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. С. 78.

³ См., например: Устинова Т. Д. Общественная опасность и ее влияние (учет) при конструировании норм Общей части УК РФ // Lex Russica. 2015. № 3. С. 68.

сте с тем назначение судами смертной казни было заблокировано постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П⁴. А затем указанное постановление было дополнительно разъяснено определением Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р, отметившего невозможность назначения смертной казни и необратимость процесса, направленного на отмену смертной казни. Возникает закономерный вопрос: почему бы не исключить указание на смертную казнь из ст. 44 УК («Виды наказаний») и санкций пяти статей Особенной части УК, не признать ст. 59 УК («Смертная казнь») утратившей силу?

В последующие годы количество видов преступлений, за которые предусмотрено пожизненное лишение свободы, стало постепенно расти, но смертную казнь в санкции законодатель уже не включал. Пожизненное лишение свободы стало предусматриваться не только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, как это было первоначально, но и за особо тяжкие преступления против здоровья населения, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, преступления против безопасности государства — диверсию (ч. 3 ст. 281 УК), а также акт международного терроризма (ст. 361 УК). Кстати, в ст. 57 УК упоминание о двух последних видах преступлений отсутствует, но в санкциях перечисленных статей пожизненное лишение свободы указано.

Помимо этого, проявилась все усиливающаяся тенденция, выражающаяся в закреплении в ряде норм Общей части более строгого отношения законодателя к отдельным видам преступлений на основании их видового и непосредственного объектов, а не на основании категории преступления. При этом стало в определенной степени утрачиваться важнейшее значение категорий, связанное с тем, что правовые последствия отнесения к той или иной категории едины и не зависят от места определенного вида преступления в УК.

Законодательные изменения последних лет свидетельствуют о фактическом создании новой категории преступлений, не выделенной в ст. 15 УК, которую условно можно назвать преступлениями исключительной тяжести. В новеллах получила развитие тенденция, направленная на существенное усиление (по сравнению с категорией особо тяжких преступлений) репрессии в отношении отдельных видов преступлений, которые в соответствии с санкцией должны быть отнесены к тяжким или особо тяжким преступлениям, а иногда даже средней тяжести, реализованная путем корректировки ряда норм Общей части. Указанные изменения выразились в дополнении ст. 64, 73, 78, 79, 80, 82, 83 УК перечнями преступлений, влекущих более строгую реакцию государства, чем это диктуется категорией преступления.

Особое внимание в этом плане законодатель уделил преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, а также террористической деятельности, понимаемой весьма широко. В некоторые статьи Общей части УК, наряду с этим, также включено указание на тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (п. «г» ч. 3 ст. 79 УК). При этом проявились казуистичность, отсутствие последователь-

⁴ СЗ РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

ного, системного подхода законодателя к подобным перечням, отказ от требования унификации близких по духу нормативных положений. Для увеличения (по сравнению с особо тяжкими преступлениями) части срока наказания, отбытой до условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания, последняя из указанных групп преступлений учтена, а для замены неотбытой части наказания более мягким — нет.

Очевидно, что такие изменения вносятся фрагментарно, на волне временных тенденций в области уголовной политики: сначала звучит явная озабоченность в связи с совершением преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, затем — с особой опасностью преступлений террористической направленности, а вслед за этим ужесточаются положения УК, в том числе и нормы Общей части.

В соответствии с ч. 3 ст. 64 УК, введенной Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ, правила о назначении более мягкого наказания не применяются к лицам, совершившим преступления, предусмотренные ст. 205—205.5, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК, а также сопряженные с осуществлением террористической деятельности, преступления, предусмотренные ст. 277, 278, 279 и 360 УК. Особо жесткое отношение законодателем к таким преступлениям проявляется и в санкциях большинства статей УК, предусматривающих ответственность за них. При этом, например, пособник в преступлениях, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК, выделен в качестве исполнителя самостоятельного преступления (ч. 3 ст. 205.1 УК), за которое предусмотрено наказание более суровое, чем для исполнителя по ч. 1 ст. 205, ч. 3 ст. 206 и ч. 3 ст. 208 УК. Да и сама идея о самостоятельной уголовной ответственности пособника, противоречащая и положениям ч. 5 ст. 33 УК, и основам теории уголовного права, наряду со строгостью наказания вызвала справедливую критику среди специалистов в области уголовного права⁵.

Между тем практика свидетельствует, что иногда не только пособничество в террористической деятельности, но даже финансирование терроризма не характеризуется глобально повышенной опасностью. В этом плане интересен приговор Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Республики по делу № 2569/14 от 29.04.2014, согласно которому И. Ш. был осужден по ч. 1 ст. 205.1 УК за финансирование терроризма. По мотиву «религиозной идеологии экстремистского характера» он безвозмездно передал 1 000 (одну тысячу) рублей члену террористического сообщества «на ведение джихада», осознавая, что данным сообществом планируется совершение преступлений террористического характера⁶.

Возвращаясь к ст. 64 УК, следует подчеркнуть, что принципиально неправильно при совершении преступления любой тяжести сбрасывать со счетов необходимость учета таких обстоятельств, как заведомо второстепенная роль лица при совершении преступления, применение к лицу физического или психического

⁵ См., например: *Парог А. И.* Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // *Lex Russica*. 2016. № 11. С. 50.

⁶ Приговор Усть-Джегутинского районного суда от 29.04.2014 по делу № 2569/14 // СПС «КонсультантПлюс».

принуждения, активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления и т.п. Последнее является побудительной причиной для помощи следствию и признается позитивным постпреступным поведением лица, а особая интенсивность таких действий при совершении различных преступлений позволяет суду отнести их к исключительным обстоятельствам, но для указанных преступлений такой стимул в ч. 3 ст. 64 УК теперь аннулирован. Представляется, что данная норма не является продуманной, и наличие исключительных обстоятельств по делу не может напрямую зависеть от объекта преступления, поэтому введение каких-либо изъятий из применения ст. 64 УК представляется неуместным.

Требуют осмысления и введенные ограничения для условного осуждения. Согласно п. «а» и «а.1» ч. 1 ст. 73 УК условное осуждение не назначается осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, и осужденным за преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 205.1, ст. 205.2, ч. 2 ст. 205.4, ч. 1—3 ст. 206, ст. 360 УК. В целом введение определенных ограничений для применения условного осуждения представляется необходимым, но оно должно быть связано с категорией преступлений. Правильнее было бы указать на особо тяжкие преступления, а не давать перечень, не зависящий от категории преступлений и содержащий только указание на деяния, связанные с террористической деятельностью, а также на преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

Кстати, далеко не все эти преступления являются особо тяжкими: среди них есть и преступления средней тяжести (ч. 1 ст. 205.2 УК) и тяжкие (ч. 3 ст. 134, ч. 2 ст. 135, ч. 2 ст. 205.2, ч. 2 ст. 205.4, ч. 1 ст. 206, ч. 3 ст. 240, ч. 3 ст. 241, ч. 2 ст. 242.1 УК). Одновременно с этим при действующей редакции ст. 73 УК не исключается возможность назначения условного осуждения за иные тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе насильственные. Таким образом, возможно условное осуждение за убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК (и даже ч. 2 ст. 105 УК). Однако не может быть преступления более опасного, чем квалифицированные виды убийства. Поэтому правильнее было бы в ч. 1 ст. 73 УК указать на исключение возможности назначения условного осуждения лицам, осужденным за особо тяжкие преступления, а не давать перечни для изъятия, содержащие определенные группы преступлений (связанные с террористической деятельностью и против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста)⁷.

Немаловажно и уголовно-правовое последствие, которое распространяется на большую группу преступлений террористической направленности, если они входят в совокупность преступлений. Это выражается в возможности назначить более продолжительные сроки лишения свободы при полном или частичном сложении наказаний при назначении наказаний по совокупности преступлений

⁷ Перечни уязвимы с точки зрения законодательной техники и ведут к пробелам: в п. «б» ч. 1 ст. 73 УК не указана ч. 1.1 ст. 205.1 УК, которая была введена в 2017 г., хотя санкция позволяет при назначении минимального наказания (восемь лет лишения свободы) назначить условное осуждение.

и совокупности приговоров. В части 5 ст. 56 УК эти сроки увеличены на пять лет и составляют для совокупности преступлений максимально тридцать лет лишения свободы вместо двадцати пяти лет, предусмотренных по общему правилу. По совокупности приговоров для этих же ситуаций предусмотрено максимально тридцать пять лет лишения свободы вместо тридцати лет по общему правилу, содержащемуся в ч. 4 ст. 56 УК.

Таким образом, например, при совокупности преступлений, в которую входят публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма (ст. 205.1 УК) и убийство по ч. 2 ст. 105 УК, можно назначить тридцать лет лишения свободы, а при совокупности преступлений, в которую входит такое же убийство (ч. 2 ст. 105 УК) и разбойное нападение, совершенное организованной группой (п. «а» ч. 4 ст. 162 УК), можно назначить максимум двадцать пять лет лишения свободы. Но в ч. 1 ст. 205.2 УК предусмотрено преступление средней тяжести, а в ч. 4 ст. 162 УК — особо тяжкое преступление, т.е. совокупность двух особо тяжких преступлений будет влечь более мягкое наказание, чем совокупность особо тяжкого преступления и преступления средней тяжести, следовательно, системный подход явно отсутствует.

Чрезмерно жесткими являются положения о неприменении к лицам, совершившим ряд преступлений террористической направленности, сроков давности (ч. 5 ст. 78 УК и ч. 4 ст. 83 УК). Если проанализировать перечни преступлений, перечисленных в них, можно увидеть не только особо тяжкие, но и тяжкие преступления (ч. 2 ст. 205.4 УК), далеко не за все перечисленные преступления предусмотрено пожизненное лишение свободы в альтернативе с лишением свободы на определенный срок. При этом в ч. 4 ст. 78 и ч. 3 ст. 83 УК предусмотрено значительно более мягкое положение — суд решает вопрос о возможности или невозможности применения сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы. В подобных случаях при любом решении суда эти более строгие виды наказания не применяются. Возникло явное противоречие между рассматриваемыми положениями уголовного закона, которые могут быть устранены путем признания указанной новеллы, утратившей силу.

В критическом аспекте стоит упомянуть и ч. 6 ст. 15 УК, введенную Федеральным законом от 07.12.2011, в связи с чем стало возможным изменение категории преступления на менее тяжкую по усмотрению суда. При принятии такого решения суд руководствуется в первую очередь характером и степенью общественной опасности преступления. Но именно характер и степень общественной опасности деяния позволили законодателю установить параметры для категорий преступлений. Однако суд рассматривает их заново в аспекте снижения категории на одну ступень, а перед этим сначала назначает наказание, опять же с учетом характера и степени общественной опасности совершенного деяния и иных обстоятельств, указанных в ч. 3 ст. 60 УК.

Такое решение суда, принимаемое по его усмотрению, влечет и иные уголовно-правовые последствия, например, более льготные сроки при применении условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания, при погашении судимости и т.п. Все это свидетельствует о том, что положения ч. 6 ст. 15 УК нарушают принцип справедливости и могут выступать коррупционным

фактором при принятии судом решения. Кстати, задолго до появления ч. 6 ст. 15 УК А. П. Козлов, гипотетически рассматривая возможность введения положения закона о снижении судом категории преступления, верно отметил его неприемлемость, «...поскольку это означало бы создание неопределенной ситуации с категориями преступлений и получением судом возможности манипулировать категориями преступлений»⁸.

Представляется, что проанализированные изменения уголовного закона лишены логики, нарушают сложившуюся систему, размывая границы категорий преступлений. Растет казуистичность уголовного закона, разрушающая гармоничность его положений. В частности, появились в Общей части УК многочисленные группы преступлений по видовому объекту (а не по их категории), влекущие более строгие правовые последствия, чем предусмотренные для особо тяжких преступлений.

Если и вводить нормы, которые ужесточают уголовно-правовые последствия деяния по сравнению с категорией особо тяжких преступлений, то следует из категории особо тяжких преступлений выделить новую группу преступлений исключительной тяжести, опасность которых должна быть отражена в санкции статьи Особенной части УК, включающей пожизненное лишение свободы в альтернативе с лишением свободы на определенный срок⁹. Таких преступлений в УК чуть больше двух десятков. При этом из ч. 5 ст. 15 УК надо исключить указание на более строгое наказание, дополнительно включив ч. 5.1 следующего содержания: «Преступлениями исключительной тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых настоящим Кодексом, наряду с наказанием в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет, предусмотрено более строгое наказание». От перечней отдельных видов преступлений в большинстве норм Общей части следует отказаться. В этом случае должны быть внесены соответствующие изменения и в ст. 56, 73, 74, 78, 79, 86 УК с указанием на преступления исключительной тяжести.

Некоторые положения уголовного закона, как представляется, должны быть отменены. Это касается запрета назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ч. 3 ст. 64 УК), возможность применения которого должна существовать при наличии исключительных обстоятельств в случае совершения преступления любой категории. Поэтому ч. 3 ст. 64 УК следовало бы признать утратившей силу. Такой же вывод следует сделать в отношении неприменения сроков давности, вернувшись к прежней редакции ч. 5 ст. 78 и ч. 4 ст. 83 УК.

⁸ Козлов А. П. Понятие преступления. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. С. 792.

⁹ В санкциях пяти статей УК наряду с лишением свободы на определенный срок и пожизненным лишением свободы указана смертная казнь.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Козлов А. П.* Понятие преступления. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 819 с.
2. *Лесниевски-Костарева Т. А.* Дифференциация уголовной ответственности : Теория и законодательная практика. — М. : Норма, 1998. — 296.
3. *Нерсисян В. А.* Ответственность за неосторожные преступления. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. — 223 с.
4. *Рарог А. И.* Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex Russica. — 2016. — № 11. — С. 46—60.
5. *Устинова Т. Д.* Общественная опасность и ее влияние (учет) при конструировании норм Общей части УК РФ // Lex Russica. — 2015. — № 3. — С. 63—72.

СТАЛКЕР КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье исследуется проблема криминализации stalking в российском уголовном законодательстве. Сталкерство рассматривается в двух аспектах: как систематическое преследование потерпевшего со стороны одного лица или группы лиц и как незаконное проникновение на охраняемые объекты. Делается вывод о необходимости уголовно-правового запрета незаконного вмешательства в какой бы то ни было форме в частную жизнь человека без его согласия. Предлагается оптимизировать норму уголовного закона о незаконном получении сведений, составляющих государственную тайну, путем указания на материальные носители такой информации в качестве предмета преступления.

Ключевые слова: stalking, харассмент, порноместь, буллинг, преследование, травля, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, профессиональная тайна, государственная тайна.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.053-061

I. A. YURCHENKO,

PhD (Law), Associate professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

iajurchenko@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

STALKER AS A SUBJECT OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Abstract. The article investigates the problem of criminalization of stalking in the Russian criminal legislation. Stalking is considered in two aspects: as systematic prosecution of the victim by one person or group of persons and as illegal penetration on protected objects. The conclusion is made about the necessity of criminal law prohibition of illegal interference in any form in a person's private life without his consent. It is proposed to optimize the provision of the criminal law on illegal receipt of information constituting a state secret by specifying the material media of such information as the subject of the crime.

Keywords: stalking, harassment, revenge porn, bullying, harassment, privacy, personal and family secret, professional secret, state secret.

**Ирина Александровна
ЮРЧЕНКО,**

кандидат юридических
наук, доцент

кафедры уголовного

права Московского

государственного

юридического

университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)

iajurchenko@mail.ru

125993, Россия, г. Москва,

ул. Садовая-Кудринская, д. 9

В июле 2018 г. прокуратура Ленинского района г. Уфы утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении 41-летнего уфимца, который подозревается в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 137 УК РФ (незаконное собирание сведений о частной жизни лица, составляющих его личную тайну, без его согласия) и ст. 138.1 УК РФ (незаконное

© И. А. Юрченко, 2018

производство специального технического средства, предназначенного для негласного получения информации). По версии следствия, в 2016—2017 гг. обвиняемый, увлекающийся радиотехникой, модифицировал отслеживающее устройство и прикрепил его к автомобилю «BMW X3», принадлежащему знакомой. На протяжении двух лет он следил за ней, получая электронные письма с отчетом о местоположении транспортного средства. Когда мужчина стал систематически появляться в тех же местах, где находилась потерпевшая, она заподозрила слежку. Сотрудники автосервиса, куда девушка сдала иномарку, обнаружили «жучок». Свою вину в совершении преступлений обвиняемый не признал. Уголовное дело направлено мировому судье для рассмотрения по существу¹.

В начале 2018 г. 25-летняя жительница Новосибирска Валерия С. обратилась в полицию с заявлением о преследовании со стороны ее сослуживца Ш., ухаживания которого она отвергла. В течение полутора лет настойчивый поклонник писал ей в различных соцсетях, атаковал СМС-сообщениями, караулил возле офиса. После очередного отказа девушки мужчина вылил на нее ведро с мочой при выходе из дома, снял это на камеру «GoPro» и пообещал разместить видео в сети Интернет. В июле, узнав из соцсети о том, что Валерия С. находится в доме отдыха на Алтае, гражданин Ш. приехал туда, а когда потерпевшая попросила его уйти, бросил в лицо зажженную сигарету и пообещал убить ее кота. До настоящего времени никаких мер юридической ответственности к гр-ну Ш. не применено².

В мировой практике длительное систематическое навязчивое преследование какого-либо лица определяется как stalking (stalking — преследовать). Изначально подобные действия рассматривались в качестве одного из видов домашнего насилия, поскольку в большинстве случаев они совершаются бывшими супругами или партнерами, но в настоящее время stalking приобрел самые разнообразные формы — харассмент, порноместь (revenge porn), фанатство, моббинг и др. С развитием информационно-телекоммуникационных технологий наиболее распространенным видом stalking стал киберсталкинг (cyberstalking — преследование кого-либо в Интернете одним человеком или группой лиц), который признается одной из угроз информационной безопасности личности.

Навязчивое преследование может выражаться в многочисленных звонках, сообщениях в соцсетях и мессенджерах, неправомерном доступе к компьютерной информации, в угрозах применения насилия, оскорблениях, понуждении к действиям сексуального характера, распространении клеветы и сведений конфиденциального характера (например, размещение в сети Интернет материалов сексуального характера без согласия потерпевшего), в рассылке анонимных подарков, включая предметы порнографического характера, в уничтожении, повреждении и порче имущества, ожидании около дома или работы, незаконном проникновении в жилище и т.п.

Сталкеры могут быть разделены на несколько групп: 1) бытовые маньяки, руководствующиеся мотивами мести, жертвами которых становятся бывшие супруги, знакомые, одноклассники, коллеги, работодатели, клиенты; 2) фанаты,

¹ Прокуратура Республики Башкортостан. URL: <https://bashprok.ru/news/news.php?ID=72354> (дата обращения: 30 августа 2018 г.).

² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3668810> (дата обращения: 30 августа 2018 г.).

преследующие своих кумиров, в качестве которых выступают, как правило, известные личности; 3) хищники (эротоманы), которые добиваются сексуального контакта с объектом преследования³.

Сталкинг как вид психического насилия, несомненно, представляет собой общественно опасное деяние, которое не должно оставаться безнаказанным, в том числе в уголовно-правовом порядке. Зачастую сталкинг является предварительным этапом совершения более тяжких преступлений — причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований, убийств. Так, в США 76 % женщин, погибших от рук своего нынешнего или бывшего партнера, ранее подвергались преследованию с его стороны. В России широко известным примером сталкинга, переросшего в умышленное причинение тяжкого вреда, стала история жителя Серпухова Дмитрия Г. В декабре 2017 г., узнав, что жена хочет развестись с ним, Г. вывез ее в лес и топором отрубил кисти обеих рук. Как выяснилось впоследствии, муж преследовал Маргариту Г., неоднократно угрожал ей, в конце октября 2017 г. отвез ее в лес, приставил нож к горлу и стал расспрашивать об отношениях с другими мужчинами. По этому поводу Маргарита Г. обращалась с заявлением в полицию, но 8 декабря 2017 г. участковым было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в действиях Дмитрия Г. состава преступления. На сегодняшний день Дмитрий Г. обвиняется в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ) и угрозе убийством (ст. 119 УК РФ), а в отношении участкового возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 293 УК РФ (халатность). В 1999 г. не менее резонансным было дело Рубена Григоряна, осужденного к 11 годам за организацию нападения на участницу конкурса «Мисс Сочи» Элеонору Кондратюк, которую по его указанию облили серной кислотой. Девушка выжила, но получила серьезные повреждения.

Уголовная ответственность за сталкинг как самостоятельное преступление предусмотрена в законодательстве США, Канады, Германии, Великобритании, Норвегии, Голландии, Индии. В соответствии с российским законодательством отдельные действия по преследованию какого-либо лица могут быть наказуемыми по ст. 5.61 КоАП («Оскорбление»), ст. 6.1.1 КоАП («Побои»), ст. 20.1 КоАП («Мелкое хулиганство»), ст. 116 УК («Побои»), ст. 116.1 («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»), ст. 119 УК («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»), ст. 133 УК («Понуждение к действиям сексуального характера»), ст. 137 УК («Нарушение неприкосновенности частной жизни»), ст. 138 УК («Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений»), ст. 138.1 («Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации»), ст. 139 УК («Нарушение неприкосновенности жилища»), ст. 163 УК («Вымогательство»), ст. 167 УК («Умышленные уничтожение или повреждение имущества»), ст. 213 УК («Хулиганство»), ст. 272 УК («Неправомерный доступ к компьютерной информации»), ст. 273 УК («Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»).

³ См.: Киберсталкинг. Методы защиты // URL: <http://cyberstalking-ru.blogspot.com/> (дата обращения: 2 сентября 2018 г.).

Например, житель Уфы А. был осужден по ч. 1 ст. 133 УК РФ (понуждение лица к половому сношению путем шантажа) и ч. 1 ст. 137 УК РФ (незаконное соби- рание сведений о частной жизни лица). В период проживания со своей девушкой с помощью мобильного телефона и веб-камеры он делал без ее согласия фото- графии и видеозаписи моментов их интимной близости. После расставания А. начал шантажировать потерпевшую тем, что распространит собранный матери- ал, если она откажется продолжать с ним сексуальную связь. В доказательство серьезности своих намерений он опубликовал имевшиеся в его распоряжении фотографии в социальной сети. Суд назначил подсудимому наказание в виде штрафа в размере 70 тыс. руб.⁴

В практике российских судов встречаются и неординарные случаи столкни- га. Например, в 2011 г. Санкт-Петербургский городской суд вынес приговор по уголовному делу в отношении Ирины Б. и признал ее виновной в совершении десяти эпизодов оскорблений в отношении судьи Санкт-Петербургского город- ского суда, воспрепятствовании проведению следствия по данному делу и при- чинении при этом следователю телесных повреждений (применила в отношении следователя насилие в связи с исполнением им должностных обязанностей). Как установил суд, с августа 2009 г. по февраль 2010 г. Б. неоднократно звонила судье Санкт-Петербургского городского суда на стационарный телефон, оставляя на автоответчике различного рода высказывания, в том числе и оскорбительного характера. Б. хотела отомстить судье, принявшей решение по гражданскому делу не в ее пользу. Следствие квалифицировало деяния обвиняемой как совершение 10 эпизодов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 296 УК РФ (угроза в связи с осуществлением правосудия), и 10 эпизодов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 130 УК РФ (оскорбление). В ходе судебного заседания государственный обвинитель отказался от обвинения по всем 10 эпизодам по ч. 1 ст. 296 УК РФ, так как было установлено, что угроз как таковых не высказывалось. Выражения, которые были квалифицированы на предварительном следствии как угрозы, являлись, по существу, проклятиями и не имели конкретного смыслового зна- чения, т.е. являлись высказыванием предположений наступления неопределен- ных негативных событий по отношению к судье. По всем остальным инкрими- нированным составам в отношении Б. был вынесен обвинительный приговор, которым она признана виновной по 10 эпизодам совершения оскорбительных действий в отношении федерального судьи по ч. 1 ст. 130 УК РФ и по каждому из этих эпизодов была приговорена к наказанию в виде штрафа в размере 20 тыс. руб. За совершение воспрепятствования нормальному расследованию по делу (ч. 2 ст. 294 УК РФ) она получила наказание в виде штрафа в размере 60 тыс. руб. За совершение насилия в отношении следователя (ч. 1 ст. 318 УК РФ) была приговорена к трем годам лишения свободы. Окончательное наказание со- ставило три года лишения свободы условно с испытательным сроком два года⁵.

Также Ленинский районный суд г. Перми вынес приговор по уголовному делу в отношении Сергея Д. Он признан виновным в совершении преступления, пред-

⁴ URL: <https://pravo.ru/news/view/118866/> (дата обращения: 2 сентября 2018 г.).

⁵ URL: <http://procspb.ru/news/spb/3924-gorodskoy-sud-prigovoril-zhenshchinu-oskorblyavshuyu-sudyu-i-napavshuyu-na-sledovatelya-k-dvum-godam-lisheniya-svobody-uslovno> (дата обра- щения: 2 сентября 2018 г.).

усмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ (вмешательство в деятельность суда с целью воспрепятствования осуществлению правосудия). Судом установлено, что, будучи ответчиком по гражданскому делу о взыскании задолженности и желая повлиять на результат рассмотрения дела судом, с октября 2012 г. по февраль 2013 г. осуществлял телефонные звонки судьям Пермского края, представляясь заместителем председателя краевого суда. С целью дальнейшей компрометации записывал телефонные переговоры с судьями на аудиодиск. Угрожал распространением записанных материалов, высказывал судьям требования об удовлетворении рассматриваемой краевым судом его апелляционной жалобы. С учетом мнения государственного обвинителя суд приговорил Д. к наказанию в виде штрафа в размере 180 тыс. руб.⁶

Несмотря на то, что российская Фемида все же карает stalkеров, однако многие случаи преследования остаются вне поля зрения и интересов правоохранительных органов. Скорее всего, это обусловлено тем, что если рассматривать по-отдельности действия, образующие stalking (например, периодические телефонные звонки и СМС-сообщения со стороны бывшего супруга, слежку около подъезда со стороны настойчивого поклонника, угрозы, высказанные в соцсетях со стороны фаната), они видятся недостаточно общественно опасными, но, будучи по своему характеру длительными, систематическими, назойливыми, они представляют собой настоящий психотеррор конкретного человека, что в итоге может повлечь тяжкие последствия для жизни и здоровья потерпевшего.

Тем не менее вряд ли можно поддержать позицию тех авторов, которые предлагают использовать кальку с зарубежного законодательства, включив норму о stalking в УК РФ⁷. Во-первых, возникает проблема соотношения различных форм преследования, домогательств, травли, эмоционального террора, которые криминализированы в законодательстве зарубежных стран и которые аналогичным образом предлагают криминализировать в зависимости от своих научных интересов отдельные российские ученые и законодатели. Так, харрасмент и порноместь являются отдельными видами stalking, включающегося в более широкое понятие буллинга. В законодательстве иностранных государств существуют отдельные нормы, предусматривающие уголовную ответственность за харрасмент (США, Япония), порноместь (Израиль, США, Великобритания), stalking (США, Германия, Великобритания), буллинг (Новая Зеландия).

В свою очередь, в России звучат предложения о введении административной и (или) уголовной ответственности за все указанные действия. Так, 7 марта 2018 г. на экспертном совете по развитию информационного общества и СМИ Молодежного парламента при Государственной Думе прозвучало предложение внести в КоАП РФ статью о буллинге (травле) в общественных местах и соцсетях, ответственность за который должна наступать с 14 лет и влечь наказание в виде штрафа от 5 000 до 10 000 руб.⁸

⁶ URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-205636/> (дата обращения: 2 сентября 2018 г.).

⁷ См.: Мясникова А. М., Цуканова Е. Г. Криминализация stalking // Виктимология. 2016. № 3 (9). С. 53—56; Барышева К. А. Киберstalking как новый вид уголовно наказуемого деяния // Уголовное право: Стратегия развития в XXI веке : материалы XIV Международной науч.-практич. конференции (26—27 января 2017 г.). М., 2017. С. 347—350.

⁸ URL: <https://russian.rt.com/russia/article/489396-shtraf-rossiya-kiberbulling> (дата обращения: 2 сентября 2018 г.).

На фоне скандала с депутатом Государственной Думы РФ Слуцким Л. Э. снова возник вопрос об ответственности за харассмент, т.е. сексуальное домогательство на работе, хотя в УК РФ давно существует ст. 133 УК РФ («Понуждение к действиям сексуального характера»). Однако автор законодательной инициативы, известная ведущая и зампредседателя думского Комитета по делам семьи Оксана Пушкина, считает, что указанная норма является недействующей⁹. Таким образом, криминализация stalking не решает проблемы ответственности за другие похожие действия.

В случае включения в УК РФ нескольких самостоятельных норм, предусматривающих ответственность за буллинг, stalking, харассмент, порноместь, возникнет вопрос об их отграничении друг от друга и от уже существующих статей (например, ст. 133, 137, 138 УК РФ). Также неудачным представляется включение англицизмов (stalking, буллинг и т.п.) в российское уголовное законодательство. В свое время в российском правовом поле не прижилось понятие «харассмент». Законодатель использовал более традиционное название соответствующей статьи УК РФ — «Понуждение к действиям сексуального характера», при этом сформулировав ее содержание более широко, чем просто домогательства на рабочем месте.

Кроме того, у граждан России и бывших советских республик термин «сталкер» в первую очередь ассоциируется с фантастической повестью братьев Стругацких «Пикник на обочине» и кинофильмом Андрея Тарковского «Сталкер». С этой точки зрения сталкер — это человек, занимающийся исследованием запретных зон, территорий, подземных коммуникаций. Близким по смыслу к сталкерству является диггерство, вопрос об уголовной ответственности за которое стоит в настоящее время особенно остро в связи с появлением в уголовном законе ст. 283.1 («Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну») и ее соотношением со ст. 215.4 («Незаконное проникновение на охраняемый объект»).

Для решения проблемы формулирования уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность в том числе и за stalking, можно взять за основу ст. 294 УК РФ. Признавая, что содержание ст. 137 УК РФ не соответствует ее названию и не вполне реализует охрану конституционного права, предусмотренного ч. 1 ст. 23 Конституции РФ, в гл. 19 УК РФ необходимо создать систему норм, обеспечив уголовно-правовую защиту не только личной и семейной тайны, но и неприкосновенности частной жизни в широком смысле слова, а также профессиональной тайны. Редакции предлагаемых статей могут выглядеть следующим образом.

Статья 137 УК РФ. Нарушение неприкосновенности частной жизни

1. Незаконное вмешательство в какой бы то ни было форме в частную жизнь лица без его согласия, — наказывается...
2. То же деяние, совершаемое систематически, — наказывается...
3. Деяния, указанные в частях первой и второй настоящей статьи:

⁹ См.: Ведомости. 3 мая 2018 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/05/03/768379-harassment-povestke> (дата обращения: 2 сентября 2018 г.) ; Взгляд. Деловая газета. 27 февраля 2018 г. URL: <https://vz.ru/news/2018/2/27/910165.html> (дата обращения: 2 сентября 2018 г.).

- а) совершенные с использованием специальных и иных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, а также в средствах массовой информации;
- б) сопряженные с уничтожением, повреждением или порчей чужого имущества, — наказываются...

4. Деяния, указанные в частях первой, второй и третьей, совершенные:

- а) с применением насилия или угрозы его применения;
- б) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;
- в) с использованием служебного положения;
- г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, — наказываются...

5. Деяния, указанные в частях первой—четвертой настоящей статьи, повлекшие причинение вреда здоровью, психическое расстройство или иные тяжкие последствия, — наказываются...

Примечание. Под систематическим незаконным вмешательством в частную жизнь лица понимается совершение указанных в части первой настоящей статьи действий более двух раз в течение одного года либо их продолжительное (более 30 дней) совершение.

Статья 137.1. Незаконное собирание и распространение сведений, составляющих личную и (или) семейную тайну лица

1. Незаконное собирание или распространение сведений, составляющих личную и (или) семейную тайну лица, без его согласия, — наказывается...

2. Те же действия, совершенные:

- а) с использованием специальных и иных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, а также в средствах массовой информации;
- б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- в) из корыстной заинтересованности, — наказывается...

3. Действия, предусмотренные частями первой и второй, повлекшие тяжкие последствия, — наказываются...

4. Незаконное распространение публично, в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий, — наказывается...

Статья 137.2. Незаконное разглашение сведений, составляющих профессиональную тайну

1. Незаконное разглашение сведений, связанных с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, — наказывается...

2. То же деяние, совершенное:

- а) публично, в средствах массовой информации или в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, — наказывается...

б) из корыстной заинтересованности, — наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй, повлекшие тяжкие последствия, — наказываются...

Как отмечалось, вторым аспектом понятия сталкерства в России является деятельность лица или группы лиц, исследующих различные объекты, в том числе и охраняемые государством. Уголовная ответственность за незаконное проникновение на подземный или подводный объект, охраняемый в соответствии с законодательством РФ о ведомственной или государственной охране, влечет ответственность по ст. 215.4 УК РФ при условии совершения этого деяния неоднократно. В качестве квалифицирующих признаков выступают групповой способ совершения указанных действий и умышленное создание угрозы распространения сведений, составляющих государственную тайну.

Административная преюдиция является гарантией от привлечения к ответственности лиц, которые совершили указанные в ст. 215.4 УК РФ действия невиновно или по неосторожности. Статья 215.4 была включена в УК РФ 30 декабря 2015 г. Вместе с тем с 12 ноября 2012 г. действует уголовно-правовая норма об ответственности за незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283.1 УК РФ), которая вступает в определенное противоречие со ст. 215.4 УК РФ. При этом субъект преступления, предусмотренный ст. 283.1 УК РФ, — общий.

Показательным примером применения данной нормы может служить дело московских диггеров. В октябре 2014 г. группа диггеров предприняла попытку проникнуть на режимный объект, но была задержана охраной. Они были привлечены к административной ответственности по ст. 20.17 КоАП («Нарушение пропускного режима охраняемого объекта»). В ноябре 2014 г. они решили повторить попытку, которая оказалась более удачной. В течение трех суток диггеры находились на территории охраняемого объекта, и после выхода на поверхность они вновь были привлечены к административной ответственности по ст. 20.17 КоАП. Однако 9 ноября 2016 г. после публикации фотографий охраняемого объекта в известной социальной сети в отношении шести диггеров было возбуждено уголовное дело по п. «а», «д» ч. 2 ст. 283.1 УК РФ. По мнению следствия, обвиняемые предвидели, что сведения, составляющие государственную тайну, неизбежно станут достоянием других лиц и желали наступления таких последствий. Московский окружной военный суд приговорил одного из подсудимых — Н. к пяти годам лишения свободы в колонии строгого режима, а остальные подсудимые получили условные сроки и были амнистированы. 11 апреля 2017 г. Верховный Суд РФ оставил в силе вынесенный приговор¹⁰.

Несмотря на то, что к моменту возбуждения уголовного дела уже действовала ст. 215.4 УК РФ, применение ее в отношении обвиняемых исключалось в силу того, что они на тот момент уже не считались лицами, подвергнутыми административному наказанию, т.е. обязательный признак состава преступления в виде неоднократности отсутствовал. Однако и применение ст. 283.1 УК РФ к общему субъекту вызывает сомнение. По смыслу рассматриваемой нормы субъективная сторона данного преступления характеризуется прямым умыслом, в содержание

¹⁰ См.: Российская газета. 11 апреля 2017 г. URL: <https://rg.ru/2017/04/11/reg-cfo/verhovnyj-sud-rf-priznal-zakonnym-prigovor-moskovskomu-diggeru.html> (дата обращения: 5 сентября 2018 г.).

которого должно включаться осознание виновным посягательства не просто на какую-то секретную информацию, а именно на сведения, составляющие государственную тайну, а это возможно только в случае, когда лицо имеет доступ к соответствующей информации.

В связи с этим уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 283.1 УК РФ, если и не подлежит полному исключению, то, несомненно, нуждается в совершенствовании в части предмета преступления. Даже если представить себе ситуацию, когда некто склоняет путем шантажа или применения насилия должностное лицо, которому государственная тайна доверена, к передаче этих сведений, то возникает вопрос, каким образом виновный узнает, что та информация, которая была ему сообщена в устном порядке, относится именно к государственной тайне, как это можно проверить? Единственный вариант, при котором обычный гражданин может получить представление о том, что речь идет о государственной тайне, — это иметь дело с носителем информации ограниченного доступа с нанесенным на него грифом секретности. Предмет преступления, предусмотренного ст. 283.1 УК РФ, необходимо сформулировать более узко, как и действия, влекущие уголовную ответственность.

Статья 283.1. Незаконные получение или сбыт документов, содержащих государственную тайну

1. Незаконные получение, хранение, перевозка или передача документов, содержащих государственную тайну (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 275 и 276 настоящего Кодекса), — наказываются...

2. Те же действия, если они:

- а) совершены группой лиц;
- б) совершены с применением насилия;
- в) повлекли наступление тяжких последствий, — наказываются...

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что stalking как преследование кого-либо не нуждается в самостоятельном уголовно-правовом запрете, поскольку он представляет собой одну из разновидностей нарушения прав человека, гарантированных ч. 1 ст. 23 Конституции РФ. Усовершенствованию подлежит уже существующая норма, предусмотренная ст. 137 УК РФ, с целью расширения сферы ее действия на любые случаи незаконного вмешательства в частную жизнь лица.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Барышева К. А. Киберсталкинг как новый вид уголовно наказуемого деяния // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIV Международной науч.-практич. конференции (26—27 января 2017 г.). — М., 2017. — С. 347—350.
2. Мясникова А. М., Цуканова Е. Г. Криминализация stalking // Вестник МГЮА. — 2016. — № 3 (9). — С. 53—56.

Методология уголовного права

**Арсений
Александрович
БИМБИНОВ,**

кандидат юридических
наук, старший
преподаватель
кафедры уголовного
права Московского
государственного
юридического
университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
bimbinnov@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПНОГО ОБРАЩЕНИЯ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОЙ, НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННОЙ И НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОДУКЦИИ (СТАТЬЯ 238.1 УК РФ)¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию объекта преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ. В работе анализируются мнения ученых относительно основного непосредственного объекта преступления, делается вывод о наиболее приемлемом подходе к его определению. Далее последовательно рассматриваются разновидности предмета преступного обращения фальсифицированной, недоброкачественной и незарегистрированной медицинской продукции. Устанавливается, что фальсифицированные лекарственные средства, недоброкачественные лекарственные средства и фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, — это взаимоисключающие понятия. Недоброкачественные лекарственные средства — это подлинные (не фальсифицированные) лекарственные препараты или фармацевтические субстанции, прекратившие соответствовать показателям качества в процессе обращения. Фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, в отличие от фальсифицированных лекарственных средств обязательно содержат фармацевтические субстанции, в связи с чем представляют угрозу здоровью населения.

Ключевые слова: незарегистрированные лекарственные средства, недоброкачественные медицинские изделия, фальсифицированные биологически активные добавки, предмет преступления, фармацевтические субстанции.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.062-072

A. A. BIMBINOV,

*Ph.D. in Law, Senior Lecturer of Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

bimbinov@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

**THE OBJECT OF THE CRIMINAL TREATMENT
OF COUNTERFEIT, SUBSTANDARD
AND UNREGISTERED MEDICAL PRODUCTS
(ART. 238.1 CRIMINAL CODE RF)**

Abstract. *Article is devoted to a research of an object of the crime provided by article 238.1 Criminal Code of the Russian Federation. In work opinions of scientists of rather main direct object of crime are analyzed, the conclusion about the most acceptable approach to his definition is drawn. Further consistently kinds of a subject of the criminal address of the forged, substandard and unregistered medical production are considered. Is established that the forged medicines, the substandard medicines and the forged dietary supplements containing the pharmaceutical substances which aren't stated at the state registration are mutually exclusive concepts. Substandard medicines are the original (not forged) medicines or pharmaceutical substances which have stopped corresponding to quality indicators in the course of the address. The forged dietary supplements containing the pharmaceutical substances which aren't stated at the state registration unlike the forged medicines surely contain pharmaceutical substances in this connection pose a threat to health of the population.*

Keywords: *unregistered drugs, substandard medical products, falsified dietary supplements, the subject of the crime, pharmaceutical substances.*

Федеральным законом от 31.12.2014 № 532-ФЗ² Уголовный кодекс РФ был дополнен в том числе статьей 238.1, предусматривающей ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок. Эта реформа стала очередным шагом России по исполнению своих международных обязательств в области обеспечения фармацевтической безопасности. Установление самостоятельной уголовной ответственности за обращение фальсифицированной и недоброкачественной медицинской продукции (лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки) имеет большое значение не только с политической и экономической точек зрения, но и в социальном плане.

² Федеральный закон от 31.12.2014 № 532-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок» // СЗ РФ. 05.01.2015. № 1 (часть I). Ст. 85.

Фальшивая и испорченная медицинская продукция представляет как непосредственную угрозу здоровью человека, с учетом масштабов распространения — здоровью населения, так и опосредованную в связи с тем, что не оказывает должного лечебного эффекта. К примеру, ВИЧ-инфицированный пациент в настоящее время должен пожизненно принимать соответствующие препараты для подавления вируса и сохранения нормального образа жизни. Одна фальшивая или недоброкачественная упаковка препарата, входящего в схему лечения, может нарушить этот процесс, вызвав резистентность ВИЧ-инфекции ко всей антиретровирусной терапии. Итогом такого исхода в лучшем случае станет подбор новой эффективной схемы лечения, в худшем — потеря контроля над вирусом и СПИД с присущими ему последствиями.

Предполагается, что указанная норма станет одним из основных средств уголовного-правового противодействия посягательствам на фармацевтическую безопасность России.

Видовым объектом преступления, предусмотренного статьей 238.1 УК РФ, исходя из традиционной классификации объектов, являются общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения.

Касательно непосредственного объекта преступления единого мнения в уголовно-правовой науке нет. Так, О. И. Годунов считает, что объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья населения в сфере установленного порядка обращения лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок³.

Т. П. Деревянская полагает, что непосредственным объектом преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 238.1 УК РФ, выступают общественные отношения в сфере обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий, обеспечивающие состояние защищенности физического и психического здоровья населения в целом и здоровья групп людей в частности⁴.

По мнению Е. В. Безручко, основным объектом обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборота фальсифицированных биологически активных добавок являются не здоровье населения, а отношения в сфере экономической деятельности⁵.

Представляется, что позиция, согласно которой основным непосредственным объектом анализируемого состава выступают отношения в сфере экономической деятельности, не вполне обоснована. Производство, сбыт и ввоз не соответству-

³ См.: *Годунов О. И.* Проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности за оборот фальсифицированных лекарств // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Естественные, общественные науки». 2015. № 2. С. 15.

⁴ См.: *Деревянская Т. П.* Уголовная ответственность за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. С. 15.

⁵ См.: *Безручко Е. В.* Противодействие преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека, уголовно-правовыми средствами // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации : сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции. Ростов н/Д, 2017. С. 22—23.

ющей нормативам медицинской продукции напрямую угрожает здоровью человека. Стоимостный признак предмета преступления определяет не экономическую направленность деяния, а его распространенность и массовый характер. Общественная опасность исследуемого посягательства состоит не в единичном изготовлении, сбыте или ввозе фальсифицированного спазмолитика, а в производстве, сбыте или ввозе небезопасных медицинских товаров в масштабах (свыше 100 тыс. руб.), представляющих опасность для широкого круга лиц. Что же касается дорогостоящих препаратов и медицинской техники, то они, как правило, жизненно необходимы, поэтому ответственность за их незаконное обращение должна наступать и в единичных случаях.

Мнение Т. П. Деревянской относительно объекта выглядит противоречиво. Автор считает, что обращение фальсифицированной, недоброкачественной и незарегистрированной медицинской продукции посягает на отношения в сфере обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий, которые каким-то образом обеспечивают состояние защищенности физического и психического здоровья населения. Вероятно, данный исследователь разделяет позицию О. И. Годунова и считает, что объектом рассматриваемого преступления являются отношения по законному порядку обращения лекарственных средств, медицинских изделий и оборота биологически активных добавок. Думается, что изложенная трактовка объекта наиболее верно отражает суть анализируемого посягательства. Лица, осуществляющие производство, сбыт или ввоз фальсифицированной, недоброкачественной или незарегистрированной медицинской продукции, так или иначе нарушают установленный порядок обращения и оборота данной продукции, тем самым поставляя в опасность здоровье населения.

Таким образом, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, являются общественные отношения, устанавливающие порядок обращения лекарственных средств и медицинских изделий и оборота биологически активных добавок.

Характеристика объекта преступления всегда предполагает анализ предмета преступления.

Первой разновидностью предмета рассматриваемого преступления являются фальсифицированные лекарственные средства или медицинские изделия. Определение указанных понятий приводится в отраслевом законодательстве.

Согласно Закону об обращении лекарственных средств⁶ фальсифицированным лекарственным средством признается лекарственное средство, сопровождаемое ложной информацией о его составе и (или) производителе. Лекарственное средство по данному Закону представляет собой одно или комбинацию нескольких обладающих фармакологической активностью действующих веществ (фармацевтических субстанций) независимо от природы происхождения, которые предназначены для производства и изготовления лекарственных препаратов, а равно лекарственный препарат в виде лекарственной формы, применяемый для профилактики, диагностики, лечения заболевания, реабилитации или для манипуляций в отношении беременности.

⁶ Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

Таким образом, к предмету преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, относятся производимые, сбываемые или ввозимые в Россию лекарственные препараты и фармацевтические субстанции, сопровождаемые информацией, ошибочно отражающей характеристики и признаки их состава и (или) производителя. Так, Апелляционным определением Московского областного суда приговор в отношении Сергеева В. В., по которому он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 171 и п. «а» ч. 2 ст. 238.1 УК РФ, оставлен без изменения, апелляционная жалоба — без удовлетворения. Согласно материалам дела Сергеев В. В. и его соучастники осуществляли производство и сбыт фальсифицированных лекарственных средств посредством распространения фармакологически активных веществ, ввезенных из Китая, под видом популярных лекарственных препаратов, таких, как, например, «Кларитин» и «Энтеродез»⁷.

Определение фальсифицированного медицинского изделия дается в Законе об охране здоровья граждан⁸. Согласно его положениям фальсифицированным медицинским изделием является медицинское изделие, сопровождаемое ложной информацией о его характеристиках/производителе (изготовителе). Само же медицинское изделие определяется в указанном Законе как любое изделие (инструмент, оборудование, материал и т.д.), которое применяется в медицинских целях отдельно или в сочетании с другими изделиями и принадлежностями, включая специальное программное обеспечение, и предназначено производителем для профилактики, диагностики, лечения и реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомии или физиологии организма и манипуляций в отношении беременности.

Следовательно, к предмету преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, относятся предназначенные для применения в медицинских целях изделия, сопровождаемые информацией, ошибочно отражающей их характеристики и (или) сведения об их производителе. Так, ООО «МедиаМед» решением Арбитражного суда Ростовской области привлечена к административной ответственности в виде штрафа в размере 1 млн руб. По делу установлено, что ООО «МедиаМед» поставила «Шелк хирургический стерильный 4 (1), длина 1,25 м в стеклянных ампулах», на упаковках которого был указан в качестве производителя ОАО «Татхимфармпрепараты», в 11 медицинских учреждений. По информации, предоставленной ОАО «Татхимфармпрепараты», образцы медицинского изделия, реализованные ООО «МедиаМед», отличаются от оригинальных и являются фальсифицированными (отличия в маркировке ампул; отличия в информации на групповой этикетке; отличия в укладке ампул в групповой упаковке)⁹. Содеянное

⁷ Апелляционное определение Московского областного суда от 22.09.2015. Дело № 22К-6679/2015 // URL: https://oblsud--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=7640660&result=1&delo_id=4&new=4.

⁸ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁹ См.: Информационное письмо Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения № 01И-651/16 от 04.04.2016 «О фальсифицированном медицинском изделии» // URL: <http://www.roszdravnadzor.ru/services/unreg>.

могло быть основанием для возбуждения уголовного дела, если бы виновный осуществил сбыт фальсифицированных медицинских изделий, стоимость которых превышала бы 100 тыс. руб.

Следующей разновидностью предмета рассматриваемого преступления являются недоброкачественные лекарственные средства или медицинские изделия.

Недоброкачественным лекарственным средством признается лекарственное средство, которое не соответствует требованиям фармакопейной статьи либо требованиям нормативного документа или нормативной документации¹⁰.

Согласно Закону об обращении лекарственных средств фармакопейная статья, нормативный документ и нормативная документация — это документы, содержащие перечень показателей качества и методов контроля качества определенного лекарственного средства, принятые его производителем или в случае фармакопейной статьи — Министерством здравоохранения РФ. Конкретный набор показателей качества и методов его контроля зависит от конкретного лекарственного средства. Так, например, фармакопейная статья «Йод ФС.2.2.0007.15» устанавливает описание лекарственного средства Йод (серовато-черные с металлическим блеском пластинки...), его растворимость (растворим в спирте 96 %...), подлинность (две качественные реакции: 0,2 г субстанции нагревают в пробирке, образуются фиолетовые пары...) и т.д.¹¹

Позиция Т. П. Деревянской, согласно которой недоброкачественное лекарственное средство охватывается понятием фальсифицированное лекарственное средство, так как лекарства, не соответствующие требованиям фармакопейной статьи либо требованиям нормативной документации или нормативного документа, всегда будут сопровождаться ложной информацией об их составе¹², основана на неправильном понимании содержания перечисленных документов. Оригинальное (нефальсифицированное) лекарственное средство может оказаться недоброкачественным вследствие, например, нарушений условий хранения или изменений в процессе обращения. Так, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения информирует о выявлении недоброкачественных лекарственных средств, среди которых: «Анальгин, раствор для инъекций 50 % 2 мл, ампулы (10), коробки картонные», производства ОАО «Мосхимфармпрепараты» им. Н. А. Семашко», Россия (владелец ОГБУЗ «Кологривская районная больница», ул. Запрудная, д. 5, г. Кологрив, Костромская область), отклоняющийся показатель — «Количественное определение»¹³.

Представляется, что фальсифицированное лекарственное средство и недоброкачественное лекарственное средство — взаимоисключающие понятия. Недоброкачественные лекарственные средства — это подлинные (нефальсифицированные) лекарственные препараты или фармацевтические субстанции, пре-

¹⁰ Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

¹¹ Государственная фармакопея Российской Федерации. Издание XIII. Т. III. С. 248—249.

¹² См.: Деревянская Т. П. Указ. соч. С. 90—91.

¹³ См.: Информационное письмо Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения от 22.08.2017 № 01И-2069/17 // URL: <http://www.roszdravnadzor.ru/i/upload/images/2017/8/22/1503416160.68456-1-27301.pdf>.

кратившие соответствовать показателям качества в процессе обращения. Если же лекарственное средство является фальсифицированным (не соответствует характеристикам состава или данным производителя), то вопрос о качестве такого лекарственного средства вовсе не ставится. Оно априори создает угрозу здоровью, так как в силу потенциальной возможности (не соответствует составу оригинала) или экономической целесообразности (изготовлено нелегальным производителем) не имеет должного лечебного эффекта.

О том, что рассматриваемые понятия — это непересекающиеся категории, свидетельствуют также многочисленные документы Росздравнадзора¹⁴. Поэтому мнения ученых¹⁵, которые определяют недоброкачественные лекарственные средства через категорию фальсифицированных лекарственных средств, видятся ошибочными.

Согласно Закону об охране здоровья граждан недоброкачественным медицинским изделием признается изделие, не соответствующее требованиям нормативной, технической, эксплуатационной документации изготовителя либо, в случае ее отсутствия, требованиям иной нормативной документации.

Следует отметить, что указанная документация содержит информацию, отражающую все объективные параметры конкретного медицинского изделия: наименование, назначение и принципы действия, показания и противопоказания к применению, описание основных функциональных элементов и т.д.¹⁶ В том случае, если в процессе обращения какие-нибудь показатели качества медицинского изделия перестанут соответствовать требованиям, изложенным в данной документации, изделие признается недоброкачественным. Так, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения сообщает о выявлении недоброкачественного медицинского изделия «Марля медицинская хлопчатобумажная отбеленная ГОСТ 16427-93 по 5 метров» (регистрационное удостоверение № ФСР 2012/13001 от 03.02.2012, срок действия не ограничен), не соответствующего требованиям технической документации производителя, содержащейся в комплекте данной регистрационной документации, в части наименования, типа/модели, маркировки и размера¹⁷.

¹⁴ См., например: информационные письма Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения от 14.07.2016 № 02И-1402/16 // URL: <http://www.roszdravnadzor.ru/i/upload/images/2016/7/15/1468579450.85233-1-26696.pdf> ; от 29.08.2017 № 01И-2136/17 // URL: <http://www.roszdravnadzor.ru/i/upload/images/2017/8/29/1503995648.41161-1-19608.pdf>.

¹⁵ См., например: *Ерохина А. В., Ларичев В. Д.* Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия производству и обороту фальсифицированных лекарственных средств. М., 2013. С. 175.

¹⁶ См., например: приказ Минздрава России от 19.01.2017 № 11н «Об утверждении требований к содержанию технической и эксплуатационной документации производителя (изготовителя) медицинского изделия» // СПС «КонсультантПлюс» ; Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 12.02.2016 № 27 «Об утверждении Общих требований безопасности и эффективности медицинских изделий, требований к их маркировке и эксплуатационной документации на них» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Информационное письмо Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения от 28.04.2017 № 01И-1072/17 // URL: <http://www.oasis38.ru/uploads/letters/151975/147611021663572122638.pdf>.

К предмету преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, также относятся незарегистрированные лекарственные средства и медицинские изделия. В отличие от фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств и медицинских изделий, данные разновидности рассматриваемого предмета преступления законодательного определения не имеют. Характеристика названной медицинской продукции приводится в научной литературе, причем не всегда однозначно. Так, Ю. В. Грачева пишет, что незарегистрированными лекарственными средствами и медицинскими изделиями являются такие средства и изделия, у которых отсутствует регистрационное удостоверение, подтверждающее факт государственной регистрации¹⁸. Такого же мнения относительно предмета преступления придерживается И. В. Фирсов¹⁹. К. А. Барышева же считает, что незарегистрированными лекарственными средствами являются лекарственные средства, не прошедшие регистрацию, а также препараты, прошедшие клинические испытания и применяемые за рубежом, но не вошедшие в Государственный реестр в РФ²⁰.

Изложенные определения, безусловно, отражают суть рассматриваемых категорий. Однако для более точного установления признаков названной разновидности исследуемого предмета преступления необходимо детальное изучение регулятивного законодательства.

Анализ нормативного материала в сфере государственной регистрации лекарственных средств и медицинских изделий²¹ показывает, что производитель зарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий может не иметь регистрационного удостоверения, например в случае утраты, и восстановить его, уплатив государственную пошлину. Незарегистрированными лекарственными средствами могут являться препараты, прошедшие регистрацию, но лишившиеся ее в связи с окончанием срока или отменой ее.

Более того, законодательство о здравоохранении допускает в отдельных случаях обращение незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий. Согласно Закону об обращении лекарственных средств не подлежат регистрации лекарственные препараты, изготовленные аптечными организациями по рецептам, приобретенные за границей лекарственные препараты для личного

¹⁸ См.: Грачева Ю. В. Предмет преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIII Международной науч.-практич. конференции (28—29 января 2016 г.). М., 2016. С. 375.

¹⁹ См.: Фирсов И. В. Незаконный оборот медицинской продукции: уголовно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 110.

²⁰ См.: Барышева К. А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. М., 2017. 736 с.

²¹ См.: Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» ; Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» ; постановления Правительства РФ от 27.12.2012 № 1416 «Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий» // СЗ РФ. 07.01.2013. № 1. Ст. 14 ; от 19.06.2012 № 615 «Об утверждении Правил ведения государственного реестра медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий» // СЗ РФ. 25.06.2012. № 26. Ст. 3532.

использования, лекарственные препараты, ввозимые в Российскую Федерацию для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям конкретного пациента на основании разрешения Минздрава РФ, и т.д.

Все это свидетельствует о том, что характеристика рассматриваемой разновидности предмета преступления должна быть более определенной.

Представляется, что под незарегистрированными лекарственными средствами следует понимать не включенные в Государственный реестр лекарственные препараты, подлежащие государственной регистрации, но не имеющие ее. Так, приговором Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону Кочерьянц А. В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ. По делу установлено, что Кочерьянц А. В. сбыв Ф.И.О. партию незарегистрированных в Государственном реестре лекарственных средств препаратов на общую сумму 108 000 руб.²²

Под незарегистрированными медицинскими изделиями следует понимать не включенные в Государственный реестр медицинские изделия, подлежащие государственной регистрации, но не имеющие ее. Так, приговором Октябрьского районного суда г. Самары Севцов А. А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ. По делу установлено, что Севцов А. А., осознавая, что медицинские изделия «Dermal Filler Platinum Gold», «Dermal Filler Platinum Silver», «Dermal Filler Platinum Bronze» не зарегистрированы и не допущены к обращению на территории Российской Федерации, осуществил их сбыт через своего работника на общую сумму 114 346 руб.²³

Последней разновидностью рассматриваемого предмета преступления являются фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции.

Согласно Закону о качестве и безопасности продуктов фальсифицированные биологически активные добавки — это предназначенные для употребления с пищей природные или идентичные природным биологически активные вещества, умышленно измененные (поддельные) и (или) имеющие скрытые свойства и качество, информация о которых является заведомо неполной или недостоверной²⁴. К предмету преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, относятся не любые фальсифицированные биологически активные добавки, а лишь те, которые изменены посредством добавления в их состав фармацевтических субстанций, не заявленных при государственной регистрации, либо имеют фармацевтические субстанции, не указанные в регистрационной документации. Так, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав по-

²² Приговор Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону от 27 августа 2015 г. Дело № 1-600/2015 // URL: <https://rospravosudie.com/court-pervomajskij-rajonnyj-sud-g-rostova-na-donu-rostovskaya-oblast-s/act-503859361/>.

²³ Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 11 мая 2016 г. Дело № 1-164/2016 // URL: <https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-samary-samarskaya-oblast-s/act-524537028/>.

²⁴ Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150.

требителей и благополучия человека прекратила государственную регистрацию фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции: «Тонгкат Али Платинум Форте» и «Тонгкат Али Платинум» производства «Polens (M)SDN. BHD» No. 1, Малайзия²⁵.

Некоторые ученые²⁶ полагают, что фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, идентичны понятию фальсифицированных лекарственных средств, так как фармацевтические субстанции, согласно закону, являются лекарственными средствами. Это утверждение не вполне верно. Фальсифицированное лекарственное средство — это продукция, изготовленная как лекарственное средство, но не законным производителем или не в должном составе. Фальсифицированным лекарственным средством может являться смесь веществ, среди которых и вовсе отсутствуют фармацевтические субстанции. Рассматриваемая же разновидность предмета преступления, напротив, обязательно в своем составе содержит фармацевтическую субстанцию. Биологически активные добавки не являются лекарственным препаратом, однако содержать в своем составе фармацевтические субстанции они могут, вследствие чего должны рассматриваться как самостоятельная разновидность исследуемого предмета преступления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бавсун М. В. Сложности квалификации незаконного оборота биологически активных добавок (ст. 238.1 УК РФ) // Уголовное право. — 2016. — № 5.
2. Безручко Е. В. Противодействие преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека, уголовно-правовыми средствами // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации : сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции. Ростов н/Д, 2017.
3. Годунов О. И. Проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности за оборот фальсифицированных лекарств // Вестник Ивановского государственного университета. — Серия «Естественные, общественные науки». — 2015. — № 2.
4. Грачева Ю. В. Предмет преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIII Международной науч.-практич. конференции (28—29 января 2016 г.). — М., 2016.

²⁵ Приказ Роспотребнадзора от 29.07.2015 № 631 «О свидетельствах о государственной регистрации биологически активных добавок» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ См.: Деревьянская Т. П. Указ. соч. С. 106 ; Бавсун М. В. Сложности квалификации незаконного оборота биологически активных добавок (ст. 238.1 УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 5. С. 13.

5. *Деревянская Т. П.* Уголовная ответственность за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2015.
6. *Деревянская Т. П.* Уголовная ответственность за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий: дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2015.
7. *Ерохина А. В., Ларичев В. Д.* Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия производству и обороту фальсифицированных лекарственных средств. — М., 2013.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. — М., 2017. — 736 с.
9. *Фирсов И. В.* Незаконный оборот медицинской продукции: уголовно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2017.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Аннотация. Бурное развитие научно-технического прогресса способствовало образованию правового вакуума, причина которого — формирование новой парадигмы цифрового общества, в которую не вписывается в полной мере существующая правовая система. Гибкую модель уголовно-правового регулирования вопросов взаимодействия человека с компонентами цифрового пространства действующая система уголовной политики, заключающаяся в принятии точечных законов по отдельным вопросам, вряд ли позволит создать. Необходимо формирование нового концептуального и комплексного научно-обоснованного подхода уголовно-правового регулирования цифрового общества, созданного на основе принципа междисциплинарности, что, возможно, потребует реформирования и пересмотра некоторых концептуальных основ уголовного права. В статье обосновывается необходимость проведения научного исследования с целью разработки модели трансформации уголовного права, созданной с учетом уголовно-правовых рисков современных цифровых технологий. На основе междисциплинарного подхода следует изучить опыт применения современных цифровых технологий, далее на основе разработанного алгоритма выявления уголовно-правовых рисков будет дана оценка факторам риска, которые возникают при применении каждой цифровой технологии в различных сферах жизни общества, затем произведено описание выявленных рисков с учетом действующего уголовного законодательства и, если будет установлено, что уровень применяемой репрессии к субъектам, использующим соответствующую цифровую технологию, слишком велик, будет предложена новая гибкая модель уголовно-правового регулирования, а также механизм минимизации данного уголовно-правового риска.

Ключевые слова: цифровые технологии, методология научного исследования, трансформация уголовного права, уголовно-правовые риски.

**Вячеслав Николаевич
ВОРОНИН,**

кандидат юридических
наук, старший
преподаватель
кафедры уголовного
права Московского
государственного
юридического
университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
voronin@crimconf.com
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.073-080

¹ Работа проводилась в рамках гранта Президента РФ при финансовой поддержке Минобрнауки РФ по соглашению № МК-3608.2017.6.

V. N. VORONIN,*PhD (Law), Senior Lecturer of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)***voronin@crimconf.com***125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9***CRIMINAL LAW RISKS OF DIGITAL TECHNOLOGIES
DEVELOPMENT: PROBLEM STATEMENT
AND RESEARCH PLAN**

Abstract. *The rapid development of scientific and technological progress contributed to the formation of a legal vacuum, the reason for which is the formation of a new paradigm of digital society, which does not fully fit into the existing legal system. A flexible model of criminal law regulation of human interaction with the components of the digital space the current system of criminal policy, consisting in the adoption of point laws on certain issues — is unlikely to create. It is necessary to form a new conceptual and complex scientifically grounded approach of criminal-legal regulation of digital society, created on the basis of the principles of interdisciplinarity, which may require the reform and revision of some conceptual foundations of criminal law. The article substantiates the need for scientific research to develop a model of transformation of criminal law, created taking into account the criminal law risks of modern digital technologies. On the basis of an interdisciplinary approach, the research team will study the experience of the use of modern digital technologies, then on the basis of the developed algorithm for identifying criminal risks, will assess the risk factors that arise in the application of each digital technology in various spheres of society, then a description of the identified risks, taking into account the current criminal law, and if it is found that the level of repression applied to the subjects using digital technology is too large — a new flexible model of criminal law regulation will be proposed, as well as a mechanism to minimize this criminal law risk.*

Keywords: *digital technologies, methodology of scientific research, transformation of criminal law, criminal law risks.*

Давно известно, что основная задача права заключается в том, чтобы регулировать общественные отношения, складывающиеся между людьми. Общество динамично, и сегодняшнее состояние правового регулирования позволяет констатировать, что право как общественный регулятор перестало справляться со своей основной задачей, и причина тому кроется в разрыве между достижениями естественно-технического знания и социального. Бурное развитие научно-технического прогресса способствовало образованию правового вакуума, причина чего — формирование новой парадигмы цифрового общества, в которую не вписывается в полной мере существующая правовая система. Право нуждается в новеллизации и трансформации посредством конвергенции и инте-

грации с достижениями технических и естественных наук для того, чтобы вновь созданная правовая система стала ядром формирующегося цифрового общества.

Уголовное право призвано охранять наиболее важные общественные отношения и является одной из важнейших отраслей в правовой системе любого государства. Поддержание актуальности уголовно-правовой охраны — основная задача законодателя. Происходит это посредством основных методов уголовной политики — криминализации и декриминализации. Действительно, указанные методы работают: на появление новых явлений цифровой реальности законодатель старается реагировать путем установления уголовно-правового запрета за общественно опасное поведение в данной сфере. Например, Федеральный закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ² внес в Уголовный кодекс РФ (далее — УК) статью 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации», также во многих статьях УК появляется квалифицирующий признак — совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Сомнительно, что подобный подход будет эффективно работать в условиях планируемого перспективного и бурного развития цифровых технологий. В Указе Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» одной из задач установлено создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере³.

В соответствии с Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы»⁴ государство создает благоприятные условия для применения информационных и коммуникационных технологий, что также коснется совершенствования законодательства. На основании распоряжения Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁵ данная программа рассчитана на следующие сквозные цифровые технологии: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный интернет; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальностей.

Гибкую модель уголовно-правового регулирования вопросов взаимодействия человека с указанными компонентами цифрового пространства действующая модель уголовной политики, заключающаяся в принятии точечных законов по отдельным вопросам, вряд ли позволит создать. Необходимо создание нового кон-

² Федеральный закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4743.

³ СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

⁴ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

⁵ СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

цептуального и комплексного научно обоснованного подхода уголовно-правового регулирования цифрового общества, что, возможно, потребует реформирования и пересмотра некоторых концептуальных основ уголовного права.

Поскольку уголовное право должно способствовать цифровому прогрессу и формированию цифрового общества, не создавая при этом излишних препятствий, действующий подход, связанный с оценкой общественной опасности какого-либо поведения и его криминализацией, не будет эффективным. Предлагаются введение в механизм правового регулирования нового термина «уголовно-правовой риск» и оценка на основе новой разработанной концепции рисков всех цифровых технологий посредством установления их потенциальной опасности для общества.

На сегодняшний день назрела острая необходимость проведения комплексного научного исследования с целью разработки модели трансформации уголовного права, созданной с учетом уголовно-правовых рисков современных цифровых технологий.

Среди основных задач такого исследования можно выделить:

- обоснование необходимости использования концепции уголовно-правовых рисков;
- создание терминологического и методологического фундамента для применения концепции и дальнейшего исследования уголовно-правовых рисков;
- разработку механизмов определения уголовно-правовых рисков использования цифровых технологий;
- выявление сфер общественной жизни, наиболее подверженных влиянию риска;
- анализ уголовно-правовых рисков, возникающих при использовании цифровых технологий в следующих наиболее значимых сферах: личность, ее права и свободы, экономика, общественная безопасность, государственная власть;
- определение уголовно-правовых рисков, связанных с возникновением и использованием следующих цифровых технологий: большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра (блокчейн) и криптовалюты, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный Интернет, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи;
- оценка выявленных рисков с позиции современного уголовного закона;
- разработка механизмов минимизации выявленных уголовно-правовых рисков, связанных с использованием цифровых технологий в различных сферах уголовно-правовой охраны.

Обращение в предлагаемом исследовании к концепции уголовно-правового риска обусловлено тем, что в силу развития нашей цивилизации в глобальном обществе произошли изменения, принесшие бесконечное число самых разнообразных, новых, ранее не известных миру опасностей и угроз. Любые возникающие инновации как обладают созидательным потенциалом, так и несут за собой неизведанное. Все это влияет на общественные отношения, провоцируя и создавая социальные конфликты, с которыми и призвано бороться право. Подобные конфликты могут стать препятствием на пути все того же технического прогресса: это может выразиться в установлении уголовно-правовых запретов на взаимодействие с различными инновационными разработками.

Уголовное право в первую очередь воздействует на общественные отношения посредством запрета, но вопрос всегда в его обусловленности и его же социальных последствиях. Развитие новых цифровых технологий влечет за собой неопределенность в том, являются ли они безусловным благом или же обернутся негативными последствиями, поэтому подходы к уголовно-правовому воздействию на сферу цифровых технологий должны отличаться от традиционной оценки реальной общественной опасности.

Оценить общественную опасность, например, систем искусственного интеллекта только лишь посредством юридических процедур невозможно, необходим междисциплинарный подход, который позволит проникнуть в содержание этой технологии.

Концепция уголовно-правовых рисков позволит оценивать потенциальную общественную опасность новых цифровых технологий и разрабатывать гибкую модель противодействия злоупотреблению в сфере конкретной цифровой технологии⁶. На основе междисциплинарного подхода необходимо изучение опыта применения современных цифровых технологий. Далее, на основе разработанного алгоритма выявления уголовно-правовых рисков необходимо проведение оценки факторов риска, которые возникают при применении каждой цифровой технологии в различных сферах жизни общества. На следующем этапе следует произвести оценку каждого выявленного риска с учетом действующего уголовного законодательства. Если будет установлено, что уровень применяемой репрессии к субъектам, использующим соответствующую цифровую технологию, слишком велик, следует разрабатывать новую гибкую модель уголовно-правового регулирования, а также механизм минимизации данного уголовно-правового риска. Подобная задача в столь глобальном измерении никогда ранее не ставилась перед уголовным правом, что предопределяет фундаментальность предлагаемого исследования и новационный подход к поставленной проблеме.

Работа по предлагаемой тематике предполагает комплексное (теоретико-прикладное) исследование уголовно-правовых норм, предусматривающих воздействие на отношения, возникающие в связи с использованием цифровых технологий, а также их социально обуславливающих основ. Это и конкретные составы компьютерных преступлений, и иные преступления, которые потенциально возможно совершить с использованием цифровых технологий, и нормы Общей части уголовного закона, предусматривающие порядок реализации уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших такие преступления, в частности вопросы установления признаков субъекта преступления, места совершения преступления и др. Подобный подход необходим, поскольку риски будут выявляться на основе сопоставления и моделирования различных случаев использования цифровых технологий с действующими уголовно-правовыми нормами, чтобы проследить эффективность их потенциального применения к данным ситуациям.

Научная новизна такого исследования будет заключаться в том, что оно представляет собой оригинальное исследование, в котором комплексно, с компаративистских, междисциплинарных, теоретических и практических позиций будут

⁶ См. подробнее: *Бабаев М. М.* Риски как компонент детерминационного комплекса преступности // *Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2018. № 1 (41). С. 104—110.

рассмотрены все возникающие уголовно-правовые риски развития цифровых технологий. Это поможет разработать новый понятийный аппарат и концептуальные основы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий. Будет проведен сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых средств противодействия преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий, а также будут рассмотрены средства минимизации уголовно-правовых рисков, используемые за рубежом.

Методологической основой исследования должны стать следующие методологические принципы: принцип объективности, принцип междисциплинарности, принцип детерминизма, принцип историзма, принцип целостности, принцип системности, принцип структурности, принцип функциональности, принцип иерархичности, принцип плюрализма объяснения и понимания права, принцип компаративистики.

Безусловно, исследование следует проводить посредством методов диалектического материализма как основного инструментария гуманитарного исследования. Также в исследовании необходимо применение частных методов: правовой аналитики, законодательной техники, правовой компаративистики, экспертных оценок, правовой статистики, конкретно-социологического, а также методов правового моделирования и прогнозирования.

Метод правовой аналитики предполагает рассмотрение проблем на основе их деления на системно связанные части, выявления причинных взаимоотношений, учета сопутствующих факторов, прогнозирования и оценивания последствий. В частности, его применение необходимо при анализе действующих уголовно-правовых предписаний и их социальной обусловленности, а также прогнозирования дальнейших перспектив развития уголовного права применительно к противодействию преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий, а также минимизации уголовно-правовых рисков.

Законодательная техника представляет собой совокупность средств и приемов, используемых при выработке и систематизации предложений по совершенствованию нормативно-правовых предписаний. В частности, по результатам исследования должны быть предложены модели и направления совершенствования действующих уголовно-правовых норм, не исключено, что последует вывод о необходимости установления уголовно-правовых запретов, для формулирования которых будет применяться данный метод. Правовая компаративистика предполагает сопоставление одноименных государственных и правовых институтов, их основных принципов и категорий, существующих в зарубежных государствах. Несомненно, следует осуществлять рецепцию положительного опыта тех государств, где выстроена наиболее эффективная модель уголовно-правового воздействия на отношения, возникающие в связи с применением цифровых технологий, для чего будет использован данный метод.

Метод экспертных оценок заключается в изучении мнения специалистов, обладающих глубокими знаниями или практическим опытом в сфере цифровых технологий: необходимо проведение встреч со специалистами по информационной безопасности, разработчиками цифровых технологий и их активными пользователями в процессе экономической деятельности с целью верификации и обсуждения полученных результатов.

Метод правовой статистики заключается в получении количественных показателей преступности, совершаемой в цифровом пространстве, ее изучения и сопоставления, для чего будут использованы данные официальной статистики ГИАЦ МВД РФ, Генеральной прокуратуры РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Конкретно-социологический метод заключается в выявлении социальной реакции общества на развитие информационных технологий для оценки возможного уровня воздействия на общество их негативных проявлений. В числе социологических методик важным является проведение социологического опроса (анкетирования) отдельных групп населения.

Особое место в методологии исследования следует предоставить методу правового моделирования, посредством которого будет создана модель возникновения рискованной ситуации при использовании информационных технологий, далее с помощью метода правового прогнозирования будут выявляться и описываться риски.

Важно, что результаты такого научного исследования будут иметь как фундаментальное, так и прикладное значение, поскольку будет обосновано введение в научный оборот универсальной правовой категории «уголовно-правовые риски». Предложены механизмы выявления этих рисков, прогнозирования и минимизации, разработки понятийного аппарата и методологической основы, необходимой для выявления уголовно-правовых рисков применения цифровых технологий.

С учетом особенностей наиболее важных сфер уголовно-правовой охраны (личность, экономика, общественная безопасность и государственная власть) будут выявлены уголовно-правовые риски применения цифровых технологий в каждой из них, что позволит предложить наиболее актуальные механизмы их минимизации. На основе анализа моделей применения известных сегодня новых цифровых технологий, таких как большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра (блокчейн) и криптовалюты, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный Интернет, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи, будут установлены наиболее уязвимые и негативные факторы, связанные с их применением, которые позволят выявить потенциальную общественную опасность каждой из них.

Разработанный в результате исследования алгоритм оценки рисков уже известных сегодня цифровых технологий будет иметь универсальный характер, что позволит применять его при разработке новых цифровых технологий и учитывать уголовно-правовые риски сразу в процессе создания, чего сейчас не происходит. Таким образом, уголовно-правовая методология будет адаптирована для использования в технических отраслях. Это обеспечит защиту общества от негативного воздействия цифровых технологий, а также защиту бизнеса, связанного с созданием технологий, от негативного и излишнего воздействия уголовно-правового регулирования и, как следствие, правоохранительных органов.

Следовательно, предложенная тема, методология и подходы к исследованию обеспечат междисциплинарность в двух ее проявлениях: при анализе и оценке рисков ученые-правоведы будут использовать достижения естественно-научного знания посредством привлечения специалистов в области информационных

технологий для осознания сущности данной технологии и вычленения уголовно-правовых рисков в ее функционировании. В дальнейшем этот подход позволит использовать разработанный правоведами алгоритм оценки рисков среди создателей новых цифровых технологий и, таким образом, гуманитарное знание также будет иметь прикладной характер для технических отраслей науки.

Что касается собственно юридических методов — правовой аналитики и законодательной техники, то результатом их применения станет новая модель уголовно-правовых предписаний, которая выразится в предложениях по трансформации уголовного закона. Направления данной трансформации на данном этапе сложно оценить, но благодаря оригинальности научного подхода к рассматриваемой проблеме и конкретному методическому инструментарию возможно сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию норм уголовного закона, направленные на минимизацию уголовно-правовых рисков использования цифровых технологий.

Обозначенные результаты будут иметь существенное значение для науки уголовного права в целом, так как позволят расширить теоретические знания об исследуемом объекте и структурировать уже имеющиеся доктринальные взгляды. Кроме того, полученные материалы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях. Очень возможно, что результаты исследования станут фундаментом для формирования нового научного направления в уголовно-правовом пространстве, а в механизме правового регулирования вероятно создание нового метода уголовно-правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабаев М. М.* Риски как компонент детерминационного комплекса преступности // *Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России*. — 2018. — № 1 (41). — С. 104—110.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация. На основе теории ответственности и наказания в уголовном праве, уголовного законодательства в этой части рассматриваются теоретико-прикладные вопросы освобождения от этих уголовно-правовых последствий. С учетом юридической природы и социально-правового значения актуализируется положение о необходимости четкого разграничения понятий освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания и освобождения от отбывания наказания.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное наказание, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от уголовного наказания, освобождение от отбывания уголовного наказания, виды освобождения.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.081-087

I. E. ZVECHAROVSKIY,

Doctor of law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation,
Professor of criminal law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
igor.zvech@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

EXEMPTION FROM LIABILITY AND PUNISHMENT IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Abstract. On the basis of the analysis of the theory of responsibility and punishment in criminal law, criminal law in this part, the theoretical and applied issues of exemption from these criminal law consequences are considered. Taking into account the legal nature and social legal significance, the provision on the need for a clear distinction between the concepts of exemption from criminal liability, exemption from punishment and exemption from punishment is updated.

Keywords: criminal liability, criminal punishment, release from criminal liability, release from criminal punishment, release from serving of criminal punishment, types of release.

**Игорь Эдуардович
ЗВЕЧАРОВСКИЙ,**

доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
юрист РФ, профессор
кафедры уголовного
права Московского
государственного
юридического
университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)
igor.zvech@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Вопросам ответственности и наказания уделено серьезное внимание в российской науке уголовного права. Это внимание в период 60—70 гг. прошлого столетия было столь высоким и продуктивным, что давало основание некоторым ученым говорить о влиянии теории уголовной — отраслевой ответственности на становление и развитие общей теории юридической ответ-

© И. Э. Звечаровский, 2018

ственности. Примечательно, что такие оценки давались представителями общей теории права¹.

Особенно активно исследование проблематики ответственности и наказания происходило в советский период становления и развития отечественной уголовно-правовой доктрины. Несмотря на то что при этом большинство вопросов так и не нашло однозначных ответов, сохранив свою дискуссионность, УК РФ 1996 г. отразил в себе немало результатов теоретических изысков в этой области.

В отличие от УК РСФСР 1960 г. (ранее — Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.), в первом постсоветском Уголовном кодексе принципиально по-новому регламентирован ответ на вопрос об основании уголовной ответственности. И это при отсутствии определения понятия того, основание чего было сформулировано в ст. 8 УК РФ; при том, что из трех возможных ответов на вопрос об основании уголовной ответственности по всеобщему признанию был избран, может быть, не самый уязвимый (основание — состав преступления), но и не самый верный (основание — само преступление) вариант — «деяние, содержащее признаки состава».

Отразив в уголовном законе вопрос о принципах права, законодатель, судя по всему, так и не решил для себя окончательно, принципы чего — Уголовного кодекса в целом (название гл. 1) или только уголовной ответственности за преступление (ч. 2 ст. 2 УК РФ) — он регламентировал в ст. 3—7 УК РФ.

Несмотря на скептическое отношение ряда специалистов к понятию уголовной ответственности и, соответственно, понятию освобождения от нее², в УК РФ 1996 г. весьма многообразно, причем как в Общей, так и в Особенной части, представлен институт освобождения от уголовной ответственности, правда, и в этом случае упущено определение данного понятия, которое в 2013 г. мы увидели в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»³.

Не менее, а может быть, даже более заметно, в УК РФ 1996 г. отражены результаты теоретических исследований советских ученых в области уголовного наказания. Вопреки мнению ряда специалистов, не отказав себе в соблазне определить цели уголовного наказания безотносительно вида и размера наказания, степени тяжести совершенного преступления, общественной опасности лица, его совершившего (ч. 2 ст. 43 УК РФ), законодатель достаточно удачно сформулировал определение понятия наказания, впитавшее в себя и содержательные, и формальные его признаки (ч. 1 ст. 43 УК РФ), более или менее полно определил понятия различных видов уголовных наказаний (ст. 46—57 УК РФ). Весьма

¹ См., например: *Денисов Ю. А.* Общая теория правонарушения и ответственности. Л., 1983. С. 129.

² См., например: *Щедрин Н. В., Кылина О. М.* Российское уголовное право в контексте доктринальных моделей построения уголовно-правовых санкций // Криминологический журнал. 2008. № 3 (5). С. 46—48; *Пимонов В. А.* Проблема систематизации мер принуждения в уголовном праве России // Системность в уголовном праве : материалы II Российского конгресса уголовного права. М., 2007. С. 231—232.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8; 2017. № 1.

детальная регламентация общих (ст. 60—63 УК РФ) и специальных (ст. 63.1—70 УК РФ) начал назначения наказания сопровождается структурно обособленным нормативным материалом об освобождении от наказания (гл. 12), хотя в первой же статье этого обособления речь идет о другом понятии — освобождении от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ).

На первый взгляд приведенные выше нестыковки в УК РФ не имеют практического значения, в связи с чем их можно было бы оставить без внимания на уровне правоприменения. Однако, как выясняется, даже они не являются пределом игнорирования законодателем теоретических положений об ответственности и наказания в уголовном праве.

Напомним, что освобождение от уголовной ответственности представляет собой отказ государства от реализации уголовной ответственности посредством официального порицания (осуждения) лица, совершившего преступление, выраженного в форме обвинительного приговора суда⁴. Говорить об освобождении от уголовной ответственности можно лишь тогда, когда эта ответственность существует, т.е. когда есть от чего освобождать. В связи с этим следует учитывать три обстоятельства.

Во-первых, юридическим фактом, порождающим правоотношение, в рамках которого лицо может нести уголовную ответственность, выступает преступление. Поэтому освобождение от уголовной ответственности может иметь место только в отношении тех физических лиц, которые совершили деяние, содержащее признаки конкретного состава преступления. Освобождение от уголовной ответственности недопустимо в связи с деянием, совершенным при обстоятельствах, исключающих его преступность (ч. 2 ст. 14, ч. 3 ст. 20, ст. 21, 28, 37—42 УК РФ). В такого рода случаях следует говорить не об освобождении, а об исключении уголовной ответственности⁵.

Во-вторых, в момент совершения преступления возникает не сама уголовная ответственность, а лишь *обязанность* ее понести (как элемент правоотношения, возникшего вследствие совершения преступления). Эта обязанность реализуется — становится действительной уголовной ответственностью в момент постановления обвинительного приговора суда. И в этот же самый момент уголовная ответственность трансформируется в конкретную форму (обычно — в форму уголовного наказания). Следовательно, освобождение от уголовной ответственности (а точнее — освобождение от обязанности ее понести) допустимо в процессе досудебного и судебного производства по уголовному делу до момента

⁴ См. также: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (ред. от 29.11.2016).

⁵ В связи с известной дискуссионностью вопроса об уголовно-правовых последствиях добровольного отказа от доведения преступления до конца (ст. 31 УК РФ) следует отметить, что в этом случае правильнее говорить именно об освобождении от уголовной ответственности, а не об ее исключении, поскольку в деянии лица, совершенном до добровольного отказа, уже содержатся признаки состава преступления, хотя и неоконченного. Факт добровольного отказа не меняет юридической природы, а соответственно, и уголовно-правовых последствий уже содеянного.

постановления обвинительного приговора. С вступлением последнего в законную силу осужденный может быть освобожден уже от того, в чем (в какой форме) нашла свое выражение уголовная ответственность, например от наказания, а в дальнейшем — от его отбывания.

В-третьих, акт освобождения от уголовной ответственности прекращает уголовное правоотношение, порожденное фактом преступления, в связи с чем обязанность подлежать уголовной ответственности за него остается нереализованной.

В свете приведенных положений только вопросы вызывает решение законодателя о дополнении УК РФ статьей 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»⁶. Основные из них два: 1) как можно называть судебный штраф мерой («иной мерой») уголовно-правового характера, если она применяется уже после состоявшегося акта освобождения от уголовной ответственности, т.е. за рамками уголовного правоотношения; 2) какую функцию выполняет судебный штраф как исключительно денежное взыскание по преступлениям небольшой или средней тяжести, не связанным с причинением имущественного ущерба? За что платит судебный штраф лицо, совершившее имущественное преступление, если оно уже возместило ущерб или иным образом загладило причиненный вред, за что и было освобождено от уголовной ответственности?

Со стороны практических работников задано немало и других нравственно-этических, более «приземленных» к уголовно-правовой материи вопросов, которые также остаются без ответа⁷. На этом фоне достаточно широкая, имеющая тенденцию к росту по полугодиям (начиная со второго полугодия 2016 г. по первое полугодие 2018 г.) практика применения ст. 76.2 УК РФ, по своим количественным показателям превышающая практику применения ст. 75 УК РФ, не может не вызывать удивления и не иначе как уголовно-политическими соображениями ее объяснить нельзя.

Совершенно очевидно, что далеко не все результаты теоретических разработок в области права вообще и уголовного права в том числе, могут или должны быть отражены в законодательстве. Нельзя исключать и ситуацию, при которой идеи законодателя остаются не до конца понятными тем, кому они адресованы, и потому требуют комментария. Правда, следует заметить, что в отечествен-

⁶ Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

⁷ См. об этом, например: *Мингалимова М. Ф.* Судебный штраф: требуются разъяснения // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 20—24; *Кострова М. Б.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: новая норма — старые негативные тенденции правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 36—42; *Хохрякова Э. А.* К вопросу о соответствии прекращения уголовного дела в связи с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа конституционному принципу равенства всех перед законом и судом // Российский судья. 2018. № 2. С. 46—51.

ной практике законодатель никогда не давал подобных комментариев, уповая, по-видимому, либо на отсутствие вопросов по поводу качества произведенного им продукта, либо в надежде на то, что вместо него это сделают, и сделают достойно — другие. Однако, как показывает практика, и те, и другие ожидания не всегда оправданы, и свежим примером, подтверждающим последнее, является следующий.

15 мая 2018 г. в постановлении № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» Пленум Верховного Суда РФ сформулировал разъяснения, призванные способствовать единообразному изменению судами категории совершенного преступления на менее тяжкую категорию. В абз. 2 п. 1 постановления говорится о том, что «изменение категории преступления на менее тяжкую улучшает правовое положение осужденного, поскольку влияет, в частности, на... возможность освобождения от отбывания наказания в связи с деятельным раскаянием (статья 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (статья 76 УК РФ), истечением срока давности уголовного преследования... (статья 78 УК РФ)». И далее: «Решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания. В этих случаях суд постановляет приговор, резолютивная часть которого должна, в частности, содержать решения о признании подсудимого виновным в совершении преступления, о назначении ему наказания, об изменении категории преступления на менее тяжкую с указанием измененной категории преступления, а также об освобождении от отбывания назначенного наказания (пункт 2 части 5 статьи 302 УПК РФ). Лицо, освобожденное от отбывания наказания по указанным основаниям, считается несудимым (часть 2 статьи 86 УК РФ)» (п. 10).

В приведенных разъяснениях как минимум два положения нуждаются в уточнении.

Во-первых, Пленум Верховного Суда РФ предлагает освобождать от отбывания наказания по основаниям, в законе влекущим освобождение от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 78 УК РФ). Тем самым, по сути, речь идет о самостоятельных видах освобождения от отбывания наказания, законом не предусмотренных⁸. Что касается основания, предусмотренного ст. 78 УК РФ, то, в отличие от двух других, предусмотренных в ст. 75 и 76 УК РФ, оно ни при каких условиях не может влечь за собой освобождение от наказания или от его отбывания: с истечением сроков давности уголовного преследования наказание по общему правилу назначаться вообще не может. Исключение из этого правила могут представлять ситуации, подпадающие под признаки норм, изложенных в ч. 4, 5 ст. 78 УК РФ.

Можно предположить, что в основе предложенного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ лежит уже апробированное ранее на практике решение освобождать от наказания в связи с истечением срока давности уголовного пре-

⁸ В этой связи верно подмечено, что в УК РФ нет норм об освобождении от наказания в связи, например, с деятельным раскаянием (см.: *Иванов Н. Г.* Изменение категории преступления // *Уголовное судопроизводство*. 2018. № 2. С. 25). Заметим, однако, что если бы они и были, то и в этом случае нормы гл. 11 УК РФ применению не подлежали бы.

следования, когда это обстоятельство было обнаружено в ходе судебного разбирательства⁹. Однако еще раз подчеркнем, что уголовный закон не знает такого основания освобождения от наказания, как истечение сроков давности уголовного преследования, а ссылка в соответствующих апелляционных определениях на ч. 8 ст. 302 УПК РФ неубедительна, поскольку есть еще и ст. 389.21 УПК РФ. И именно последней нормой предписывает руководствоваться Пленум Верховного Суда РФ в п. 27 своего постановления от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»: «Если суд первой инстанции при наличии оснований, предусмотренных пунктом 3 части 1 статьи 24, статьями 25, 25.1, 28 и 28.1 УПК РФ, не прекратил уголовное дело и (или) уголовное преследование, то в соответствии со статьей 389.21 УПК РФ суд апелляционной инстанции *отменяет обвинительный приговор и прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование*» (курсив мой. — И. З.)¹⁰. За неимением в УПК РФ специальных норм для реализации положений ч. 6 ст. 15 УК РФ именно последним правилом и должен руководствоваться суд, назначивший наказание за преступление одной категории и изменивший ее на менее тяжкую, при условии, что по «новой» категории преступления истекли сроки давности.

Критически оцениваемое положение удивительно еще и тем, что ранее подобное ему правило предусматривалось в постановлении Пленума Верховного Суда РФ 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»: «В случае, когда при постановлении приговора суд, назначив наказание, в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ изменил категорию преступления на менее тяжкую, то при наличии оснований, предусмотренных ст. 75, 76, 76.1 и 78 УК РФ, он освобождает осужденного от отбывания назначенного наказания» (п. 26). Остается только догадываться, из каких соображений постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 это положение было исключено, а через полтора года возрождено вновь в постановлении от 15 мая 2018 г. № 10.

Во-вторых, в рассматриваемом постановлении Пленума Верховного Суда РФ необоснованно уравниваются два различных по уголовно-правовым последствиям судебных акта: освобождение от наказания и освобождения от отбывания наказания. Сразу замечу, что только в отношении первого из них «работает» ч. 2 ст. 86 УК РФ: несудимым считается только то лицо, которое *освобождено от наказания*. Лицо, *освобожденное от отбывания наказания*, как правило, считается по-прежнему судимым, и закон предусматривает свой механизм погашения судимости на этот случай (ч. 4 ст. 86 УК РФ). По этой причине ссылка в постановлении на ст. 84 УК РФ состоятельна только в той части, когда уголовно-правовым последствием акта амнистии выступает освобождение от наказания. Но таким последствием вполне может быть и освобождение от отбывания наказания, и в этом случае лицо не может считаться несудимым с момента освобождения.

⁹ См., например: апелляционные определения Верховного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 11-АПУ17-16 ; от 28 июня 2017 г. № 11-АПУ17-14 ; от 22 марта 2016 г. № 82-АПУ16-2 // Документы опубликованы не были. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8 ; 2017. № 1.

К сожалению, четкое разграничение актов освобождения от наказания и от его отбывания в уголовном законе отсутствует и его можно провести лишь путем сравнительного анализа нескольких положений УК РФ. Вместе с тем такое разграничение необходимо хотя бы потому, что сам законодатель, хотя и не всегда последовательно, использует эти понятия как различные с юридической (уголовно-правовой) точки зрения, добавляя к ним еще и понятие освобождения от дальнейшего отбывания наказания (например, в ст. 81 УК РФ). Представляется, что этот вопрос вполне мог быть решен в форме постановления Пленума Верховного Суда РФ.

В этой же связи очевидно настало время навести порядок и с использованием понятия замены наказания, которая ни в каком своем проявлении (на более мягкий или более строгий вид) не может выступать разновидностью освобождения от отбывания наказания. При сохранении судимости и одинаковом порядке ее исчисления в том и в другом случаях (ч. 4 ст. 86 УК РФ) с освобождением от отбывания наказания осужденный условно или безусловно, но полностью прекращает испытывать лишения и правоограничения, составляющие содержание уголовного наказания, от отбывания которого он освобожден. При замене наказания, которая по российскому уголовному законодательству может быть только безусловной, такие лишения и правоограничения в меньшем (при замене на более мягкое наказание) или большем (при замене на более строгое наказание) объеме всегда сохраняются и присущи они заменяющему наказанию.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Денисов Ю. А.* Общая теория правонарушения и ответственности: социологический и юридический аспекты. — Л., 1983. — 142 с.
2. *Иванов Н. Г.* Изменение категории преступления // Уголовное судопроизводство. — 2018. — № 2. — С. 22 — 27.
3. *Кострова М. Б.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: новая норма — старые негативные тенденции правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 2. — С. 36—42.
4. *Мингалимова М. Ф.* Судебный штраф: требуются разъяснения // Российская юстиция. — 2018. — № 4. — С. 20—24.
5. *Пимонов В. А.* Проблема систематизации мер принуждения в уголовном праве России // Системность в уголовном праве : материалы II Российского конгресса уголовного права. — М., 2007. — С. 231—232.
6. *Хохрякова Э. А.* К вопросу о соответствии прекращения уголовного дела в связи с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа конституционному принципу равенства всех перед законом и судом // Российский судья. — 2018. — № 2. — С. 46—51.
7. *Щедрин Н. В., Кылина О. М.* Российское уголовное право в контексте доктринальных моделей построения уголовно-правовых санкций // Криминологический журнал. — 2008. — № 3 (5). С. 46—48.

**Самвел Мамадович
КОЧОИ,**

доктор юридических наук,
профессор, профессор
кафедры уголовного
права Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), академик РАЕН,
заслуженный работник
высшей школы РФ
sam.kochoi@gmail.com
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Проведен анализ действующего федерального антикоррупционного законодательства России. Выявлены недостатки норм как профильного (Федеральный закон «О противодействии коррупции»), так и уголовного законодательства (ст. 290—291.2 УК РФ). Сформулированы предложения по их совершенствованию через раскрытие непосредственно в законе ряда понятий и признаков (в частности, понятия «коррупционные преступления»), переоценку общественной опасности тех квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков, которыми законодатель наделил в УК РФ отдельные преступления коррупционного характера, и т.д.

По итогам исследования постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», а также изучения мнения отдельных авторов сделан вывод о том, что оно содержит пробелы, которые следует устранить.

На примере конкретного уголовного дела показана актуальность разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ отдельных признаков взяточничества.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, взяточничество, дача взятки, получение взятки, провокация взятки.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.088-094

S. M. KOCHOI,

Doctor of Science (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Worker
of the Higher Education of the Russian Federation
sam.kochoi@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

CRIMINAL-LAW COUNTERACTION AGAINST CORRUPTION: GAPS IN LEGISLATION, LAW ENFORCEMENT PROBLEMS

Abstract. The analysis of the current Federal Anti-corruption Legislation of Russia. Shortcomings of norms of the legislation are revealed and suggestions for their improvement are formulated. On the example of a specific criminal case, the relevance of explanations by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of certain signs of bribery is shown.

Keywords: corruption, corruption crimes, bribery, bribery provocation.

1. Профильный антикоррупционный закон (Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О противодействии коррупции») апеллирует понятиями «коррупция» (ст. 1) и «коррупционные преступления» (ст. 4). Однако, если определение первого в Законе имеется (п. 1 ч. 1), то определение второго — нет. Между тем понятие «коррупционные преступления» достаточно активно применяется как в доктрине, так и в правоприменительной практике. Об этом, например, свидетельствуют не только содержание, но и название главного документа Пленума Верховного Суда РФ, посвященного рассматриваемым преступлениям — постановления от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Причем Пленум Верховного Суда РФ в этом документе не разъясняет, что следует понимать под «коррупционными преступлениями», возможно, справедливо полагая, что это — прерогатива законодателя.

В данной ситуации напрашивается параллель с федеральным законодательством против терроризма и экстремизма. Как известно, антитеррористическое законодательство (Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ и соответствующие нормы УК РФ) не только содержит исходное понятие — «терроризм» и производное от него понятие «террористическая деятельность», но также раскрывает их содержание (ст. 3 профильного Федерального закона и примечание 2 к ст. 205.2 УК РФ).

То же можно сказать об антиэкстремистском законодательстве (Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ и соответствующие нормы УК РФ), в котором не только используются понятия «экстремизм» и «преступления экстремистской направленности», но и раскрывается их содержание (ст. 1 профильного Федерального закона и примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ). И только антикоррупционное законодательство, содержащее понятия «коррупция» и «коррупционные преступления», как уже было показано, раскрывает понятие только первого из них.

Возможно, нынешнее определение коррупции в Федеральном законе «О противодействии коррупции» фактически следует рассматривать как определение коррупционных преступлений (тем более что оно сводится к перечню уголовно-правовых деяний¹). В таком случае термин «коррупция» в данном Законе следует заменить на «коррупционные преступления». При этом законодатель должен будет предлагать новое определение понятия «коррупция» как родового по отношению к понятию «коррупционные преступления».

¹ Согласно п. 1 ст. 1 данного Закона понятие «коррупция» означает:

- а) злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;
- б) совершение деяний, указанных в пп. «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица.

2. Возможности законодателя по криминализации новых деяний, дальнейшему ужесточению ответственности за предусмотренные в УК РФ деяния (в том числе коррупционного характера) не могут быть безграничными. Представляется, что решающее значение должно иметь совершенствование уже действующих уголовно-правовых норм, в том числе путем переоценки общественной опасности тех квалифицирующих (особо квалифицирующих признаков), которыми законодатель наделил отдельные коррупционные преступления.

Так, если лицо получает взятку за действия (бездействие), входящие в его служебные полномочия, то наиболее строгим наказанием для него будет лишение свободы на срок до 3 лет (ч. 1 ст. 290 УК РФ). Сроки лишения свободы увеличиваются до 8 лет, если такое лицо получает взятку за незаконные действия (бездействие). Однако если взятку получает лицо, занимающее государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта РФ, а равно глава органа местного самоуправления, то его наказание не зависит от того, за какие действия (бездействие) оно получает взятку — законные или незаконные (ч. 4 ст. 290 УК РФ).

Другой пример. Дача взятки наказывается лишением свободы на срок до 2 лет (ч. 1 ст. 291 УК РФ), а за совершение заведомо незаконных действий (бездействия) (ч. 3 ст. 291 УК РФ) — лишением свободы до 8 лет. Однако если имеет место получение взятки в особо крупном размере (ч. 5 ст. 291 УК РФ), то незаконный характер действий (бездействие) никакого юридического значения не имеет: наказание будет точно таким же, как и наказание за получение взятки за законные действия (бездействие).

В отдельных случаях законодатель преувеличивает опасность ряда преступлений, являющихся, по сути, неоконченными. Так, обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ) наказывается строже, чем само посредничество во взяточничестве (ч. 1 ст. 292.1 УК РФ).

Вряд ли можно считать логичным и справедливым решение законодателя, придающее в ч. 2 ст. 291.2 УК РФ одинаковое уголовно-правовое значение судимости за совершение преступлений, предусмотренных ст. 290—291.1 УК РФ, и судимости за мелкое взяточничество. Очевидно, что факт осуждения в прошлом за взяточничество в значительном, крупном или особо крупном размере свидетельствует о большей опасности деяния и лица, его совершившего, нежели факт осуждения за взяточничество в размере, не превышающем 10 тыс. руб.

Еще одним отступлением от общих правил ответственности можно считать решение об уравнивании степени опасности посредничества во взяточничестве, совершенного группой лиц, и посредничества во взяточничестве, совершенного организованной группой. За их совершение установлена одинаковая ответственность — п. «а» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ.

Весьма спорной представляется в УК РФ ситуация, при которой ответственность за получение взятки или дачу взятки не зависит от ее размера, тогда как в случае посредничества во взяточничестве (ч. 1 ст. 291.1 УК РФ) ответственность наступает только при условии, что оно совершено в значительном размере.

Указанные выше недостатки характерны также для группы норм, предусматривающих ответственность за коммерческий подкуп (ст. 204—204.2 УК РФ).

Недостатков не избежали также новые нормы (новые редакции норм), направленные против коррупции. Так, ст. 184 УК РФ необоснованно уравнила степень опасности передачи, например, спортсмену денег с целью оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования и принуждения/склонения его к оказанию этого влияния (ч. 1). В то же время квалифицирующим признаком рассматриваемого преступления законодатель признает его совершение организованной группой (ч. 2), тогда как предварительный сговор почему-то назван в качестве признака лишь основного его состава (ч. 1). В другой статье — 200.5, введенной в УК РФ Федеральным законом от 23.04.2018 № 99-ФЗ, совершение подкупа группой лиц по предварительному сговору признается квалифицирующим признаком (ч. 2, 5), тогда как его совершение организованной группой не имеет какого-либо самостоятельного юридического значения.

3. Борьба с коррупцией не даст положительных результатов, если в особенности правоохранительные органы не изживут в своей практике провокацию взятки или подкупа. Такая «борьба» только создает видимость противодействия коррупции и вызывает подозрения общественности в наличии у государственных органов «заказного» правосудия.

Как известно, ст. 304 УК РФ предусматривает ответственность за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. При этом под провокацией в данной статье понимается попытка передачи лицу, указанному в ч. 1 ст. 304 УК РФ, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав (в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа). Недостатком данной статьи является не только отсутствие какой-либо дифференциации ответственности в зависимости от таких обстоятельств, как размер (стоимость) предмета преступления или его совершение группой лиц (организованной или по предварительному сговору). Она оставляет без защиты интересы лиц, которых провоцируют на дачу взятки (совершение подкупа). По сути, ст. 304 УК РФ направлена на защиту интересов должностного лица или иного, указанного в ее ч. 1 лиц, которых провоцируют на получение взятки («взятополучателей», по версии провокаторов). Между тем ради «улучшения» статистики борьбы с коррупцией в некоторых регионах не брезгают тем, что провоцируют ничего не подозревавших граждан на дачу взятки («взятодателей», по версии этих же провокаторов). На наш взгляд, ст. 304 УК РФ должна защищать интересы также последних.

Однако не только провокация взятки или подкупа искажает цели и принципы государственной политики борьбы против коррупции. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» выделяет такую актуальную проблему, как «подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа»². Согласно позиции

² Как с сожалением отмечают в литературе, «необходимо констатировать, что оперативно-розыскные подразделения правоохранительных органов России все еще нередко

Пленума Верховного Суда РФ указанные действия совершаются «в нарушение требований статьи 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ “Об оперативно-розыскной деятельности” и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено». Принятие при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера «не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние». «В этом случае, — разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, — в содеянном отсутствует состав преступления (пункт 2 части 1 ст. 24 УПК РФ)»³.

Таким образом, и провокация взятки или подкупа, и подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа, не влекут уголовной ответственности. Однако, предлагая ограничивать указанные деяния друг от друга, Пленум Верховного Суда РФ дипломатично обходит стороной вопрос о квалификации подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов. Указанные действия, в отличие от провокации взятки или подкупа, не предусмотрены какой-либо нормой УК РФ, поэтому позиция Пленума Верховного Суда РФ объяснима. Представляется, что в данном случае мы имеем дело с законодательным пробелом, который необходимо устранить, например, путем дополнения ст. 304 УК РФ нормой о подстрекательстве сотрудниками правоохранительных органов к получению или даче взятки.

4. Не только антикоррупционное законодательство, но и соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ определяют сегодняшнюю политику борьбы с коррупцией. В этом отношении велика роль постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Одна-

допускают провокационно-подстрекательские действия по делам о незаконном сбыте наркотиков, взяточничестве и коммерческом подкупе» (*Гармаев Ю. П., Степаненко Д. А., Степаненко Р. А.* Особенности расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве и коммерческом подкупе. 2017 // СПС «КонсультантПлюс»).

³ Редакция цитируемых положений постановления Пленума Верховного Суда РФ, с чем следует согласиться, небезупречна: «Вряд ли в них стоило употреблять словосочетания “принятие взятки или предмета коммерческого подкупа” и “передача взятки или предмета коммерческого подкупа”. Если в анализируемых действиях по приему лицом “денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера” “отсутствует состав преступления”, то и “передачи взятки или предмета коммерческого подкупа”, а тем более “принятия взятки или предмета коммерческого подкупа” не будет» (*Рыжаков А. П.* Получение взятки не всегда преступление. 2014 // СПС «КонсультантПлюс»).

ко, к сожалению, ряд важных вопросов в нем не нашел отражения. В частности, в нем нет разъяснений содержания такого признака, как получение взятки/дача взятки/посредничество во взяточничестве «за совершение заведомо незаконных действий (бездействие)» (ч. 3 ст. 290, ч. 3 ст. 291, ч. 2 ст. 291.1 УК РФ). Данное обстоятельство, как мы считаем, негативно сказывается на правоприменительной практике, в которой не всегда придают значение установлению данного признака. Об актуальности вопроса свидетельствует следующее дело.

Приговором Апатитского городского суда Мурманской области С. Р. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ, т.е. «даче взятки должностному лицу лично за совершение заведомо незаконного бездействия в значительном размере», и осужден к лишению свободы «сроком 2 года со штрафом в размере двадцатикратной суммы взятки, т.е. в размере 1 000 000 (одного миллиона рублей), с отбыванием в исправительной колонии общего режима». Согласно приговору С. Р., находясь в служебном кабинете № 51 МО МВД России «Апатитский», «лично передал должностному лицу, действующему в рамках оперативно-розыскного мероприятия “Наблюдение”, К-вой взятку в значительном размере в виде денег в сумме 50 000 рублей за совершение заведомо незаконного бездействия — за неизъятие товаров с признаками контрафактности, непринятие мер по пресечению незаконной торговли».

Поскольку субъективная сторона преступления является отражением его объективных признаков, то ее содержанием должны охватываться осознание лицом общественной опасности совершенного деяния (интеллектуальный элемент вины) и желание совершить указанное деяние (волевой элемент вины). Оба указанных элемента вины должны быть установлены по отношению и к такому признаку дачи взятки, как совершение должностным лицом «заведомо незаконных действий (бездействия)». То есть взяткодатель должен осознавать, что дает взятку должностному лицу именно за совершение последним незаконных действий (бездействия), и желает, чтобы указанное должностное лицо совершило незаконные действия (бездействие).

Между тем в материалах обвинительного заключения данного дела установлены обстоятельства, свидетельствующие о том, что С. Р. не было известно, каким именно образом — законно или незаконно — может быть решен К-вой или ее руководителем К-ным вопрос об изымаемом по их указанию якобы для экспертизы товаре. Как свидетельствуют указанные материалы, С. Р. был уверен, что решение об отмене изъятия указанного товара входит в круг полномочий К-вой. Причем такая уверенность основывалась прежде всего на информации, предоставленной ему непосредственным ее начальником — К-ным. К-мин, допрошенный почти через месяц после совершения преступления, в своих показаниях подтвердил, что именно он заявил С. Р., на встречу с которым пришел по первому же его предложению, что К-ева «имеет полномочия принимать решение по ситуации и обсуждать все вопросы нужно с ней». Протокол осмотра и прослушивания фонограммы и фототаблицы к нему зафиксировали слова К-ина, сказанные С. Р. о том, что «все вопросы решаемы», что (К-ева) «будет полностью уполномочена... то есть на все в принципе». Не доверять К-ину С. Р. не мог, так как согласно протоколу осмотра и прослушивания фонограммы и фототаблицы к нему К-ева представила К-мина как «начальника полиции». Именно после слов К-ина С. Р.

обратился к К-вой со словами: «Он сказал все вопросы с тобой решать. Теперь ты говори, твои предложения, как мне быть. Как мне все делать».

Кроме того, нигде из протокола осмотра предмета и прослушивания фонограммы и фототаблицы к нему не следует, что С. Р. был предупрежден «о незаконности подобного бездействия в его интересах». Такой вывод имеется только в приговоре и основан исключительно на противоречивых показаниях К-вой и К-ина. По крайней мере, никто из остальных лиц, находившихся в помещении магазина, откуда изымался товар, не слышал ни о предложении С. Р. в адрес полицейских совершить незаконные действия (бездействие), ни о «предупреждениях» К-вой о том, что возможное принятие ею решения об отмене изъятия товара или проверки магазина является незаконным. Более того, из этого же протокола следует, что С. Р. заявил К-вой о том, что сам он не знает, «как это все делается», чтобы его «не трогали». При таких обстоятельствах обвинение и осуждение С. Р. за дачу взятки за совершение заведомо незаконных действий (бездействия) представляется сомнительным. Ведь, как абсолютно справедливо отмечается в юридической литературе, если виновный «не знает, каким путем (законным или незаконным) будет решаться поставленный перед взяточполучателем вопрос, то квалификация дачи взятки по данному признаку исключается, и ответственность наступает по ч. 1 ст. 291 УК»⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гармаев Ю. П., Степаненко Д. А., Степаненко Р. А. Особенности расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве и коммерческом подкупе. 2017 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. — М. : Юрайт, 2017. — Т. 4 : Особенная часть. Разд. X—XII.
3. Рыжаков А. П. Получение взятки не всегда преступление. 2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 4 : Особенная часть. Разд. X—XII.

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ И ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию принципов действия уголовного закона в пространстве и их соотношению с принципом справедливости. Принципы действия уголовного закона в пространстве построены таким образом, что на лицо, совершившее преступление, может распространяться юрисдикция сразу нескольких государств. Справедливость как базовый правовой принцип в применении к уголовному праву заключается в том, что виновный в совершении преступления наказывается адекватно общественной опасности совершенного деяния и степени вины. Представление о виновности и адекватности воздаяния за совершенное преступление в разных странах может существенно различаться, соответственно этому может отличаться и юридическая оценка совершенного деяния. Таким образом, требование УК РФ о безоговорочном признании судебного решения иностранного государства (в соответствии с принципом гражданства и реальным принципом) как юридического факта, прекращающего возможность уголовного преследования по УК РФ, может оказаться препятствием для вынесения справедливого (в соответствии с УК РФ) приговора. Универсальный принцип налагает на Россию обязанность бороться с преступлениями, которые предусмотрены международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, однако непонятно, допустимо ли распространять применение этого принципа на лиц, совершивших такие деяния в стране, не признающей их преступлениями, если они являются гражданами этой страны. Международно-правовые акты, определяющие механизмы борьбы с преступлениями, могут быть весьма далеки от совершенства. В то же время Россия в Конституции РФ закрепила обязательства признания приоритета международно-правовых актов по сравнению с внутренним законодательством. Необходимость признания подчинения внутреннего законодательства международному праву в настоящее время отсутствует, поскольку такое признание является прямым ограничением суверенитета России, которая в таких ограничениях не нуждается.

Ключевые слова: справедливость, территориальный принцип, принцип гражданства, реальный принцип, универсальный принцип, международный договор, приоритет норм, юрисдикция, ограничение права, суверенитет.

**Дмитрий Михайлович
МОЛЧАНОВ,**

кандидат юридических
наук, доцент
кафедры уголовного
права Московского
государственного
юридического
университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
9700608@list.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.095-104

D. M. MOLCHANOV,*PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)***9700608@list.ru***125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

THE PRINCIPLE OF JUSTICE AND THE CRIMINAL LAW IN SPACE

Abstract. *This article is devoted to the study of the principles of the criminal law in space and their relationship with the principle of justice. The principles of the criminal law in space are constructed in such a way that the jurisdiction of a few states can be extended to the person who committed the crime. Justice, as a basic legal principle, as applied to criminal law, is that a person guilty of committing a crime is punished adequately with the public danger of the committed act and the degree of guilt. The idea of guilt and the adequacy of retribution for the crime committed in different countries can vary significantly, and accordingly, a legal assessment of the committed act may differ. Thus, the requirement of the Criminal Code of the Russian Federation on unconditional recognition of a judicial decision of a foreign state in accordance with the principle of citizenship and the real principle, as a legal fact, stopping the possibility of criminal prosecution under the Criminal Code of the Russian Federation may prove an obstacle to a fair (in accordance with the Criminal Code) sentence. The universal principle imposes on Russia the duty to fight offenses that are stipulated in the international treaty of the Russian Federation or other international document, but it is not clear whether it is permissible to extend the application of this principle to persons who committed such acts in a country that does not recognize them as crimes if they are citizens of this countries. International legal acts that determine the mechanisms for combating crimes can be very far from perfect. At the same time, Russia has enshrined in its Constitution the obligations to recognize the priority of international legal acts in comparison with domestic legislation. The need to recognize the subordination of domestic legislation to international law is currently lacking, since such recognition is a direct restriction of Russia's sovereignty, which does not need such restrictions.*

Keywords: *justice, territorial principle, principle of citizenship, real principle, universal principle, international treaty, priority of norms, jurisdiction, restriction of right, sovereignty.*

В зависимости от характера совершенного преступления, места его совершения и юридической принадлежности преступника к определенному государству (гражданство, подданство, вид на жительство и пр.) на него может распространяться юрисдикция сразу нескольких государств. Приведем несколько

понятий термина «юрисдикция», существующих в науке международного права, которые позволят определить его объем для целей настоящей статьи.

И. И. Лукашук дает такое определение: «Юрисдикция вытекает из суверенитета государства и означает его законодательную, судебную и административную власть, ее объем и сферу действия»¹. В. Лоув пишет так: «Юрисдикция — термин, определяющий границы правовой компетенции государств... по созданию и применению правовых норм, регулирующих поведение лиц»². М. Шо понимает юрисдикцию как «власть государства воздействовать на лиц, собственность и события, которая отражает основополагающие принципы суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела других государств»³.

Итак, сразу несколько стран, обладающих суверенным равенством по отношению друг к другу, могут иметь право на привлечение какого-либо субъекта к уголовной ответственности. Пределы же ответственности за совершенное преступление в разных странах могут иметь очень существенные различия. Не исключена возможность того, что деяние, являющееся преступлением в одной стране, в другой стране не признается таковым, а может, влечет иной вид ответственности (например, административную).

Как известно, УК РФ не предусматривает повторного привлечения к уголовной ответственности за одно преступление, а потому и реализация уголовной ответственности по законодательству иного государства исключает возможность повторного уголовного преследования по УК РФ.

Это означает, что в случае вынесения приговора в иностранном государстве уголовная ответственность за преступление, подпадающее под юрисдикцию России, может оказаться либо значительно ниже, либо значительно выше по сравнению с УК РФ. При этом экстрадиция преступника и фактическое отбытие наказания в России не предполагает возможности изменения объема ответственности, определенного приговором, вынесенным в иностранном государстве.

Унификация уголовных законодательств разных государств вряд ли возможна в ближайшей исторической перспективе, а потому независимо от того, что объемом ответственности может оказаться явно несопоставимым по законодательству разных стран, происходит формальное признание приговора иностранного государства, и лицо считается понесшим уголовную ответственность.

Вместе с тем это не вполне согласуется с задачами УК РФ, которые заключаются в охране общественных отношений, включенных в общий объект уголовно-правовой охраны, и предупреждении преступлений, а также с принципом справедливости, который требует решения этих задач на основе соответствия характера и степени опасности совершенного преступления и объема уголовной ответственности.

Справедливость наказания, отраженного в приговоре, — не столько правовая, сколько нравственная оценка. Нормы закона, не учитывающие нравственную оценку обществом последствий их применения, вполне могут оказаться формально законными, но по сути несправедливыми.

¹ Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. М., 2005. С. 252.

² Evans Malcolm D. International Law. Oxford University Press, 2003. P. 329.

³ Shaw Malcolm N. International Law. Fifth ed. Cambridge University Press, 2003. P. 572.

Дальнейшие рассуждения будут строиться исходя из понимания российского уголовного законодательства как своего рода идеальной модели, не вступающей в противоречие с нравственными нормами⁴, а следовательно — стремящегося в итоге к восстановлению справедливости, нарушенной совершенным преступлением.

Исходя из этой идеальной модели, во-первых, в соответствии с Уголовным кодексом преступления признаются лишь крайне опасные деяния, а во-вторых, каждому такому деянию соответствует не произвольно определенный, а необходимо адекватный объем ответственности.

Допустим, нам удалось создать нашу идеальную модель закона, который устраивает, если не всех, то, во всяком случае, подавляющее большинство. Может быть, наш закон не нравится соседним странам, может быть, он не нравится вообще ни одной стране в мире. Но наш народ обладает суверенным правом иметь именно такой закон. И мы распространяем действие нашего закона на всю нашу территорию, на всех наших граждан, независимо от места совершения преступления, на любое лицо, не являющееся нашим гражданином, но совершившее преступление вне пределов России против интересов нашей страны или наших граждан⁵.

В действующей редакции УК РФ существуют такие ограничения этого права России: безоговорочное признание «решения суда иностранного государства» в отношении граждан РФ и постоянно проживающих в Российской Федерации лиц без гражданства, совершивших преступление за пределами Российской Федерации (ч. 1 ст. 12 УК РФ), и отказ от уголовного преследования иностранцев и лиц без гражданства (в соответствии с реальным принципом), если они «были осуждены в иностранном государстве» (ч. 3 ст. 12 УК РФ).

Следует обратить внимание, что из буквального толкования формулировок ч. 1 и ч. 3 ст. 12 следует, что в части 1 не говорится об осуждении, а следовательно, УК декларирует признание любого решения (в том числе и оправдательного приговора), в то время как в ч. 3 говорится именно об «осуждении», т.е. об обвинительном приговоре. Нельзя утверждать, что положения ч. 3 ст. 12 не могут быть

⁴ Это не соответствует реальному положению вещей, хотя и российский уголовный закон, как и законы иных стран, не является безупречным в плане соотношения с законом нравственным, поскольку в отдельных случаях вступает с ним в противоречие.

⁵ Универсальный принцип оставим пока за скобками, поскольку он касается случаев, когда совершенное преступление может не иметь вообще никакого отношения к России, поскольку совершается за ее пределами лицами, не имеющими гражданства и постоянно не проживающими на ее территории, и не направлено ни против интересов России, ни против интересов ее граждан. Универсальный принцип, в отличие от всех остальных, определяющих суверенное право России в отношении своих граждан и своей территории, имеет несколько иную направленность. Он является принципом взаимопомощи: Россия обязуется помогать другим государствам в борьбе с определенными преступлениями, используя для этого механизм своего уголовного законодательства, рассчитывая на такую же помощь со стороны других стран. Вместе с тем некоторые вопросы возможного применения УК РФ в соответствии с универсальным принципом будут затронуты в дальнейшем в той части, в какой это имеет отношение к теме исследования.

истолкованы расширительно, однако из буквального толкования ч. 3 следует, что Россия оставляет за собой право не признавать оправдательный приговор и привлечь необоснованно оправданное лицо к уголовной ответственности.

Что касается территориального принципа, то ст. 11 УК РФ не содержит никаких оговорок о том, будет ли Россия признавать судебное решение иностранного государства в случае, например, осуждения или оправдания лица, совершившего преступление на территории России, а затем подвергнутого уголовному преследованию в ином государстве в связи с тем, что оно является либо гражданином этого государства, либо им совершено преступление против гражданина этого государства, либо им совершено какое-либо конвенционное преступление. В этом случае, вероятно, может быть применен общий принцип справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ), запрещающий уголовное преследование дважды за одно и то же преступление. Вместе с тем, очевидно, ч. 2 ст. 6 не может применяться в отрыве от положений ч. 1 ст. 6, а значит, неадекватный объем уголовной ответственности в соответствии с приговором иностранного государства вполне можно рассматривать как отсутствие уголовной ответственности.

Необходимость и целесообразность такого подхода будет нами рассмотрена далее, пока же напомним, что в первоначальной редакции УК российский законодатель посчитал возможным сузить сферу действия УК в еще большей степени: в ч. 1 ст. 12 УК существовало прямое ограничение юрисдикции Российской Федерации в отношении граждан РФ, совершивших преступления за пределами России. Во-первых, требовалось, чтобы деяние признавалось преступлением в той стране, где оно было совершено, а во-вторых, максимальное наказание ограничивалось верхним пределом санкции, установленным уголовным законом той страны, где преступление было совершено. Поэтому, например, если бы гражданин РФ (некто, сродни главному персонажу известного романа В. Набокова), находясь на территории государства, где так называемый «возраст согласия» составляет 14 лет, совершил бы половое сношение с 14-летней девочкой (тоже гражданкой России), с которой он именно для этой цели в эту страну и отправился, привлечь его к уголовной ответственности по УК РФ не представлялось бы возможным.

В действующей редакции УК РФ нет таких прямых ограничений. Тем не менее признание любого приговора иностранного государства в качестве юридического факта, исключающего возможность дальнейшего уголовного преследования, может оказаться существенным ограничением на вынесение преступникам справедливого (в соответствии с УК РФ) наказания.

В развитие приведенного примера надо сказать, что защита детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений является предметом международных соглашений.

В пункте 1 ст. 18 Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (заклучена в г. Лансароте 25.10.2007) указывается, с какого рода сексуальными злоупотреблениями следует бороться: «а) занятие деятельностью сексуального характера с ребенком, который, согласно соответствующим положениям национального законодательства, не достиг установленного законом возраста для занятия деятельностью сексуального характера; б) занятие деятельностью сексуального характера с ребенком, когда:

используются принуждение, сила или угрозы; или имеет место злоупотребление признанным доверием, властью или влиянием на ребенка, в том числе внутри семьи; или имеет место злоупотребление особо уязвимым положением ребенка, в частности в силу его ограниченных умственных и физических возможностей или в случае его зависимого положения».

В статье 3 дается определение понятия «ребенок»: «любое лицо в возрасте до 18 лет».

Однако из п. 2. ст. 18 следует, что стороны заключили соглашение беспредметное, поскольку минимальный возраст, до достижения которого запрещено вступать в действия сексуального характера с ребенком, не определен в Конвенции, а определяется каждой из сторон. Так о чем же тогда договорились стороны? Они договорились всего лишь о том, что и так очевидно: лицо, достигшее 18 лет, ребенком не является. А кто является? Это непонятно. Если, например, одна из сторон определяет, что по достижении 11 лет допускаются любые сексуальные контакты, что это означает с точки зрения действующего законодательства России? Это означает очень простую вещь: Россия заключила соглашение «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» со страной, в которой абсолютно законными являются действия, которые в соответствии с УК РФ влекут наказание от 12 до 20 лет лишения свободы (см. п. «б» ч. 4 ст. 131 и примечание к ст. 131 УК РФ)⁶.

Интересно будет уяснить применительно к этому и действие универсального принципа, который предполагает право⁷ России привлекать к уголовной ответственности иностранцев, совершивших преступления, борьба с которыми является предметом международных соглашений с участием Российской Федерации⁸. В этой связи можно рассмотреть несколько ситуаций.

Как должен решаться вопрос об уголовной ответственности иностранных граждан тех стран, которые не присоединились к Конвенции и законодательство которых совсем иначе регулирует вопросы сексуальной эксплуатации детей? Надо ли их действия, совершенные на территории этих стран в отношении детей, которые являются их согражданами, не являющиеся преступлением по их внутреннему

⁶ Это утверждение надо рассматривать в гипотетическом плане. Даже если сейчас такой страны, участвующей в Конвенции и нет, то никто не мешает ее появлению в будущем. В настоящее время во многих странах этот возраст составляет 14 лет.

⁷ Из самого текста УК РФ следует, что это, пожалуй, даже не право, а обязанность России, поскольку в ч. 3 ст. 12 УК РФ говорится, что иностранцы подлежат уголовной ответственности «в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, *содержащим обязательства* (курсив мой. — Д. М.), признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых настоящим Кодексом».

⁸ В соответствии с пп. «е» п. 1 ст. 25 Конвенции юрисдикция страны не может распространяться на лиц, не являющихся гражданами этой страны, если они не могут быть отнесены к числу лиц, «обычно проживающих на ее территории». Однако сам этот термин в Конвенции не раскрыт. Очевидно, к таким лицам могут относиться и иностранцы, и лица без гражданства, проживающие на территории России более или менее продолжительное время.

законодательству, но являющиеся преступлениями по внутреннему уголовному законодательству стран, участвующих в Конвенции, рассматривать как преступления и привлекать их к уголовной ответственности, например, в России, если такой субъект относится к «обычно проживающим» на территории России?

Надо ли привлекать к уголовной ответственности граждан стран, участвующих в Конвенции, совершивших на территории этих стран в отношении детей, являющихся их согражданами, действия, которые по их внутреннему законодательству не являются преступлениями, поскольку «возраст согласия» установлен, например, с 11 лет? Если такой субъект окажется на территории России, по законодательству которой такое действие является особо тяжким преступлением, должен ли быть применен универсальный принцип?

Есть ли принципиальное отличие этих двух вариантов?

Большого отличия, по всей вероятности, нет, поскольку, независимо от участия в Конвенции, внутреннее законодательство этих государств не признает преступными действия, которые по законодательству иных стран, участвующих в Конвенции, могут быть преступлениями.

Но как же все-таки должен решаться вопрос о применении УК РФ в таком случае? Должна ли распространяться юрисдикция России на весь мир только потому, что Российская Федерация присоединилась к международному соглашению по борьбе с такого рода преступлениями, независимо от того, что само совершенное преступление никак не связано с гражданами России и с ее территорией⁹? Если буквально применять положения универсального принципа — должна. Однако представляется, что такое решение будет неверным. Справедливость наказания в уголовном праве определяется не только соразмерностью вреда и воздаяния, но и виной лица, совершившего преступление. Поэтому, какими бы безнравственными и противоправными (с позиций УК РФ) ни были деяния, совершаемые гражданами других стран на своей территории, Россия вряд ли имеет право на уголовное преследование таких лиц.

Исключением из этого правила может быть случай, когда такое преступление затрагивает интересы какой-либо иной из стран, участвующих в Конвенции. Тогда справедливость применения универсального принципа может обуславливаться теми же основаниями, что и применение реального принципа или принципа гражданства. Основанием для их применения является, во-первых, защита своих граждан от преступных посягательств, независимо от того, на территории какого государства они были совершены, а во-вторых, запрет своим гражданам совершать преступления, предусмотренные внутренним законодательством, независимо от того, в какой стране они пребывают.

⁹ Заметим, что в науке существуют разные определения принципа универсальности. Его существенные признаки раскрыты достаточно полно в таком определении: «Универсальная юрисдикция — это предписательная юрисдикция над преступлениями, совершенными за границей лицами, которые во время совершения противоправного деяния не являлись ни резидентами, ни гражданами предписывающего государства и деяния которых не являются угрозой для фундаментальных интересов государства, осуществляющего подобный вид юрисдикции» (O'Keefe R. Universal Jurisdiction: Clarifying the Basic Concept // Journal of International Criminal Justice. September 2004. P. 745).

В любом случае оба эти принципа основаны на приоритете внутреннего законодательства над законодательством иных стран. И логично предположить, что в случае, когда страны договариваются о совместной борьбе с какими-либо преступлениями, они не стремятся отказаться от своего суверенного права применять национальный уголовный закон в полном объеме на своей территории, в отношении своих граждан, независимо от места их нахождения, и в отношении любых лиц, не являющихся гражданами, но нарушающих права граждан или интересы страны.

Исходя из этого действие универсального принципа должно распространяться на те преступления, которые, хотя и совершены на территории государства, не признающего такие деяния преступлениями, но совершенные либо в отношении граждан иных стран, где такие деяния признаются преступными, либо самими гражданами этих стран. Если, например, гражданин страны А (где половое сношение с детьми, не достигшими 12 лет, является преступлением), находясь в стране Б, совершил такие действия с гражданкой страны Б (где такое деяние преступлением не признается), Россия вправе, в соответствии с универсальным принципом привлечь его к уголовной ответственности, поскольку это соответствует интересам страны А, которая наряду с Россией является участницей Конвенции.

Точно так же возможно решить вопрос и в том случае, если гражданка страны А является потерпевшей от действий гражданина страны Б. В то же время любые действия граждан страны Б, совершаемые ими в отношении своих сограждан и являющиеся преступлением по УК РФ, но не являющиеся преступлением в соответствии с уголовным законодательством страны Б, мы можем признать лишь неизбежным злом, которое тем не менее не требует юридического вмешательства со стороны России.

Принципиальное несогласие с внутренней политикой другой страны предполагает неприменение метода «комариных укусов», когда к уголовной ответственности привлекаются отдельные граждане, оказавшиеся по каким-то причинам в поле досягаемости российского правосудия (и не вполне понимающие, за что их привлекают к уголовной ответственности), а методы более радикальные, которые применяла Россия, например, в XIX в., когда объявила войну Османской империи (1877—1878), поскольку была не согласна с тем, как турки относились к христианскому населению своей страны. Но это тема совсем другого исследования.

Итак, на примере частично исследованной нами выше Конвенции, можно сделать вывод, что даже на уровне международных соглашений страны часто оказываются неспособными к внятному определению предмета договоренностей. И это означает, что при отсутствии таких недвусмысленных договоренностей могут существовать самые разнообразные подходы к оценке общественной опасности деяний в разных странах. УК РФ не устанавливает каких-либо приоритетов и в равной мере признает вступившее в законную силу судебное решение другого государства как основание для прекращения уголовного преследования того лица, в отношении которого такое решение состоялось.

А почему это должно быть так? Можем ли мы априори утверждать, что уголовный закон любого иного иностранного государства так же справедлив, как уголовный закон России? Должны ли мы принимать во внимание те различия, которые существуют в понимании справедливого и несправедливого в разных

странах? Если, например, иностранец в своей стране совершает правомерное действие (в соответствии с уголовным законом своей страны) в отношении гражданина России, которое по законам России является преступлением, справедливо ли будет привлечь его к уголовной ответственности по УК РФ, если он окажется в нашей стране?¹⁰ Ответить на этот вопрос возможно лишь в том случае, если к оценке справедливости применяются одинаковые этические критерии. Если же мы допускаем равноправное существование взаимоисключающих нравственных оценок, то сама постановка вопроса становится бессмысленной.

И тогда надо задаться вопросом: а существует ли в современном мире универсальная шкала нравственных ценностей, которой безоговорочно придерживались бы все страны? И если ответ будет отрицательным, тогда логично было бы исходить из того (как это делают, например, Соединенные Штаты Америки), что приоритет в оценке хорошего и плохого, нравственного и безнравственного, справедливого и несправедливого принадлежит России, а все законы иностранных государств, их судебные решения, а также международные правовые акты признаются нами лишь в части, не противоречащей внутреннему законодательству России.

Надо наконец понять, что ч. 4 ст. 15 Конституции России, определяющая приоритет международных договоров, не является каким-то очень важным достижением русской правовой мысли, а всего лишь одно из существенных положений, навязанных России извне и закрепленных в Конституции в период беспрецедентной слабости государственной власти в Российской Федерации. Признание приоритета одних норм над другими оправдано лишь в том случае, если понятны основания для признания такого приоритета.

Иными словами, чтобы говорить о приоритетах, необходимо понять сущностное превосходство одного над другим. Если, например, в Древнем Израиле признавали Закон Моисея как Божественное Откровение, то понятно, что любые человеческие установления в области права не должны противоречить Закону Моисея. Это логично, поскольку источники законов несопоставимы по значимости. А международное право и внутреннее законодательство России — вполне равнозначные предметы: человеческое творчество. Руководствоваться нормами международного права во внешней политике не только оправданно, но и необходимо (при наличии нескольких полюсов реальной силы), поскольку иначе неизбежны хаос и то состояние, которое Т. Гоббс называл война всех против всех (*bellum omnium contra omnes*)¹¹.

Во внутренней же политике признание приоритета норм международного права — ничто иное, как добровольный отказ от части своего суверенитета. Сегодня для России в этом нет необходимости. А потому и в отношении принципов дей-

¹⁰ Если спросить иначе: вправе ли мы, в соответствии с УК РФ, привлечь его к уголовной ответственности, — очевидно, ответ будет положительным. А вот в оценке справедливости все не так однозначно.

¹¹ См.: Гоббс Т. Левиафан. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 116.

Гоббс говорил о войне всех против всех применительно к отдельным субъектам. Между государствами, очевидно, происходит то же самое, только на другом уровне.

ствия закона в пространстве логично было бы руководствоваться универсальным правилом о том, что решения судов иностранных государств признаются нами лишь в части, не противоречащей нашему внутреннему законодательству. И международные договоры в исторической перспективе следовало бы рассматривать в качестве второстепенного источника для внутреннего применения. Если человеку свойственно ошибаться, то почему мы должны априори считать, что это российский законодатель, а не составитель международного договора?

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гоббс Т. Левиафан. М. Государственное социально-экономическое издательство, 1936.
2. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. М., 2005.
3. Evans Malcolm D. International Law. Oxford University Press, 2003.
4. O'Keefe R. Universal Jurisdiction: Clarifying the Basic Concept // Journal of International Criminal Justice. September 2004.
5. Shaw Malcolm N. International Law. Fifth ed. Cambridge University Press, 2003.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ: ДИСКУССИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Аннотация. Законодательное закрепление института административной преюдиции отличается непоследовательностью. Это создает трудности в определении его границ, в понимании и применении соответствующих норм. Сама по себе административная преюдиция заслуживает критического отношения. Она нарушает принцип *non bis in idem*; смещает основание уголовной ответственности в сторону личности правонарушителя; размывает границы между преступлением и административным правонарушением. Ее существование фактически выделяет среди административных правонарушений особую группу деликтов, занимающих по своей общественной опасности промежуточное положение между административными правонарушениями и преступлениями. Такой результат излишне усложняет систему публичных правонарушений.

Ключевые слова: административная преюдиция, неоднократность, *non bis in idem*, опасность личности, преступление, административное правонарушение.

**Елена Викторовна
НОВИКОВА,**

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
loshenkova29@rambler.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.105-112

E. V. NOVIKOVA,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
loshenkova29@rambler.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

SOME QUESTION ABOUT ADMINISTRATIVE PREJUDICE

Abstract. The legislative consolidation of the institution of administrative prejudice is inconsistent. This creates difficulties in defining its boundaries in the understanding and application of the relevant rules. Itself administrative collateral estoppel deserves a critical eye. It violates the principle of *non bis in idem*; shifts the basis of criminal responsibility towards the personality of the offender; blurs the boundaries between crime and administrative offence. Its existence is actually allocated among administrative offences special group of torts, which occupies its public danger an intermediate position between administrative great-wonarishinani and crimes. This result unnecessarily complicates the system of public offences.

Keywords: administrative prejudice, repeatability, *non bis in idem*, danger of personality, crime, administrative offence.

© Е. В. Новикова, 2018

Административная преюдиция относится к числу наиболее дискутируемых проблем в уголовном праве. Вернувшись в 2009 г. в Уголовный кодекс РФ (УК РФ), она получает все большее распространение. Вместе с тем не уменьшается количество противников данного института.

Критические замечания касаются и технического исполнения норм с административной преюдицией, и самого факта ее существования. Так, однозначно не определен круг уголовно-правовых норм, закрепляющих административную преюдицию. Без сомнения, к нему относятся положения, где законодатель прямо указывает на привлечение субъекта к административной ответственности или возложение на него административного наказания как на условие привлечения к уголовной ответственности.

Споры возникают вокруг составов преступлений, предусмотренных ст. 154 и 180 УК РФ. И незаконное усыновление (удочерение), и незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) признаются преступлениями, если, в частности, совершены неоднократно.

В ряде составов с административной преюдицией также использован термин «неоднократность» (ст. 151.1, 157, 171.4, 212.1, 215.4, 314.1 УК РФ), однако его значение расшифровывается с указанием в том или ином варианте на привлечение в прошлом к административной ответственности. В статьях 154 и 180 УК РФ подобных пояснений нет, но ряд авторов видит в них косвенное указание на административную преюдицию¹.

Нам ближе противоположная позиция². Она соответствует буквальному толкованию рассматриваемых законоположений, которые не требуют привлечения лица к административной ответственности за первый эпизод. Отметим также, что признак «неоднократности» существовал в ст. 154 и 180 УК РФ изначально, т.е. задолго до появления в УК РФ 1996 г. норм с административной преюдицией.

Аналогичная дискуссия ведется вокруг ст. 151 УК РФ в части, предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ³.

А. Г. Безверхов видит административную преюдициальность и в некоторых статьях Общей части УК РФ — ч. 3 ст. 74 и ч. 7 ст. 79, где привлечение к административной ответственности за нарушение общественного порядка может выступать основанием для ухудшения положения условно осужденного или условно-досрочно освобожденного⁴.

¹ См.: *Безверхов А. Г.* Возвращение «административной преюдиции» в законодательство России // *Российская юстиция*. 2012. № 1 ; *Сидерко Э. Л.* Административная преюдиция в российском уголовном праве: проблемы квалификации // *Мировой судья*. 2016. № 3.

² См.: *Головизнина И. А.* Проблема двусмысленности термина «неоднократность», содержащегося в ст. 180 УК РФ, и пути ее преодоления // *Российский следователь*. 2006. № 11 ; *Земцова А. А.* Перспективы либерализации уголовного закона... посредством административной преюдиции // *Эж-Юрист*. 2016. № 10.

³ См.: *Безверхов А. Г.* Указ. соч. ; *Земцова А. А.* Указ. соч..

⁴ См.: *Безверхов А. Г.* Указ. соч.

По нашему мнению, административная преюдиция предполагает переход от административной к уголовной ответственности за одно и то же деяние. В части 3 ст. 74 и ч. 7 ст. 79 УК РФ подобное не находит отражения.

Помимо «неоднократности», создает путаницу употребление в разных смыслах слова «мелкое». Так, мелкое хулиганство является административным правонарушением; мелкое взяточничество — преступлением; а мелкое хищение может быть и административным правонарушением, и преступлением, состав которого включает административную преюдицию.

Наряду с такой ненужной «универсальностью», в уголовном законе немало положений, нуждающихся в унификации, но пока ее не получивших.

В. Е. Дворцов обращает внимание на то, что в одних случаях (ст. 116.1, 158.1, 215.3, 264.1 УК РФ) административная преюдиция выражена в характеристике субъекта преступления как лица, подвергнутого административному наказанию; в других (ст. 212.1, 284.1, 314.1 УК РФ) — как лица, привлекавшегося к административной ответственности⁵.

Применительно к первому варианту законодатель то подчеркивает, что лицо совершает второе деяние (преступное) в период, когда считается подвергнутым административному наказанию (ст. 151.1, 157, 171.4, 215.4 УК РФ), то указывает лишь на сам факт применения административного наказания за аналогичное деяние в биографии субъекта (ст. 116.1, 158.1, 215.3, 264.1 УК РФ).

Иногда — когда речь идет и об административном наказании, и об административной ответственности — административная преюдиция определяется уже упоминавшимся термином «неоднократность».

По-разному определяется срок, в течение которого должно быть совершено повторное правонарушение: в большинстве случаев это время, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (согласно ст. 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) — период со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления); ст. 284.1 и 314.1 УК РФ указывают на один год; для посягательства, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, установлен срок 180 дней.

Разумно предложение унифицировать этот параметр на основе ст. 4.6 КоАП РФ⁶.

Нет единообразия в вопросе о необходимом количестве административных правонарушений. Наиболее распространена однократная преюдиция. Составы преступлений, закрепленные в ст. 284.1 и 314.1 УК РФ, предусматривают совершение двух правонарушений; ст. 212.1 УК РФ устанавливает, что лицо должно быть привлечено к административной ответственности более двух раз.

⁵ См.: Дворцов В. Е. Об административной преюдиции применительно к норме об уголовной ответственности за совершение преступления против порядка осуществления кадастровой деятельности // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 61—64.

⁶ См.: Дворцов В. Е. Указ. соч. С. 61—64; Харлова М. И. Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8.

Не только особенности технико-юридического закрепления административной преюдиции, но и само существование этого явления в уголовном законе имеет противников.

Одним из главных аргументов, ставших основанием для отказа от административной преюдиции при принятии действующего УК РФ⁷, было то, что названное правовое явление нарушает принцип *non bis in idem*. Конституционный Суд РФ в постановлении от 10.02.2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» отверг этот тезис. В пункте 4.2 он указал, что обсуждаемая норма с административной преюдицией (ст. 212.1 УК РФ) «предусматривает ответственность лишь за такое противоправное деяние, которое не послужило основанием административной ответственности совершившего его лица»⁸.

Действительно, «финальное» правонарушение учитывается один раз — при привлечении к уголовной ответственности.

Требование не налагать ответственность дважды за одно и то же нарушается в отношении первого (или первых — при многократной преюдиции) правонарушения, о котором Конституционный Суд РФ умолчал. Этот первый эпизод сначала становится основанием для привлечения к административной ответственности, а затем условием привлечения к уголовной ответственности за аналогичное деяние⁹.

Другое возражение против административной преюдиции состоит в том, что названное явление «изменяет основание уголовной ответственности: им становится не деяние... а личность нарушителя» (Г. Резник)¹⁰.

Сторонники рассматриваемого института преодолевают этот довод по-разному. Одни указывают, что не только общественная опасность личности как таковая, но и объективная сторона — неоднократное выражение общественной опасности личности в общественно опасных деяниях — предопределяет наступление уголовной ответственности¹¹.

Другие признают, что при административной преюдиции единственным основанием изменения административной ответственности на уголовную является личность субъекта, но считают это допустимым. Утверждается, что не только

⁷ См.: Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10.

⁸ См. также: Харлова М. И. Указ. соч. ; Антонович Е. К., Осипов А. Л. Актуальные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2017. № 1.

⁹ См.: Коробеев А. И., Ширшов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4 ; Шемякин Д. В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15.

¹⁰ См.: Головкин Л., Коробеев А., Лопашенко Н., Пашин С., Резник Г., Богуш Г., Есаков Г. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. См. также: Коробеев А. И., Ширшов А. А. Указ. соч.

¹¹ См.: Харлова М. И. Указ. соч. ; Безверхов А. Г. Указ. соч.

вред, но и повышенная опасность личности может обуславливать наличие общественной опасности¹².

Конституционный Суд РФ отмечает, что повторное (или многократное) правонарушение остается по своей нормативной первооснове административным, но сам факт его существования указывает на недостаточность административно-правовых средств для противодействия таким деяниям и может рассматриваться как причина криминализации подобных действий (бездействия)¹³.

Представляется, что на какой бы позиции ни стоял законодатель, при конструировании норм с административной преюдицией он допустил непоследовательность. Предположим, лицо совершает мелкое хищение на сумму 2 тыс. руб. и подвергается административному наказанию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Затем в течение срока «административной наказанности» совершает аналогичное хищение, привлекается к уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ и осуждается на один год лишения свободы. За день до окончания срока уголовного наказания осужденный вновь совершает мелкое хищение на сумму 2 тыс. руб. Общественная опасность личности возрастает от эпизода к эпизоду, однако третье хищение будет влечь меньшую ответственность, чем второе, так как является административным правонарушением (ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ).

Вопрос о криминообразующем значении личности нарушителя вырастает из более общего вопроса о соотношении уголовного и административно-деликтного права.

По замечанию Г. А. Есакова, если право административных правонарушений признать «малым» уголовным правом», то административная преюдиция может существовать; если сохранять между отраслями «непреодолимую стену» — то нет¹⁴.

Так, Конституционный Суд РФ утверждает, что административная и уголовная ответственность «имеют схожие задачи, базируются на рядоположенных принципах, преследуют общую цель защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка и, по сути, во многом дополняют друг друга»¹⁵.

По мнению Л. Головки, уголовное право и право административных правонарушений имеют «общего предка» («историческое уголовное право») и по сей день обладают концептуальным единством (возложение государством публично-правовых санкций за неправомерное поведение). Подобный подход позволяет считать административную преюдицию вариантом рецидива¹⁶.

¹² См.: *Иванчин А. В.* О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4.

¹³ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017. № 2-П. П. 4.2 // СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

¹⁴ См.: *Головки Л., Коробеев А., Лопашенко Н., Пашин С., Резник Г., Богуш Г., Есаков Г.* Указ. соч.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017. № 2-П. П. 4.

¹⁶ См.: *Головки Л., Коробеев А., Лопашенко Н., Пашин С., Резник Г., Богуш Г., Есаков Г.* Указ. соч. ; *Безверхов А. Г.* Указ. соч.

Думается, что уголовное право и право административных правонарушений, хотя и близки друг другу, но являются самостоятельными отраслями, обладают значительной спецификой. Невозможно устранить границу между ними и признать возможность упомянутого «межотраслевого»¹⁷ рецидива.

Преступление и административное правонарушение качественно различаются. Об этом легко судить по разнице между мерами уголовной и административной ответственности.

Содержательно указанные меры могут пересекаться. Например, штраф, обязательные работы, лишение специального права порой в одинаковых размерах (на одинаковые сроки) назначаются и за преступления, и за административные правонарушения. Однако о принципиальном различии между данными наказаниями свидетельствует то, как сильно отличается процедура привлечения к административной ответственности от процесса привлечения к уголовной ответственности.

Пишут, что процедура производства по делу не может определять материальную сущность ответственности¹⁸. Между тем особенности процедуры зависят не от произвола законодателя. Чем более она сложна, тем больше требует материальных и организационных затрат. Идти на такие траты можно только по «крайней необходимости». Платить такую цену можно только за обеспечение наиболее значимых благ, прав и свобод.

Уровень гарантий прав и свобод нарушителя и потерпевшего в административном процессе существенно ниже по сравнению с уголовным процессом.

Как отмечают Е. К. Антонович и А. Л. Осипов, административная процедура не предусматривает участие в судебном разбирательстве стороны обвинения. Это приводит к тому, что часть обвинительных функций, связанных с представлением обвинения и собиранием дополнительных доказательств, возлагается на суд. В КоАП РФ не зафиксировано право привлекаемого к административной ответственности пользоваться услугами защитника бесплатно в случае, когда с учетом его имущественного положения этого требуют интересы правосудия. Сказанное заставляет презюмировать несправедливость большинства судебных процессов о привлечении виновных к административной ответственности. В рамках привлечения к уголовной ответственности за преступление с административной преюдицией судебное решение по делу об административном правонарушении рассматривается в качестве такого же доказательства, как все остальные¹⁹.

Конституционный Суд РФ в п. 5.4 постановления от 10.02.2017 г. № 2-П отметил: «Преюдициальность судебных актов о привлечении к административной ответственности за совершение административных правонарушений... не может обладать неопровержимым характером, что предполагает необходимость проверки судом — на основе принципов состязательности и равноправия сторон... доказанности всех обстоятельств совершения уголовно наказуемого деяния в рамках уголовного судопроизводства».

Таким образом, процедура административного судопроизводства дает лицу, совершившему административное правонарушение, сравнительно мало гаран-

¹⁷ Безверхов А. Г. Указ. соч.

¹⁸ См.: Харлова М. И. Указ. соч.

¹⁹ См.: Антонович Е. К., Осипов А. Л. Указ. соч.

тий его прав и свобод. Можно предположить, что эти права и свободы либо предполагаемая степень их ущемления не так значительны в глазах законодателя.

«Незначительные» наказания должны соответствовать «незначительным» правонарушениям. Последнее невозможно сказать об уголовной ответственности. Процедура привлечения к ней сложна, так как призвана обеспечить от необоснованного вмешательства наиболее ценные права и свободы, включая право на жизнь. Подобными правами и свободами человек расплачивается за самые серьезные правонарушения.

Противники административной преюдиции отмечают, что ее присутствие в УК РФ размывает границы между преступлением и административным правонарушением, что признается вредным²⁰.

Однако Конституционный Суд РФ считает, что общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства на охраняемые общественные отношения²¹. Иными словами, обсуждается, могут ли «сто мышей образовать одну овцу»²²?

Представляется, что постановка вопроса некорректна. Здесь несколько административных правонарушений сравниваются по степени общественной опасности с одним преступлением. Между тем преступления также могут повторяться. Правильным было бы сопоставлять административное правонарушение и преступление, учитывая, что и то, и другое совершаются не единожды.

Общественная опасность любого правонарушения определяется тем, какой эффект может произвести на общество многократное воспроизведение запрещаемой модели поведения.

Результаты тиражирования административных правонарушений и тиражирования преступлений, думается, будут разными. Представим, например, что в обществе не считается зазорным «позаимствовать» у другого имущество на 1—2 тыс. руб. При этом более ценные предметы неприкосновенны. Отношения собственности в этом случае не будут существенно страдать и точно не разрушатся.

В ситуации, когда имущество любой ценности может быть изъято и обращено в пользу виновного или других лиц, отношения собственности оказываются под угрозой, так как рискуют потерять свой смысл.

Если признать, что преступление и административное правонарушение качественно различны, то существование административной преюдиции приводит к неоправданному усложнению системы публичных правонарушений.

Сегодня в уголовном законе существует 11 норм с административной преюдицией. В КоАП РФ — 11 статей, предусматривающих ответственность за правонарушения, которые при повторении могут стать преступлениями. Чем руководствовался законодатель, когда одним административным правонарушением предоставил возможность превратиться в преступление при своем повторении, а другим в ней отказал? Пока выделение деликтов в первую группу выглядит

²⁰ См.: Шемякин Д. В. Указ. соч. ; Земцова А. А. Указ. соч. ; Мамхатов З. З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2015. № 8.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П. П. 4.1.

²² См.: Харлова М. И. Указ. соч.

случайным, но, если предположить, что закономерность существует, то, вероятно, «потенциальные преступления» должны отличаться от других административных правонарушений степенью (или характером) общественной опасности.

Таким образом, перед нами три типа деликтов: административное правонарушение; административное правонарушение — потенциальное преступление; преступление. Все ли они нужны, когда вариантов ответственности только два — административная и уголовная?

Если описанная система дополнится уголовным проступком, включение которого в УК РФ активно обсуждается, ориентироваться в ней станет совсем сложно.

Таким образом, «теоретическая чистота» и необходимость административной преюдиции вызывает сомнения. В существующем виде данный институт (его технико-юридическое закрепление) нуждается в усовершенствовании.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонович Е. К., Осипов А. Л. Актуальные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном судопроизводстве // Адвокат. — 2017. — № 1.
2. Безверхов А. Г. Возвращение «административной преюдиции» в законодательство России // Российская юстиция. — 2012. — № 1.
3. Головизнина И. А. Проблема двусмысленности термина «неоднократность», содержащегося в ст. 180 УК РФ, и пути ее преодоления // Российский следователь. — 2006. — № 11.
4. Головкин Л., Коробеев А., Лопашенко Н., Пашин С., Резник Г., Богущ Г., Есаков Г. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. — 2017. — № 2.
5. Дворцов В. Е. Об административной преюдиции применительно к норме об уголовной ответственности за совершение преступления против порядка осуществления кадастровой деятельности // Российская юстиция. — 2017. — № 11. — С. 61—64.
6. Земцова А. А. Перспективы либерализации уголовного закона... посредством административной преюдиции // Эж-Юрист. — 2016. — № 10.
7. Иванчин А. В. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. — 2017. — № 4.
8. Коробеев А. И., Шишов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. — 2017. — № 4.
9. Мамхатов З. З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. — 2015. — № 8.
10. Сидерко Э. Л. Административная преюдиция в российском уголовном праве: проблемы квалификации // Мировой судья. — 2016. — № 3.
11. Харлова М. И. Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 8.
12. Шемякин Д. В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. — 2015. — № 15.
13. Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. — 2009. — № 10.

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 277, 278 И 279 УК РФ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Аннотация. Согласно ст. 205.1 УК РФ и примечанию к ст. 205.2 УК РФ такие преступления, как посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), насильственный захват власти (ст. 278 УК РФ) и вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ), относятся к террористической деятельности. Однако законодатель данные составы преступлений разместил в разд. X УК РФ «Преступления против государственной власти», в связи с чем возникает вопрос о круге общественных отношений, на которые они посягают, и о свойствах общественной опасности рассматриваемых деяний. Данная статья посвящена проблемам определения объекта преступлений, предусмотренных ст. 277, 278 и 279 УК РФ. Автор делает вывод, что при характеристике основного непосредственного объекта необходимо исходить из структуры государственной власти. Соответственно, при совершении посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля объектом уголовно-правовой охраны являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность субъектов власти; при насильственном захвате власти и вооруженном мятеже вред причиняется такому центральному структурному элементу государственной власти, как властеотношения.

Ключевые слова: государственная власть, основы конституционного строя, безопасность государства, субъекты власти, властеотношения, легитимность власти, легальность власти.

Виктория Владимировна ПАЛИЙ,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
paliyka_82@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.113-120

V. V. PALIY,

Candidat of legal sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
paliyka_82@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE OBJECT OF THE CRIMES SET OUT IN ART. 277, 278 AND 279 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEM OF SYSTEMATIZING

Abstract. According to art. 205.1 the CCRF and the note to the calendar. 205.2 Criminal Code offences such as assault on the life of a State or public figure (article 277 of the Criminal Code), the violent seizure of power (art. 278 of the Criminal Code) and armed rebellion (art. 279 of the Criminal Code)

© В. В. Палий, 2018

relate to terrorist activity. However, legislator data crimes placed in section X of the Criminal Code, "offences against the public authorities and, therefore, the question arises about the terms of public relations, to which they impinge, and about the properties of the public danger of the acts in question. This article is devoted to the problems of the definition of the object of the crimes set out in art. 277, 278 and 279 of the Criminal code of the Russian Federation. The author concludes that the characteristics of the principal object directly, you will need to come from the public authorities. Accordingly, in the Commission of violations of the right to life of a State or public figure object of criminal-legal protection are a threat to the social relationships underpinning the security of actors; When the violent seizure of power and the armed rebellion caused such harm to the central structural element of State power, as vlasteotnoshenijam.

Keywords. *state power, the foundations of the constitutional order, security of State, power, vlasteotnoshenija power, legitimacy, legality of power.*

Из расположения ст. 277, 278 и 279 УК РФ в разд. X «Преступления против государственной власти» следует, что преступления, предусмотренные данными статьями, посягают прежде всего на государственную власть. А. Ф. Мальный понимает государственную власть в двух аспектах: во-первых, как совокупность властных государственных полномочий; во-вторых, как систему государственных органов¹. Однако власть не может быть приравнена к самим органам, поэтому преобладающим является мнение, что государственную власть следует понимать как определенный объем полномочий, осуществляемых от имени государства его органами. Суть государственной власти выражается в совершении действий, принятии законов, обязательных для исполнения, обеспечиваемых авторитетом и организационными мероприятиями, а иногда и принуждением со стороны государства².

В науке вопрос о соотношении государственной власти и государства решается неоднозначно. Например, одни ученые государственную власть и государство рассматривают как равнозначные. Другие полагают, что государственную власть и государство требуется соотносить как содержание и форму, в этом случае власть является содержанием, а государство формой³. Третьи государственную власть оценивают как понятие, производное от понятия «государство», как разновидность регулирования, своеобразный механизм⁴.

¹ См.: Мальный А. Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. 2001. № 3. С. 98.

² См.: Авакьян С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь. М. : Юстицинформ, 2015.

³ См.: Романцова О. В. Понятие и признаки государственной власти // Юридический мир. 2006. № 1. С. 14.

⁴ См.: Ларичев В. Д., Варанкина Ю. С. Родовой и видовой объекты преступления главы 30 УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IX Международной науч.-практич. конференции (26—27 января 2012 г.). М., 2012. С. 412.

Соотношение понятий «государственная власть» и «государство» необходимо проводить исходя из того, что понимается под государством в широком и узком смысле. Если рассматривать государство в широком смысле, то государственная власть выступает в качестве его признака, поскольку государство как политико-территориальный союз людей управляется с помощью государственной власти и находится под защитой власти. Если говорить о государстве в узком смысле, то это некий механизм (аппарат) государственной власти⁵.

Государственную власть как объект охраны в уголовном праве следует понимать шире, чем понятие «государство». Законодатель в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» целенаправленно «безопасность государства» указал в качестве одного из компонентов государственной власти и показал, что таковая не сводится только к нему.

Так, родовым объектом преступлений, предусмотренных ст. 277, 278 и 279 УК РФ, принято считать группу общественных отношений, направленных на охрану основ конституционного строя, а также обеспечивающих безопасность государства, нормальное функционирование государственных органов, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Несколько иначе рассматривает родовой объект А. И. Коробеев, по мнению которого такие общественно опасные деяния посягают на основы конституционного строя и национальную безопасность России⁶.

Однако на сегодняшний день отождествление безопасности государства с национальной безопасностью представляется неверным. В соответствии с Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» национальная безопасность включает в себя наряду с обороной страны государственную безопасность, а также иные виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством РФ⁷.

Видовым объектом рассматриваемых в данной статье преступлений является совокупность общественных отношений, обеспечивающих незыблемость основ конституционного строя и безопасность государства.

Относительно того, что понимать под основами конституционного строя, в литературе отсутствует единство взглядов. Так, О. Е. Кутафин под основами конституционного строя понимал способ (или форму) организации государства, обеспечивающий подчинение его праву и характеризующий его как государство конституционное⁸. С точки зрения В. В. Мамонова, конституционный строй — это выражение конституционных отношений, в которых определены политический режим, статус человека, форма государства, порядок взаимодействия между органами государственной власти⁹. По мнению Н. А. Богдановой, конституционный строй следует понимать как особое логическое построение, которое отобража-

⁵ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. М., 2016.

⁶ Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 5. С. 10.

⁷ СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

⁸ См.: Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 2007. С. 77.

⁹ См.: Мамонов В. В. Конституционный строй Российской Федерации: понятие, основы, гарантии // Государство и право. 2004. № 10. С. 43.

ет зафиксированные в нормах конституции устройство государства и общества, положение человека в системе отношений: государство, общество, личность¹⁰.

Существуют и другие взгляды российских ученых на понятие конституционного строя. В. В. Гошуляк отмечает, что такое количество мнений не является недостатком, так как каждое определение показывает ту или иную сущностную черту рассматриваемого понятия¹¹. Анализ различных точек зрения показывает, что существуют три основных подхода к определению основ конституционного строя: как форма организации государственной власти; как система конституционных отношений; как совокупность правовых норм-принципов, закрепленных конституцией. По мнению А. Г. Хлебушкина, с точки зрения уголовного права конституционный строй следует рассматривать как систему общественных отношений, устанавливаемых основным законом¹². Также необходимо обратить внимание на то, что при определении данного понятия базовыми являются такие категории, как «власть», «человек», «общество», «государство», «нормы права».

Что касается безопасности государства, его объем и содержание не конкретизируются в основном законе, но подчеркивается необходимость обеспечения безопасности государства — ст. 13, 55, 71, 82 Конституции РФ.

В Толковом словаре русского языка «безопасность — это состояние, при котором не угрожает опасность кому-нибудь или чему-нибудь»¹³.

В Законе РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности» впервые было закреплено данное понятие как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от различных внутренних и внешних угроз¹⁴. С учетом положений данного Закона в науке уголовного права безопасность понимают как систему мер, обеспечивающих такое состояние¹⁵.

Вместе с тем некоторые исследователи считают, что содержание безопасности нельзя сужать до защищенности и защиты, так как ее целью являются социальное развитие общества, создание наилучших условий для жизнедеятельности человека¹⁶. Однако такая позиция может вызвать некоторые сомнения, если развитие предполагает всегда определенную динамику, то защищенность, наоборот, отсутствие угроз, рисков, состояние стабильности. В литературе справедливо предлагается рассматривать данные понятия как взаимосвязанные (взаимоза-

¹⁰ См.: Богданова Н. А. Система науки конституционного права. М., 2001. С. 161.

¹¹ См.: Гошуляк В. В. Правовые принципы закрепления основ конституционного строя России в конституциях и уставах субъектов РФ // Lex Russica. 2017. № 1. С. 125.

¹² См.: Хлебушкин А. Г. Основы конституционного строя как объект уголовно-правовой охраны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. Т. 4. № 56. С. 76.

¹³ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцовой. М., 2006.

¹⁴ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 769. Закон утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2).

¹⁵ См., например: Вишняков В. Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 31; Рябчук В. Н. Государственная измена и шпионаж. СПб., 2007. С. 556.

¹⁶ См., например: Шрага М. Х. Социальная безопасность в теории здоровья. Архангельск, 2009. С. 93.

висимые), так как именно безопасность способствует развитию. В свою очередь, чем более развито государство в различных сферах, тем больше существует возможностей обеспечить его безопасность¹⁷.

Безопасность государства — это одна из составляющих национальной безопасности. Представляется, что преступления, закрепленные в гл. 29 УК РФ, посягают прежде всего на порядок осуществления государством политической функции, которая направлена на обеспечение национального и социального согласия, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, подавление сопротивления противоборствующих социальных сил, оборону страны, охрану государственных органов, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации от внутренних и внешних угроз.

Вопрос о непосредственном объекте преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 277, 278 и 279 УК РФ, является дискуссионным. В. В. Лунев рассматривает их как преступления против основ конституционного строя¹⁸. По мнению С. В. Дьякова, при совершении данных преступлений страдает внутренняя безопасность Российской Федерации¹⁹. Однако на сегодняшний день в Уголовном кодексе говорится о «безопасности Российской Федерации», т.е. о состоянии ее защищенности не только от внутренних, но и от внешних угроз. Высказывается также точка зрения, что применительно к данным составам непосредственным объектом следует признавать политические основы конституционного строя.

В юридической литературе действительно можно встретить деление основ конституционного строя на определенные виды: 1) политические; 2) экономические; 3) социальные; 4) духовные. Тем не менее в гл. 1 Конституции РФ отсутствует деление основ конституционного строя на виды. Существует мнение, что в Конституции РФ 1993 г., в отличие от Конституции СССР 1977 г., неслучайно отсутствует упоминание о политической основе. Так, в ст. 2 Конституции СССР 1977 г. говорилось о том, что вся власть в СССР, РСФСР принадлежит народу, и он осуществляет государственную власть через советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР. Следовательно, такой подход недопустим в государстве, в котором провозглашен принцип разделения властей²⁰.

А. И. Рарог под основами политической системы применительно к рассматриваемой группе преступлений понимает легитимность государственной власти²¹. Легитимность власти — это фундаментальная характеристика любого режима, содержащая два компонента: с одной стороны, представление общества о законности существующего порядка правления, с другой — осознание правящими верхами своего права на власть²².

¹⁷ См.: *Елфимова О. С.* Национальная безопасность в теории и законодательстве России // *Lex Russica*. 2016. № 10. С. 21.

¹⁸ См.: *Российское уголовное право. Особенная часть* / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2002. С. 817.

¹⁹ См.: *Полный курс уголовного права*. Т. 5. С. 25—26.

²⁰ См.: *Авакьян С. А.* Указ. соч.

²¹ См.: *Уголовное право. Особенная часть : учебник для бакалавров* / под ред. А. И. Чучаева. М., 2018. С. 416—417.

²² См.: *Социологический энциклопедический словарь* / под ред. Г. В. Осипова. М., 1998. С. 157.

Однако легитимную власть необходимо отличать от власти легальной. Легализация власти означает установление, признание, поддержку государственной власти законом, и в первую очередь конституцией, опорой власти является закон. Легитимация власти связана не с принятием норм, а с представлениями различных слоев населения о соблюдении государственной властью и ее органами предписаний закона, уровне защиты прав и свобод человека. Таким образом, это совокупность переживаний (эмоций) и внутренних установок людей²³. Из этого следует, что легальность власти имеет юридическую характеристику, легитимность — это ее психологическая оценка. В связи с тем, что легитимность государственной власти предполагает неформальный процесс и относится к субъективной стороне человеческой деятельности, которая не всегда может подлежать точной оценке, на наш взгляд, она не может служить социально-политическим основанием для выделения отдельной группы преступлений. По этой же причине недопустимо признавать таким основанием авторитет государственной власти.

Представляется, что при определении непосредственного объекта рассматриваемых преступлений следует исходить из элементов государственной власти, образующих ее систему: а) субъект власти; б) объект власти; в) содержание властной деятельности (властеотношение); г) средства, приемы, способы осуществления государственной власти; д) ресурсы власти.

По мнению автора, объектом преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, следует признавать прежде всего общественные отношения, обеспечивающие безопасность субъектов власти. Субъект власти — лица, чья деятельность связана с выполнением государственно-властных полномочий, реализуемых в целях осуществления государственного управления. Законодатель в ст. 277 УК РФ предусматривает равную ответственность за посягательство на жизнь государственного деятеля и на жизнь общественного деятеля. В данном случае имеет значение особый правовой статус указанных потерпевших как лиц, уполномоченных властью осуществлять государственную или политическую деятельность.

Соответственно, под действие ст. 277 УК РФ подпадает посягательство на жизнь субъектов власти, совершенное в целях прекращения их государственной или политической деятельности либо из мести за такую деятельность. Если же посягательство происходит на жизнь таких субъектов власти путем взрыва, поджога или иных подобных действий в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, содеянное следует квалифицировать по ст. 205 УК РФ²⁴.

При совершении насильственного захвата власти (ст. 278 УК РФ) и вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ) вред причиняется такому центральному структурному элементу государственной власти, как властеотношения. В рамках властеотношений тот, кто осуществляет государственно-властные полномочия, навязывает свою волю подвластным, руководит их поведением

²³ См.: Чиркин В. Е. Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. 1995. № 8. С. 65—73.

²⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

с помощью издания норм права. Властная управленческая деятельность предполагает прежде всего четкое и стабильное соответствие политико-правовых процедур положениям конституции. По сути, речь идет о легальности, которая характеризует определенный порядок функционирования государственной власти в соответствии с законом. Как справедливо отмечает Ю. В. Безкоровайная, исследование такого понятия, как «легальность государственной власти» позволяет установить критерии разграничения между такими понятиями, как «насильственный» — «правовой», «законный» — «незаконный» и др.²⁵

Таким образом, нормы, закрепленные в ст. 278 и 279 УК РФ, можно отнести к уголовно-правовым средствам борьбы с посягательствами на легальность государственной власти. «Легальность», в свою очередь, выступает в качестве необходимого элемента публичной власти в государстве, в котором присутствуют юридические процедуры установления, функционирования и смены власти. Если наряду с такими посягательствами совершаются террористический акт либо иные преступления против общественной безопасности, это образует совокупность преступлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь. — М. : Юстицинформ, 2015. — 640 с.
2. Безкоровайная Ю. В. Исследование категории «легальность государственной власти» в теории юридической науки // Общество и право. — 2009. — № 4 (26).
3. Богданова Н. А. Система науки конституционного права. — М., 2001. — 256 с.
4. Вишняков В. Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. — 2005. — № 9.
5. Гошуляк В. В. Правовые принципы закрепления основ конституционного строя России в конституциях и уставах субъектов РФ // Lex Russica. — 2017. — № 1.
6. Елфимова О. С. Национальная безопасность в теории и законодательстве России // Lex Russica. — 2016. — № 10.
7. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. — М., 2007. — 592 с.
8. Ларичев В. Д., Варанкина Ю. С. Родовой и видовой объекты преступления главы 30 УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IX Международной науч.-практич. конференции (26—27 января 2012 г.). — М., 2012.
9. Малый А. Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. — 2001. — № 3.
10. Мамонов В. В. Конституционный строй Российской Федерации: понятие, основы, гарантии // Государство и право. — 2004. — № 10.

²⁵ См.: Безкоровайная Ю. В. Исследование категории «легальность государственной власти» в теории юридической науки // Общество и право. 2009. № 4 (26). С. 91.

11. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. — СПб., 2008. — Т. 5. — 951 с.
12. Романцова О. В. Понятие и признаки государственной власти // Юридический мир. — 2006. — № 1.
13. Рябчук В. Н. Государственная измена и шпионаж. — СПб., 2007. — 1102 с.
14. Теория государства и права : учебник / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. — М., 2016. — 328 с.
15. Хлебушкин А. Г. Основы конституционного строя как объект уголовно-правовой охраны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2012. — Т. 4. — № 56.
16. Чиркин В. Е. Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. — 1995. — № 8. — С. 65—73.
17. Шрага М. Х. Социальная безопасность в теории здоровья. — Архангельск, 2009.

СОГЛАСИЕ ЛИЦА НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЕГО ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ

Аннотация. Исследуется уголовно-правовое значение согласия лица на причинение вреда его жизни и здоровью. Доказывается, что в связи с изменением места личности в современном обществе, когда она получает большую свободу распоряжаться своим телом, а также по мере роста достижений науки, внедрения новых технологий расширяется сфера действия согласия лица на причинение вреда абсолютным ценностям — жизни и здоровью. Это области получения как социально полезного результата (в частности, аллотрансплантация, проведение исследований и лечения, связанных с геномом человека, разработка радикальных средств лечения); так и социально нейтрального результата по коррекции отклонений отдельной личности (например, смена пола, синдром нарушения целостности восприятия собственного тела). Речь может идти о трояком уголовно-правовом значении согласия лица на причинение вреда: 1) как конструктивного признака состава преступления; 2) как обстоятельства, смягчающего ответственность; 3) как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Ключевые слова: преступления против жизни и здоровья, согласие потерпевшего в уголовном праве, обстоятельство, исключающее ответственность, волеизъявление потерпевшего на причинение ему вреда.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.121-129

Z. B. SOKTOEV,

*Doctor of Law, Professor of the Criminal Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

soktoev@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

A. R. RINCHINOVA,

lawyer

Anna_rinchinova@me.com

VICTIM'S CONSENT ON CAUSING OF INJURY TO LIFE AND HEALTH

Abstract. Person's consent on causing harm to life and health is analyzed in the article. It is proved that the area of the person's consent on causing harm to absolute values such as life and health is expanded as a result of the change of the place of personality in modern society, when a person

**Зорикто Борисович
СОКТОЕВ,**

*доктор юридических
наук, доцент, профессор
кафедры уголовного
права Московского
государственного
юридического
университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)*

soktoev@gmail.com

*125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9*

**Анна Родионовна
РИНЧИНОВА,**

*юрист
Anna_rinchinova@me.com*

© З. Б. Соктоев,
А. Р. Ринчинова, 2018

achieves greater freedom to dispose of his body, as well as development of science and introduction of new technologies. It is an area where socially useful result is achieved particularly in case of allotransplantation, conducting of researches and medical treatments connected with genes of a human being, development of radical means of treatment, however it is also an area where socially neutral result is present in the form of treatment of disorders of a personality such as body integrity identity disorder and change of gender. Person's consent on causing of harm can have three meanings in criminal law: 1. as a constructive characteristic of a crime; 2. as circumstances, mitigating criminal responsibility; 3. as circumstances, eliminating criminality of an action.

Keywords: *crimes against life and health, consent of victim in criminal law, circumstance eliminating criminal responsibility, expressed will of victim on causing harm.*

Вопрос об уголовно-правовом значении согласия потерпевшего не является новым: еще в дореволюционном уголовном праве начали вырабатываться основные понятия, методологические основы изучения, оценка юридической природы и условия правомерности и (или) неправомерности данного обстоятельства (Н. С. Таганцев¹, Н. Д. Сергеевский², С. В. Познышев³, К. Кесслер и др.). Тем не менее до настоящего времени этот вопрос остается остро дискуссионным в отечественном уголовном праве — от полного отрицания уголовно-правового содержания этого обстоятельства до разработанных предложений по дополнению уголовного закона положениями о согласии потерпевшего, затрагивающими различные институты: обстоятельств, исключающих преступность деяния, освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания, смягчения наказания и т.д.).

В советском уголовном праве согласие потерпевшего, как и проблема частного интереса в целом, длительное время не подвергалось специальному детальному изучению. И это при том, что согласие потерпевшего было прямо указано в первом Уголовном кодексе: согласно примечанию к первоначальной редакции ст. 143 УК РСФСР 1922 г. непроступным признавалось «убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания». Однако в последующем эта норма была признана противоречащей интересам общества, поскольку, как указывают специалисты, подрывала сознание неприкосновенности жизни другого человека, и была вообще исключена из уголовного законодательства.

В 1976 г. опубликована монография А. Н. Красикова «Сущность и значение согласия потерпевшего в уголовном праве», в которой в качестве самостоятельного

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая : в 2 т. М. : Наука, 1994. Т. 1. С. 116.

² Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая : пособие к лекциям. СПб., 1905. С. 22.

³ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть. СПб., 1907. С. 178.

предмета исследования были рассмотрены основные вопросы, связанные с влиянием согласия потерпевшего на преступность и наказуемость деяния⁴. И даже несмотря на данную работу, следует признать, что разработка идей о согласии потерпевшего существенно осложнялась тем, что нужно было не только предложить концепцию частных начал в уголовном праве, но и «втиснуть» ее в узкие рамки господствующей идеологии.

При том порядке урегулирования общественных отношений, который был присущ советскому уголовному праву, любой элемент субъективного усмотрения потерпевшего на «уголовно-правовую» природу содеянного входил в противоречие с самой идеей единственного арбитра, способного разрешить уголовно-правовой конфликт, — государства в лице его уполномоченных органов. Потерпевший рассматривался как член социалистического общества, интересы которого полностью совпадали с интересами общества. Это была не автономная, изолированная личность, а член коллектива, полностью доверивший уголовно-правовую охрану своих наиболее важных прав публичным институтам. В итоге целесообразность уголовно-правового института согласия потерпевшего скорее не была доказана, хотя и, несомненно, приводились убедительные аргументы в пользу иного решения⁵.

В последнее время, напротив, наблюдается весьма активное расширение диспозитивных начал в уголовном праве. Напомним, что самостоятельная статья о согласии потерпевшего была выделена в гл. 8 известного проекта УК РФ, подготовленного представителями Государственно-правового управления Президента РФ и Минюста России в 1994 г.⁶ Однако в итоговый документ эта норма не попала, но сейчас к данной идее возвращаются с учетом уже сложившихся за последние почти четверть века условий жизни и прогнозируемых изменений в связи с развитием нового уклада общественных отношений.

В связи с этим важно определиться, когда человек вправе самостоятельно распоряжаться своими благами, относящимися к абсолютным ценностям, охраняемым уголовным законом, — жизни и здоровью, и решить, какую роль играет согласие потерпевшего, устраняет ли преступность деяния, влияет ли на дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности.

Рассматриваемое обстоятельство вообще не нашло закрепления в Общей части Уголовного кодекса РФ⁷, а его отражение в Особенной части еще

⁴ Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976. См. также: Он же. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность и наказуемость деяния по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972.

⁵ Так, А. А. Пионтковский среди обстоятельств, исключающих общественную опасность (противоправность) деяния, выделял согласие потерпевшего, указывая на то, что это обстоятельство является устраняющим общественную опасность деяния при наличии ряда условий, в частности посягательстве на те права и интересы, которые находятся в свободном распоряжении потерпевшего. См.: Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Учение о преступлении. М., 1961. С. 163, 411, 416, 472—474.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации: проект Общей части. М., 1994. С. 29.

⁷ Такие проявления частной воли, как освобождение от уголовной ответственности в связи

не позволило провести на должном уровне разработку ни правил оценки, ни требований к согласию потерпевшего и других связанных с этим вопросов. В правоприменительной практике также отсутствуют рекомендации об оценке или учете данного обстоятельства, на которые можно было бы опираться при применении положений, когда лицо дает согласие на причинение вреда его жизни и здоровью.

Обращение к действующему уголовному законодательству РФ позволяет заключить, что допустимым признается только согласие на причинение легкого вреда здоровью, заражение или угрозу заражения ВИЧ-инфекцией.

Что касается доктрины уголовного права, то разными авторами высказываются неоднозначные суждения относительно оценки причинения вреда жизни и здоровью с согласия потерпевшего. Например, Н. С. Таганцев, Ю. В. Баулин относят причинение телесных повреждений с согласия потерпевшего к ненаказуемым деяниям⁸.

П. С. Дагель, напротив, критиковал признание согласия обстоятельством, исключающим преступность деяния, при причинении тяжких телесных повреждений⁹. Хотя указанными авторами и отрицается правомерность причинения вреда жизни, нужно отметить, что формально тяжкий вред по признаку причинения вреда, опасного для жизни, может быть оценен при совокупности фактических обстоятельств как покушение на жизнь, возможна и ситуация убийства с косвенным умыслом при причинении такого вреда, поэтому в рассматриваемых случаях нужно говорить не об исключительно причинении вреда здоровью (тяжких телесных повреждений), но и о посягательстве на жизнь человека.

Третья группа ученых признает причинение только легкого вреда здоровью человека ненаказуемым деянием, руководствуясь известным подходом, согласно которому закон предоставляет потерпевшему право самостоятельно решить, нарушены ли деянием его права настолько, чтобы инициировать уголовное преследование виновного (в преступлениях частного и частно-публичного обвинения). Предоставляя пострадавшему такую возможность, государство, по сути, признает за ним право самостоятельно распоряжаться тем или иным благом. Основываясь на данной логике, можно предположить, что не будет признаваться преступлением причинение с согласия потерпевшего легкого вреда здоровью или побоев (ч. 1 ст. 115 и ст. 116 УК РФ), поскольку данные деяния относятся к делам частного обвинения (ст. 20 УПК РФ)¹⁰.

с примирением с потерпевшим, уплата штрафа, назначенного несовершеннолетнему, родителями и законными представителями с их согласия, нельзя относить к согласию потерпевшего, поскольку волеизъявление осуществляется потерпевшим вне основания уголовной ответственности.

⁸ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 1. С. 45 ; Баулин Ю. В. Причинение вреда с согласия «потерпевшего» как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Харьков, 2007. С. 27.

⁹ Дагель П. С. Потерпевший от преступления : тематический сборник. Владивосток, 1974. Т. 85. С. 18.

¹⁰ См.: Сидоренко Э. Л. Квалификация преступлений против личности, совершенных с согласия потерпевшего. 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

По мере объективного изменения места личности в современном обществе, когда она получает большую свободу распоряжаться своим телом, по мере роста достижений науки (в частности медицины), внедрения новых технологий (в том числе медицинских технологий) расширяется сфера действия согласия потерпевшего, открываются новые области, в которых данный институт может сыграть немаловажную роль (проведение исследований и лечения, связанных с геномом человека, биомедицина, разработка радикальных средств лечения, аллотрансплантация и др.).

В самом общем приближении согласие лица на причинение ему вреда представляет собой утвердительный ответ (разрешение) на предложение со стороны иного лица причинить вред охраняемым уголовным законом правам или интересам первого лица. Также согласие может иметь форму взаимной договоренности о совершении вредоносных действий (бездействия) в виде устного или письменного соглашения с причинителем вреда или иным лицом¹¹. Е. К. Газданова дает следующее определение согласия потерпевшего: это «волеизъявление лица на причинение ему вреда или поставление в опасность причинения вреда в качестве способа достижения личной цели, которое характеризуется объективными и субъективными признаками правомерности»¹².

Отрицание согласия потерпевшего в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, обосновывается тем, что нормами уголовного закона такое обстоятельство не закреплено. Но имеет место и прямо противоположное суждение о том, что, хотя согласие потерпевшего прямо не предусмотрено в УК РФ в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, оно не может не иметь уголовно-правового значения, когда решается вопрос об основаниях уголовной ответственности или об освобождении от нее. Так или иначе, несомненным остается тот факт, что многие авторы, сторонники расширения субъективных интересов в уголовном праве, приходят к выводу о необходимости в законодательном регулировании согласия потерпевшего как обстоятельства, исключающего преступность деяния

Приведем в связи с этим позицию Т. Ю. Орешкиной, которая правильно подчеркивает, что «особую актуальность проблема согласия лица приобретает в связи с развитием медицины в области трансплантологии... когда один человек добровольно жертвует какой-либо свой парный орган или ткани тяжело больному человеку для спасения его жизни или здоровья. Эта ситуация с указанием на определенные требования регламентирована Законом Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 "О трансплантации органов и (или) тканей человека", поэтому при соблюдении всех положений данного Закона действия по изъятию у живого донора органов (тканей) и их пересадке другому человеку являются правомерными и в настоящее время. Однако следует согласиться с авторами,

¹¹ См.: *Савинов А. В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния, причинившего вред с согласия или по просьбе лица // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2011. № 1—2. С. 321.

¹² *Газданова Е. К.* Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2011. С. 42.

которые считают, что закрепление общей нормы о согласии лица на причинение ему вреда в уголовном законе все же необходимо»¹³.

В. А. Блинников, размышляя о расширении частного начала в уголовном праве, отмечает, что признание уголовным законом за потерпевшим все большего количества прав, по логике вещей, должно привести к признанию возможности потерпевшего более свободно распоряжаться своими правами. Соответственно, «целесообразно и юридически оправдано введение общей нормы о признании непроступным причинения вреда интересам потерпевшего с его согласия»¹⁴.

Согласие потерпевшего должно соответствовать условиям правомерности: быть дано вменяемым лицом, которое осознает фактический характер и опасность дозволяемого им деяния; дано своевременно, до совершения деяния, а не после; согласие может распространяться только на те права и интересы, которые находятся в распоряжении лица, оно не может затрагивать только права и интересы общества и (или) третьих лиц; также согласие потерпевшего должно обладать конкретностью — относиться к определенному действию, охватываемому строго замыслом самого лица, дающего такое согласие.

При наличии разработанных уголовно-правовой доктриной условий правомерности, характеризующих согласие лица на причинение ему вреда, следует отдельно остановиться на выделяемом некоторыми авторами условия обязательности социально полезной цели причинения вреда. Речь идет, в частности, о причинении вреда при медицинском вмешательстве, проведении эксперимента, занятии спортом, при прохождении военной службы по контракту и др.

При медицинском вмешательстве внимание вызывает донорство, а именно аллотрансплантация, при которой спасение жизни или здоровья больного осуществляется за счет причинения определенного вреда здоровью донора. Здесь сомневаться в наличии социально полезной цели не приходится. Но медицинское вмешательство возможно для пластики внешности, смены пола и других целей, когда социальная полезность такого действия не всегда очевидна. В последние 15 лет западная медицина изучает так называемый «синдром нарушения целостности восприятия собственного тела» (Body integrity identity disorder), за которым стоят случаи добровольной ампутации части тела человеком, рассматривающим эту часть как чужеродный элемент. На сегодня не существует медицинских показаний для проведения таких операций, но практика членовредительства с согласия потерпевшего имеет известное распространение. Более того, опубликованы соответствующие медицинские рекомендации на этот счет¹⁵.

Что касается занятий спортом и прохождения военной службы по контракту, то, на наш взгляд, такое согласие не тождественно согласию, данному на причинение вреда своему здоровью, поскольку является абстрактным. Никто не может заранее знать, какие увечья могут быть получены в процессе прохождения

¹³ *Орешкина Т. Ю.* Глава Уголовного кодекса РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: проблемы формирования // *Lex Russica*. 2017. № 6. С. 107.

¹⁴ *Блинников В. А.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния в уголовном праве России : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 188.

¹⁵ См., например: *Furth G. M., Smith R.* Apotemnophilia: Information, Questions, Answers, and Recommendations about Self-demand Amputation. 1stBooks, 2000.

службы, участия в спортивном состязании. Тут согласие дается лишь на участие в подобных мероприятиях, а не на причинение вреда собственному здоровью, возможно — и жизни.

По нашему убеждению, требует дополнительной аргументации позиция о правовом значении согласия потерпевшего лишь при условии, когда с его помощью достигается общественно полезная цель. В частности, как свидетельствуют конкретные примеры судебной практики, согласие на причинение вреда здоровью не всегда бывает обусловлено какой-либо социально полезной целью. Возникают такие жизненные ситуации, в которых лицо согласно на причинение вреда собственному здоровью и даже желает наступления подобных последствий при отсутствии какого-либо полезного для общества целеполагания.

Несомненно, отсутствие социально-полезной цели причинения вреда жизни и здоровью может указывать на совершение преступления, например, причинение вреда здоровью призывника или военнослужащего по их просьбе с целью уклонения от исполнения воинской обязанности. Данные действия не обладают никакой социальной полезностью, но тут налицо согласие потерпевшего. Однако такие деяния следует рассматривать как преступные (ст. 328, 339 УК РФ).

В то же время отсутствие цели общественно полезного причинения вреда жизни и здоровью не всегда нивелирует уголовно-правовое значение согласия лица. Так, апелляционным определением Московского городского суда от 26.10.2017 был отменен приговор Пресненского районного суда г. Москвы от 26.06.2017 в отношении Ч., который был осужден по ч. 1 ст. 111 УК РФ к трем годам лишения свободы. Согласно приговору суда первой инстанции в результате умышленных действий Ч. потерпевший получил множество телесных повреждений, среди которых открытая черепно-мозговая травма, перелом левой теменной кости и другие повреждения, осложнившиеся позже развитием отека головного мозга и другими симптомами. Все это причинило потерпевшему вред здоровью, опасный для жизни человека.

Адвокат осужденного в апелляционной жалобе сослался на то, что умысла на причинение вышеуказанных телесных повреждений у Ч. не было, так как он отрабатывал прием борьбы по просьбе самого потерпевшего с целью обучения последнего. Данное заявление было подтверждено показаниями свидетеля, который, наблюдая по монитору за происходящим, видел, как Ч. показывал потерпевшему приемы, подсекая его по ноге. После неудачной попытки потерпевший упал и ударился головой.

Московский городской суд посчитал, что выводы суда первой инстанции содержат существенные противоречия, повлиявшие на вынесение законного решения¹⁶. Вряд ли следует признать общественно полезными такие виды занятий «спортом», которые создают если не неизбежность, то весьма высокую вероятность травмирования участников (при отсутствии таких мер защиты, как предварительная физическая и техническая подготовка, специальное оборудование и снаряжение и т.п.). Нельзя охарактеризовать вышеуказанные действия как социально полезные, однако игнорировать согласие потерпевшего в данном деле

¹⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 26.10.2017 по делу № 10-15932/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

нельзя, поскольку согласие потерпевшего, если оно действительно имело место, имеет непосредственное влияние на квалификацию деяния.

Тенденция расширения частных начал в праве, возникновение различных ситуаций, где фигурирует согласие лица на причинение ему вреда, вызывают необходимость уголовно-правовой оценки данного обстоятельства. Можно выделить три вида согласия потерпевшего в уголовном праве:

- 1) согласие потерпевшего в качестве конструктивного признака состава преступления;
- 2) согласие потерпевшего как обстоятельство, смягчающее ответственность;
- 3) согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее преступность деяния.

Таким образом, можно спрогнозировать не только дополнение гл. 8 новым обстоятельством, но и увеличение числа статей Особенной части УК РФ с положением о согласии лица на причинение вреда его жизни и здоровью. Согласие потерпевшего должно учитываться при назначении наказания, так как оно влияет на оценку степени общественной опасности деяния. Поэтому следует ч. 1 ст. 61 УК РФ дополнить пунктом в следующей редакции: «л) совершение преступления с согласия потерпевшего».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баулин Ю. В. Причинение вреда с согласия «потерпевшего» как обстоятельство, исключающее преступность деяния. — Харьков : Кроссруд, 2007. — 96 с.
2. Блинников В. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в уголовном праве России : монография. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 216 с.
3. Газданова Е. К. Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 24 с.
4. Дазель П. С. Потерпевший от преступления. — Владивосток : Издательство Дальневосточного ун-та, 1974. — 216 с.
5. Красиков А. Н. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность и наказуемость деяния по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1972. — 17 с.
6. Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. — Саратов : Издательство Саратовского ун-та, 1976. — 120 с.
7. Орешкина Т. Ю. Глава Уголовного кодекса РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: проблемы формирования // Lex Russica. — 2017. — № 6. — С. 101—115.
8. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Учение о преступлении. — М., 1961. — 668 с.
9. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть. — СПб., 1912. — 664 с.
10. Савинов А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, причинившего вред с согласия или по просьбе лица // Известия Тульского государ-

ственного ун-та. Экономические и юридические науки. — 2011. — № 1—2. — С. 320—332.

11. *Сергеевский Н. Д.* Русское уголовное право. Часть Общая : пособие к лекциям. — СПб., 1905. — 420 с.
12. *Сидоренко Э. Л.* Квалификация преступлений против личности, совершенных с согласия потерпевшего // СПС «КонсультантПлюс».
13. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право : лекции. Часть общая : в 2 т. — М. : Наука, 1994. — Т. 1. — 380 с.
14. *Furth G. M., Smith R.* Apotemnophilia: Information, Questions, Answers, and Recommendations about Self-demand Amputation. — 1stBooks, 2000.

**Тамара Дмитриевна
УСТИНОВА,**

доктор юридических наук,
профессор, профессор
кафедры уголовного
права Московского
государственного
юридического
университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

td_ustinova@rambler.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

НЕЗАКОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (СОЗДАНИЕ, РЕОРГАНИЗАЦИЯ) ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Аннотация. В статье под критическим углом зрения рассматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ. Дается определение подставных лиц, определяются момент окончания данного преступления, возможные стадии его совершения. Показана связь анализируемого деяния с преступлением, предусмотренным ст. 173.2 УК РФ, что требует в определенных случаях квалификации по совокупности преступлений. Вносятся предложения по совершенствованию редакции уголовного закона, касающиеся уточнения признаков объективной стороны преступления, определения подставных лиц и введения квалифицированного состава. Особо выделяются ситуации, при которых лицо, создавшее организацию на подставных лиц, осуществляет предпринимательскую деятельность, но при этом впоследствии не исполняет договорные обязательства перед третьими лицами. Подробно определяется, что следует понимать под использованием лицом своего служебного положения. Высказывается мнение о возможности исключения из числа отягчающих обстоятельств совершение преступления группой лиц по предварительному сговору.

Ключевые слова: незаконное образование юридического лица; подставные лица; момент окончания преступления; неисполнение договорных обязательств; использование служебного положения.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.130-136

T. D. USTINOVA,

Doctor of law, Professor, Professor of Criminal Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

td_ustinova@rambler.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

ILLEGAL FORMATION (CREATION, REORGANIZATION) OF A LEGAL ENTITY

Abstract. The article, at a critical angle, examines the attributes of crime, provided by the Art. 173.1 of The Criminal Code of Russia. Definition of figurehead, the moment of the termination of the crime are given, possible stages of its fulfillment are defined. The article shows the relationship between the analyzed crime and the crime, which is provided by art. 173.2 of the Criminal Code of Russia, which in certain cases requires qualification for a combination of crimes. Proposals are being made to improve the

wording of the criminal law, concerning the clarification of the attributes of the objective side of the crime, the definition of figurehead and the introduction of qualified corpus delicti. Particularly highlighted are the situations in which a person, who created an organization with the figurehead, carries out entrepreneurial activities, but then does not fulfill contractual obligations to third parties. It is in detail determined what it means "use of one's official position" by a person. An opinion is voiced about the possibility of excluding from the aggravating circumstances the commission of a crime by a group of persons on preliminary conspiracy.

Keywords: *illegal formation of a legal entity; figurehead; the moment the crime is over; non-fulfillment of contractual obligations; use of official position.*

В целях противодействия созданию организаций, оформленных на подставных лиц, не являющихся в действительности их учредителями или руководителями, и используемых для облегчения совершения тех или иных преступлений, в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 07.12.2011 № 419-ФЗ была введена ст. 173.1. В ней была установлена ответственность за указанные в заголовке деяния, которые совершались через подставных лиц. Можно отметить, что в определенной степени введение новой статьи было обусловлено исключением из уголовного закона ст. 173 УК РФ, в которой была предусмотрена ответственность за лжепредпринимательство, т.е. за преступление, заключающееся в создании организации без намерения заниматься предпринимательской деятельностью.

Такие юридические лица использовались для осуществления незаконных финансовых операций, вывода денежных средств из-под налогообложения или для занятия запрещенными видами деятельности под прикрытием действительно зарегистрированных в установленном законом порядке предприятий. Через такие учреждения и в настоящее время производятся обналичивание денежных средств других предприятий, легализация преступно полученных доходов, перевод денег за границу на валютные счета получателей по подложным документам и т.п. Очень часто незаконно образованные юридические лица используются для мошенничества. При этом истинных виновников преступных деяний установить достаточно сложно, поскольку их имена неизвестны, а использованные в преступных целях организации прекращают свое существование.

Впоследствии первоначальная редакция ст. 173.1 УК РФ претерпела определенные изменения. Помимо образования (создания, реорганизации) юридического лица, Федеральным законом от 30.03.2015 № 67-ФЗ в ней была предусмотрена ответственность и за представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекших внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице. Таким образом, состав преступления стал альтернативным.

Несмотря на то, что исследуемая уголовно-правовая норма находится в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности, которая связана с извлечением прибыли в результате деятельности именно коммерческих организаций, руководствуясь ст. 50 ГК РФ под юридическими лицами в контексте нормы уголовного закона следует понимать и некоммерческие организации, не

преследующие цели извлечения прибыли. Перечень последних весьма широкий. Это, в частности, потребительские кооперативы, общественные организации, религиозные объединения, благотворительные фонды, адвокатские организации и многие другие (п. 3 ст. 50 ГК РФ).

Следовательно, если некий субъект через подставное лицо образовал, к примеру, учреждение по оказанию образовательных услуг, то его деяние подпадает под действие ст. 173.1 УК РФ.

Основная характеристика юридического лица — это наличие обособленного имущества и возможность отвечать по своим обязательствам, приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, выступать в качестве истца и ответчика в суде, что охватывается понятием правоспособность. Она возникает с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается в момент внесения в указанный реестр сведений о его прекращении (п. 3 ст. 49 ГК РФ).

Юридическое лицо может быть создано на основании решения учредителя, принимаемого им единолично. В случае учреждения юридического лица двумя и более учредителями такое решение всеми учредителями принимается единогласно (ст. 50.1 ГК РФ).

Юридическое лицо считается созданным со дня внесения соответствующей записи в единый государственный реестр (п. 8 ст. 51 ГК РФ; п. 2 ст. 11 Федерального закона от 13.07.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹ (далее — Закон № 129-ФЗ). Следовательно, анализируемое преступление будет окончено с момента внесения сотрудником регистрирующего органа в единый государственный реестр юридических лиц, который ведется на бумажном и (или) электронном носителе, сведений о создании или реорганизации юридического лица. Нахождение необходимых документов в регистрирующем органе должно рассматриваться как покушение на совершение преступления.

В этой связи трудно согласиться с утверждением, что «образование юридического лица включает в себя и предшествующие регистрации действия, порождающие юридические факты, удостоверенные документами, которые закон требует представить в регистрирующий орган. В объективную сторону обсуждаемого деяния входят действия, состоящие как в собственно подписании названных документов, так и в осуществлении предусмотренной законом процедуры выражения волеизъявления сторон соответствующих соглашений»². Автор имеет в виду решение о создании юридического лица в виде протокола, договора или иного документа в соответствии с законодательством РФ, учредительные документы юридического лица и далее продолжает: равно спорным представляется и утверждение о том, что объективная сторона данного преступления включает в себя действия, состоящие в подготовке и подаче документов, необходимых для регистрации в регистрирующем органе»³. Подготовка

¹ СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

² См.: Яни П. С. Образование юридического лица через подставных лиц // Законность. 2014. № 5. С. 37.

³ См.: Тюнин В. И., Бадзагаарадзе Т. А. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 25.

документов является лишь приготовлением к преступлению. Можно согласиться, что подача документов — начало выполнения объективной стороны преступления, т.е. покушение.

Как покушение на преступление надлежит квалифицировать случаи, когда регистрирующий орган обнаружил, что определенные требования, касающиеся оформления соответствующих документов, не были полностью выполнены.

Уголовный закон устанавливает ответственность и за реорганизацию юридического лица, которая является способом его образования, на подставных лиц. В соответствии с п. 1 ст. 57 ГК РФ реорганизация юридического лица может происходить в форме слияния, присоединения, разделения, выделения и преобразования либо в результате сочетания различных ее форм. Окончание преступления при этом зависит от времени завершения реорганизации и должна определяться с учетом положений ст. 16 Закона № 129-ФЗ. Так, при преобразовании и слиянии преступление будет окончено в момент регистрации вновь возникших юридических лиц; при разделении и выделении — с момента регистрации последнего из вновь возникших юридических лиц; при присоединении — с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о прекращении деятельности последнего из присоединенных юридических лиц.

Обнаружение данных, указывающих на то, что реорганизация юридического лица осуществляется на подставное лицо, до приведенных выше временных моментов должно указывать на то, что имело место покушение на совершение преступления, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ.

При определении момента окончания реорганизации кредитных, страховых, клиринговых организаций, специализированных финансовых обществ, специализированных обществ проектного финансирования, профессиональных участников рынка ценных бумаг, акционерных инвестиционных фондов, управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, негосударственных пенсионных фондов и иных некредитных финансовых организаций, акционерных обществ работников (народных предприятий) должны учитываться положения нормативных правовых актов, регулирующих деятельность таких организаций.

Вместе с тем диспозиция уголовно-правовой нормы сформулирована некорректно, поскольку в ней формально представлены два действия, но характеризуют они одно и то же деяние. Как уже отмечалось выше, незаконное образование юридического лица связано с его регистрацией, которая невозможна без предоставления необходимых документов. Преступление, выражающееся в предоставлении данных о подставном лице (второе альтернативное деяние) также своим результатом имеет «внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице».

Возникает вопрос, что же имел в виду законодатель, используя приведенную формулировку? Опираясь на неоднократно упоминавшийся Закон № 129-ФЗ, можно прийти к выводу, что она подразумевает замену действовавшего ранее учредителя (участника) на подставное лицо. Поэтому более предпочтительным было бы использовать следующую редакцию диспозиции ст. 173.1 УК РФ: «Образование (создание, реорганизация) юридического лица через подставных лиц, а равно замена учредителя (участника) юридического лица на подставное лицо,

повлекшие внесение недостоверных сведений в единый государственный реестр юридических лиц».

Преступление, предусмотренное ст. 173.1 УК РФ, как представляется, преследует несколько целей, которые можно наметить, исходя из его содержания. Созданная организация может использоваться для совершения мошеннических действий (например, якобы для оказания услуг в сфере туризма, с последующим завладением денежными средствами граждан), для легализации преступно полученного имущества, для уклонения от уплаты налогов и т.п.). В приведенных случаях все деяния, для облегчения которых производилась регистрация на подставных лиц, должны дополнительно, на наш взгляд, квалифицироваться по ст. 173.1 УК РФ.

Если же лицо, ведущее предпринимательскую деятельность, таким образом пыталось скрыть это, поскольку в силу законодательных установлений ему было это запрещено (к примеру, должностное лицо), то содеянное должно образовывать совокупность преступлений, предусмотренных ст. 173.1 УК РФ и ст. 289 УК РФ, — незаконное участие в предпринимательской деятельности.

Наиболее сложной для уголовно-правовой оценки является ситуация, при которой субъект в силу иных причин, а не приведенных выше, регистрирует организацию на подставное лицо, но при этом занимается предпринимательской деятельностью с соблюдением предъявляемых к ней требований и в какой-то момент при заключении сделки с иной организацией изначально имеет намерение не исполнять взятые на себя обязательства: заключая договор аренды под условием проведения в помещении ремонта, не осуществляет его и по окончании срока аренды оставляет помещение в первоначальном виде. Можно ли в такой ситуации расценивать содеянное как мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5—7 ст. 159 УК РФ) или применять при квалификации иные части ст. 159 УК РФ, относящиеся к «обычному» мошенничеству?

В рассматриваемой ситуации истинный руководитель формально не является таковым, поэтому можно ли его признавать субъектом преступления, предусмотренного ч. 5—7 ст. 159 УК РФ? Отдельные авторы отмечают, что если лицо формально не включено в сферу предпринимательской деятельности, то нет также формальных оснований для применения статьи о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности⁴. Думается, что это не так, поскольку имеются все атрибуты предпринимательской деятельности, а подставное лицо при этом выступает лишь как опосредованный исполнитель.

Анализ примечания к ст. 173.1 УК РФ позволяет выделить три разновидности подставных лиц. В первую из них входят лица, которые, будучи введенными в заблуждение, являются учредителями (участниками) или органами управления регистрируемого юридического лица. Заблуждение заключается в неправильном представлении лица о сути происходящего. Например, у человека получают паспорт или подпись на необходимых для регистрации юридического лица документах под видом составления иных документов в его интересах (заявление на получение бесплатной путевки, выдача доверенности и т.п.). Вторая разновидность подставных лиц — это лица, без ведома которых данные о них были

⁴ Есаков Г. А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ): проблемы применения нормы // Уголовное право. 2014. № 3. С. 41.

внесены в единый государственный реестр юридических лиц, т.е. тайно для них. Предполагается, что необходимые документы были похищены, временно изъяты, а потом возвращены владельцу либо необходимые сведения были позаимствованы из существующих баз персональных данных.

Однако нельзя не отметить, что приведенная формулировка «без ведома...» не вполне корректна, поскольку и в случае введения лица в заблуждение данные о нем также вносятся в соответствующий реестр без его ведома: ведь субъект считает, что документы используются в его интересах. Законодатель использовал общее понятие, «без ведома», которое охватывает все возможные случаи и по объему является более широким, после указания на частный случай «введение в заблуждение», нарушив, таким образом, логику изложения материала. Полагаем, что начать определение в примечании следовало бы со слов «без ведома» и далее продолжить: «в том числе и путем введения в заблуждение», если этот способ было желательно выделить особо.

Существование части второй в 173.2 УК РФ, в которой установлена ответственность за приобретение документа, удостоверяющего личность, в результате его хищения или завладения путем обмана или злоупотребления доверием, что происходит в случаях введения в заблуждение или использования документов без ведома лица, с неизбежностью приводит к выводу о том, что всегда при наличии указанных ситуаций содеянное должно квалифицироваться по совокупности ст. 173.1 и ч. 2 ст. 173.2 УК РФ.

Третья разновидность подставных лиц — это лица, «которые являются органами управления юридического лица, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом». Уяснение данного определения приводит к выводу, что такие лица добровольно согласились войти в органы управления, но фактически не собирались принимать участие в управлении юридическим лицом, и поэтому они являются подставными, но давшими на это согласие. По сути, они оказывают содействие в форме пособничества лицу, совершающему незаконную регистрацию юридического лица (ч. 1 ст. 173.1 УК РФ), добровольно выдавая ему документ, удостоверяющий их личность, или доверенность. Следовательно, их деяние должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 173.2 УК РФ. Третья разновидность подставных лиц появилась в примечании к ст. 173.1 УК РФ в результате дополнений, введенных Законом от 30.03.2015 № 67-ФЗ, что следует признать вполне обоснованным, поскольку это объяснило установление уголовной ответственности за деяние, предусмотренное в ч. 1 ст. 173.2 УК РФ, и объединило его с преступлением, содержащимся в ст. 173.1 УК РФ, показав их неразрывную связь.

Необходимо отметить, что следует различать лиц, введенных в заблуждение, действия которых не подлежат уголовно-правовой оценке, и лиц, согласившихся, что их укажут в качестве учредителей (участников), даже если им не назвали истинную причину использования их документов. Например, субъект, привлекаемый к ответственности по ч. 1 ст. 173.1 УК РФ, объяснил лицу, что будет использовать его документы, так как создает еще одну организацию, но не хочет, чтобы об этом знали его родственники, хотя в действительности он создает «фирму-однодневку». В таком случае лицо, отдавшее свои документы, должно все равно привлекаться по ч. 1 ст. 173.2 УК РФ.

Отягчающим обстоятельством является использование лицом своего служебного положения (п. «а» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ) как для непосредственной регистра-

ции юридического лица, так и для введения в заблуждение граждан или использования без их ведома соответствующих документов. Субъектом такого деяния являются должностное лицо, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также лица, осуществляющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях (например, должностное лицо или рядовой сотрудник регистрирующего органа, следователь или работник канцелярии суда, использующие паспорт или паспортные данные обвиняемого; руководитель коммерческой организации или главный бухгалтер, которые просят предоставить им паспорт или подписать какой-либо документ, якобы необходимый для деятельности сотрудника).

В пункте «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ в качестве квалифицирующего признака указано совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. Своеобразие конструкции анализируемого состава преступления заключается в том, что его признаки содержатся не только в диспозиции ст. 173.1 УК РФ, но и в примечании к этой статье, что подразумевает не только непосредственное осуществление регистрации при подаче документов, но и действия по подысканию подставных лиц. Поэтому наличие группы лиц по предварительному сговору будет в том случае, когда один участник приобретал документы или данные о подставных лицах, а другой только использовал их при регистрации. Если второй субъект не был заинтересован в создании организации на подставное лицо, но в силу тех или иных причин (родственные связи, дружеские отношения и т.п.) оказывал содействие в подыскании подставных лиц, его действия должны квалифицироваться как пособничество рассматриваемому преступлению, но одновременно с этим квалифицироваться и по ст. 173.2 УК РФ. Однако полагаем, что анализируемый признак следует исключить из уголовного закона, так как трудно представить себе ситуацию, при которой два лица одновременно регистрируют одну и ту же организацию.

Вместе с тем остается нерешенным вопрос, как быть в том случае, когда лицо уже после регистрации присоединяется к субъекту, использовавшему подставных лиц, и вместе с ним или самостоятельно использует такое юридическое лицо для ведения предпринимательской деятельности или совершения иных преступлений. Видимо, этот пробел можно восполнить за счет введения в ст. 173.1 части 3, в которой предусмотреть ответственность за «заведомое использование юридического лица, созданного на подставных лиц».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Есаков Г. А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ): проблемы применения нормы // Уголовное право. — 2014. — № 3.
2. Тюнин В. И., Бадзагагадзе Т. А. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) // Российская юстиция. — 2012. — № 2.
3. Яни П. С. Образование юридического лица через подставных лиц // Законность. — 2014. — № 5.

Сравнительно-правовое исследование

ПОБОИ И УГРОЗА НАСИЛИЕМ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ И АНГЛИИ

Аннотация. Частичная декриминализация побоев в России не позволяет достичь тех целей, ради которых реформа была задумана. Не учтено то обстоятельство, что насильственное посягательство против личности не может быть административным проступком. Не учтено и то, что разумное наказание ребенка родителем не может рассматриваться в качестве побоев. Реформа рождает правовую неопределенность, в частности, по вопросу о возможности необходимой обороны от побоев. Сравнение норм российского и английского права приводит к выводу, что российский законодатель относится к насилию гораздо более терпимо, причем имеют место противоположные тенденции в развитии российского и английского права в этом аспекте.

Ключевые слова: побои, угроза насилием, нападение, необходимая оборона, телесное наказание, насилие в семье.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.137-147

I. A. KLEPITSKIJ,

Doctor of Law, Professor of the Criminal Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

oupi@ya.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

BATTERY AND ASSAULT IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA AND ENGLAND

Abstract. Partial decriminalization of battery in Russia does not allow achieving the desired goals. The fact that a violence cannot be regarded as an administrative offense is not taken into account. The reasonable punishment of the child by the parent should not be seen as punishable battery. The reform has increased legal uncertainty. It cast doubt on the right to self-defense against common assaults. The comparison of Russian and English rules of law allows us to conclude the Russian legislator is much more tolerant to violence, and there are opposite tendencies in the development of Russian and English law in this aspect.

Keywords: battery, assault, self-defense, corporal punishment, domestic violence.

**Иван Анатольевич
КЛЕПИЦКИЙ,**

доктор юридических наук,
профессор, профессор
кафедры уголовного
права Московского
государственного
юридического
университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

oupi@ya.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

© И. А. Клепицкий, 2018

Массовая культура в наше время не только смела литературу и искусства в классическом их понимании, она затронула все сферы народной жизни, в том числе и законодательство. Общество активно влияет на правотворчество, не обладая необходимыми для этого познаниями и опытом, не зная права и неправильно его понимая. В итоге подчас, казалось бы, незначительные реформы угрожают основам выработанной в течение веков правовой культуры.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ были частично декриминализированы побои, за исключением побоев в отношении «близких лиц», побоев из хулиганских и экстремистских побуждений (ст. 116 УК РФ), а также побоев, нанесенных лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за побои, совершившим деяние до истечения одного года с момента окончания исполнения административного наказания за побои (ст. 116.1 УК РФ). По общему правилу за побои теперь наступает ответственность не по статьям УК РФ, а по ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Лейтмотивом для этой реформы послужило намерение смягчить правовые последствия побоев (наказание, судимость) и ограничить вмешательство властей в дела семейные. Традиционная христианская (и не только христианская) этика рекомендует применение умеренных и разумных телесных наказаний при воспитании детей. Либеральная христианская (и не только христианская) традиция осуждает вмешательство властей в семейные дела без острой в том необходимости. Тем не менее при рассмотрении законопроекта в Федеральном Собрании традиционный подход не нашел поддержки, временный успех имели лоббируемые из-за рубежа кампании по борьбе с насилием в семье и внедрению «ювенальной юстиции», в ст. 116 УК РФ на время сохранилась уголовная ответственность за побои в отношении «близких лиц», в качестве которых признавались близкие родственники, все свойственники (без ограничения степени свойства, т.е. все сочетанные браком с потомками Адама), опекуны, попечители и лица, ведущие с ним общее хозяйство (вероятно, имелись в виду внебрачные сожители).

Тем не менее либеральная христианская идея все-таки возобладала, Федеральным законом от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ указание на «близких лиц» из ст. 116 УК РФ было исключено, ответственность за побои в отношении «близких лиц» стала по общему правилу административной, а не уголовной.

Реформа привлекала внимание общественности в определенных узких контекстах:

- традиционные методы воспитания;
- насилие в семье;
- зачатки крайне суровой «ювенальной юстиции», ведь при превратном толковании закона телесное наказание ребенка является умышленным преступлением против его здоровья, основанием для лишения родительских прав (ст. 69 Семейного кодекса РФ).

При этом игнорировалось множество иных ситуаций, отношения к семье не имеющих. К примеру, группа негодяев избьет старушку, старушка в итоге останется жива, не сойдет с ума, не утратит органов и давно фактически утраченную ею «трудоспособность» — подобные ситуации остались за рамками общественной дискуссии. Есть и другие неучтенные ситуации: пациент избивает врача, который, по его мнению, плохо его лечит. Студент избивает профессора, который

поставил ему, по его мнению, несправедливую оценку. Хозяин приказал одному из работников выпороть горничную (при правовой оценке ситуации нужно учесть, что в КоАП РФ нет института соучастия). Психически нездоровый сосед по даче регулярно избивает соседку, полагая, что та неправильно установила забор (он не подлежит административной ответственности в силу ст. 2.8 КоАП РФ, при этом КоАП предусматривает принудительное лечение только для наркоманов). Примеров можно привести много. Мудрый законодатель в свое время обобщил казусы и создал общую норму, по которой побои стали уголовно наказуемым деянием. Побои — это не нарушение установленного властями порядка, а насильственное посягательство на личную безопасность человека, необходимую основу для реализации им своих прав и свобод.

По ныне действующему УК РФ побои наказываются только в некоторых случаях, например, побои в отношении журналиста (до 6 лет лишения свободы, ч. 3 ст. 144), представителя власти (до 5 лет лишения свободы, ч. 1 ст. 318). Должностному лицу за превышение полномочий, сопряженное с насилием, может быть назначено до 10 лет лишения свободы. Вряд ли можно назвать разумные причины, по которым, например, избиение журналиста наказывается строже, чем избиение врача, учителя или беременной женщины. Имеет место тенденция к декодификации уголовного права, частный случай возводится в общее правило, несущественным обстоятельствам придается существенное значение, закон становится более казуистичным и пробельным. При этом и фундаментальные принципы права (например, равенство всех перед законом, справедливость) постепенно утрачиваются¹.

Складывается впечатление, что общественность не осознает серьезности действий, охватываемых понятием побоев. Побои — это не шлепок, которым мама наградила непослушного ребенка. Такой шлепок даже в обыденном языке не является побоями. Побои могут быть серьезным избиением, после побоев на теле жертвы могут остаться многочисленные ссадины и кровоподтеки, ушибы мягких тканей и внутренних органов. Грань между побоями и вредом здоровью весьма тонкая. Если врач признает потерпевшего нетрудоспособным — можно констатировать вред здоровью. Если потерпевший в больничном листе не нуждается, трудоспособен, двор мести может (общей трудоспособности достаточно) — имеют место побои, которые в качестве преступления теперь по общему правилу не рассматриваются, даже если при этом деяние крайне предосудительно с учетом обстоятельств его совершения. То, что потерпевшая «расписана под хохлому», ушибы болят, травмы кровоточат, избивали ее нечестно, семеро на одну, по найму, несмотря на преклонный возраст и проблемы со здоровьем, на глазах малолетних правнуков — эти обстоятельства на квалификацию побоев не повлияют.

Не учтено и то обстоятельство, что вред здоровью, который причиняется в результате побоев, как правило, не охватывается умыслом агрессора. Для побоев в части вреда здоровью и его тяжести характерен неконкретизированный умысел. Чтобы установить, причинен ли вред здоровью и какой по тяжести вред причинен фактически, понадобится помощь опытного эксперта.

¹ См.: Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Частичная декриминализация побоев и ее влияние на профилактику насилия // Российский следователь. 2018. № 5.

Вред здоровью и его тяжесть не охватываются и сознанием потерпевшего, в том числе и обороняющегося от побоев. В судебной практике выработано правило, согласно которому в контексте необходимой обороны нельзя обороняться, причиняя вред посягающему, от малозначительных посягательств, в том числе от административных правонарушений (например, от мелкого хищения и мелкого хулиганства). Теперь к числу административных правонарушений отнесены и побои, что ставит под сомнение возможность необходимой от них обороны.

Возможна ли необходимая оборона от побоев? Здравый смысл подсказывает, что возможна, необходима и в большинстве случаев полезна. Любое почти нападение, которое в итоге может повлечь вред здоровью и даже смерть, изначально может выглядеть как побои. Очевидно, что обороняться нужно до того, как причинен и осознан вред здоровью, после этого (например, с переломом руки) обороняться будет сложно или невозможно.

Апологеты декриминализации побоев выдвигают теорию, согласно которой обороняться от побоев можно путем нанесения побоев, не причиняя вред здоровью нападающего. Теория эта представляется крайне вредной, на законе она не основана.

В КоАП РФ нет института необходимой обороны. Этот институт не может быть закреплен в КоАП, так как фактически нельзя обороняться от насильственного нападения путем совершения исключительно административных правонарушений. Существо необходимой обороны в том, что человеку предоставлено право противодействовать посягательству путем применения силы, в том числе и с причинением вреда нападающему. Преступность же и наказуемость деяний в России определяются исключительно Уголовным кодексом.

Очевидно, что всякая борьба с агрессором предполагает риск причинения вреда его здоровью с умыслом (конкретизированным или нет) или по неосторожности (например, в шаблонной ситуации падения с высоты своего роста). Запрет на оборону от побоев, сопряженную с риском причинения вреда здоровью агрессора, означал бы в практическом аспекте запрет на оборону как таковую.

Рассмотрим ситуацию, когда на человека совершено нападение, в завязавшейся борьбе было сломано ребро нападавшему, вред здоровью обороняющегося не причинен. Если оборона от побоев запрещена, не может быть и превышения пределов необходимой обороны, т.е. оборонявшийся подлежит уголовной ответственности за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью по ст. 112 УК РФ. Вместе с тем очевидно, что действия обороняющегося общественно полезны. Мы никогда не узнаем, какой вред его жизни и здоровью мог бы причинить агрессор в случае успеха его нападения.

Другая ситуация — обороняющийся толкнул нападавшего, тот упал, ударился головой и умер. Если оборона от побоев возможна — обороняющийся ответственности не подлежит, так как превышение пределов необходимой обороны может быть только умышленным. Если же побои рассматривать как деяние малозначительное, обороняться от них нельзя, он подлежит ответственности за причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ).

Поскольку обороняться от побоев нужно, видится два возможных пути решения искусственно созданной проблемы:

- 1) законодательный, вернуть норму об ответственности за побои в УК РФ в полном объеме. Это лучшее решение, так как нельзя в принципе рассматривать насильственное посягательство в качестве административного проступка. Даже простое лишение свободы, в том числе и на незначительный срок, закон рассматривает в качестве преступления. Очевидно, что побои представляют не меньшую опасность в качестве насилия более тяжкого;
- 2) правоприменительный, в доктрине и практике можно отказаться от правила о запрете обороны от административных правонарушений. Это менее удачное решение, так как оно рождает правовую неопределенность.

Преимущество первого, законодательного, способа предопределено и тем, что небесспорная реформа была попыткой решения искусственно созданной проблемы. Попробуем ответить на простой, казалось бы, вопрос: наказуемо ли применение родителем телесного наказания к ребенку. На первый взгляд это деяние наказуемо по КоАП РФ или УК РФ в зависимости от обстоятельств содеянного. Но такой вывод можно сделать только при поверхностном изучении права. Проблема в том, что уголовное право — довольно сложная область общественно-го сознания. При всех успехах кодификации нормы уголовного права записаны в законе не в полном объеме, текст закона требует иногда расширительного или ограничительного толкования. В частности, в УК РФ закреплены далеко не все обстоятельства, исключающие преступность деяния. К числу таких обстоятельств относятся, в частности, согласие потерпевшего (например, при соревновании или тренировке боксеров), выполнение служебного и профессионального долга (например, оборона поста часовым, поражение противника на войне), осуществление права и исполнение обязанности.

Еще совсем недавно считалось очевидным, что родители вправе применять телесные наказания к детям, если наказания эти разумные и справедливые. Право родителей наказывать детей вытекает из их обязанности детей воспитывать. Воспитание предполагает сочетания методов убеждения и принуждения, поощрения и наказания. Государство наказывает людей, как детей, так и взрослых, гораздо более сурово, нежели родители, лишая их свободы на длительные сроки и, в некоторых странах, применяя смертную казнь.

Очевидно, что мать, не пустившая ребенка гулять, не подлежит уголовной ответственности за незаконное лишение свободы по ст. 127 УК РФ, хотя в семейном законодательстве и не записаны подробно права родителей в части воспитания детей. Отношения родителя и ребенка столь тесные и значимые, что урегулировать их законодательно крайне сложно. Основное правило в законе не записано — дети и родители любят друг друга, при этом дети должны слушаться своих родителей, а родители — заботиться о детях, об их воспитании и благополучии, по мере своих возможностей. Родительское телесное наказание не должно причинять вреда здоровью, оно должно быть не во вред, а для пользы воспитуемого. Оно может быть вынужденной мерой, когда иные оказываются безрезультатными. Родитель наказывает ребенка с любовью ради его блага. К примеру, сын упорно прогуливает школу, возможные меры убеждения не помогают. Дочь систематически ворует вещи в магазине. Ребенок систематически избивает младших детей. В подобных ситуациях, если меры убеждения не действуют, сложно обойтись без телесного наказания. И это наказание нельзя на-

звать побоями, так же, как и, например, состязание боксеров на ринге побоями не является.

Следует учитывать, что возможности влияния на поведение ребенка у родителей ограничены. Альтернативой телесному наказанию в сложных случаях является применение медицинских средств для коррекции психики ребенка, что может повлечь серьезные последствия для его здоровья. При этом иногда терапия более мучительна, нежели традиционное наказание. Родитель, отказавшийся от телесного наказания и обратившийся за решением проблемы к психиатру, может тем самым серьезно навредить ребенку.

Вопрос о том, является ли деяние побоями, не медицинский, а юридический. Вопрос этот сложный, немалое значение имеет, к примеру, мнение «потерпевшей» стороны. Поэтому побои и преследовались до недавнего времени в порядке частного обвинения. Сейчас в порядке частного обвинения преследуются только побои, описанные в ст. 116.1 УК РФ (с административной преюдицией). В части административно наказуемых побоев протокол составляется должностными лицами органов внутренних дел, проводится административное расследование, при этом заявление потерпевшего не требуется. Казалось бы, при таких обстоятельствах полиция должна незамедлительно прибыть на любое соревнование и любую тренировку боксеров, составить протоколы, провести расследования и направить материалы в суд. Но этого не происходит, поскольку соревнования боксеров не являются побоями. Не являются побоями и традиционные методы воспитания детей, поскольку они не вредят здоровью ребенка и применяются во благо этого ребенка.

В обозримой истории России никаких узаконений, запрещающих родителям наказывать детей телесно, принято не было. Поэтому вывод о том, что телесное наказание ребенка родителю запрещено, на законе не основан. Закон просто умалчивает об объеме родительских прав, оставляя простор для разума. Отношения родителя с ребенком сложно поддаются формализации, и реальная общественная потребность в такой формализации отсутствует.

Таким образом, реформа норм о побоях 2016—2017 гг. не решила вопрос декриминализации телесных наказаний детей родителями, поскольку такие наказания побоями не являются. Не решила она и проблем, связанных с неправильным применением ст. 116 УК РФ, когда такие наказания признавались побоями. Более того, в результате этой реформы неправильное применение закона было наглядно узаконено.

Цель ограничения вмешательства властей в семейные дела также не была достигнута. Как уже упомянуто, для возбуждения преследования за побои больше не требуется заявление потерпевшего, упразднено частное обвинение, в итоге власть полиции и иных административных органов произвольно вмешиваться в семейные дела только возросла, что не может не влиять негативно на семью как социальный институт.

Воспитанию и благополучию ребенка административное и уголовное преследование его родителей приносит вред с неизбежностью. Ребенка склоняют к даче показаний против родителей, что в контексте традиционной морали считается весьма предосудительным — это предательство и нарушение заповеди почитать родителей. Реальной пользы от этого быть не может, в итоге родители

могут быть наказаны, семья разрушена, ребенок может быть изъят у родителей и передан на воспитание чужим людям. Склоняя ребенка к даче показаний против родителей, чиновник не может не осознавать того, какой вред он этому ребенку и его родителям причиняет.

В 1878 г. немецкий профессор Георг Еллинек обосновал понимание права в качестве этического минимума². При таком понимании права закон и его применение не могут в принципе быть безнравственными, безнравственный закон не будет источником права, а безнравственное применение закона должно рассматриваться в качестве результата его неправильного толкования. Теория эта, конечно же, небесспорная. В России после 1917 г. декларировалось первоначально отмирание права и упразднение «буржуазной» морали, затем мораль подменили классовыми интересами, а процесс полного отмирания права удалили в будущее до наступления завершающей итоговой стадии коммунистической формации. При этом людей «правомерно» убивали только за то, что они принадлежали к враждебным классам и сословиям, подлежащим истреблению в качестве врагов народа. При такой идеологии право и традиционная мораль оказались несовместимыми, право стало пониматься инструментально как приказ власти, требующий неукоснительного исполнения (если власть не решит иначе), не подлежащий критической оценке в контексте морали и нравственности. Полагаю, что подобная идеология не согласуется со смыслом действующей Конституции России.

В связи с реформами, направленными на декриминализацию побоев, определенный интерес представляет и зарубежный опыт.

Учитывая формат публикации, целесообразно остановиться на Англии как родине современного либерализма. В Англии наказываются в суммарном порядке штрафом и (или) заключением на срок до 6 месяцев не только побои (*battery*), но и простое нападение (*assault*), не сопряженное с побоями³.

При этом англичане понимают побои гораздо шире, чем российский законодатель. Побои понимаются как противоправное прикосновение⁴ к потерпевшему или применение к нему силы, причинение боли при этом не требуется. Применением силы может быть признан «буквально любой контакт с телом потерпевшего или даже его одеждой... независимо от того, мог ли потерпевший ощутить этот контакт через одежду»⁵. В качестве побоев может рассматриваться, например, поцелуй или обливание водой⁶. Уильям Блэкстоун в качестве довода в обоснование столь суровой нормы указал, что право не может делать различий между уголовным и неуголовным насилием и поэтому запрещает малейшую его степень⁷. «Люди имеют право, чтобы к ним не прикасались, если они не желают, чтобы к ним прикасались...»⁸. Уильям Уильсон в этом контексте относит *battery*

² Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910. С. 48.

³ Section 39 of the Criminal Justice Act 1988.

⁴ Ormerod. Smith and Hogan Criminal Law. Oxford, 2008. P. 582.

⁵ Heaton R., De Than C. Criminal Law. Oxford, 2011. P. 94.

⁶ Ashworth A. Principles of Criminal Law. Oxford, 2009. P. 303.

⁷ См.: Card, Cross and Jones. Criminal Law. Oxford, 2008. P. 195.

⁸ Ashworth A. Op. cit. P. 304.

к преступлениям против автономии личности, в отличие от преступлений против физической целостности (причиняющих вред здоровью)⁹.

По общему правилу любое прикосновение и применение силы считаются неправомерными, если нет обстоятельств, исключающих преступность деяния (самообороны, в том числе и от побоев и нападения, не причинивших вред здоровью, предупреждения преступления, родительского наказания в целях воспитания, необходимости, согласия потерпевшего и др.). При этом «обычные повседневные прикосновения, толчки и удары, притягивание и толкание локтем с целью привлечь внимание считаются приемлемыми стандартами поведения. Когда прикосновение становится нападением — это вопрос факта»¹⁰. Не требуется, однако, чтобы прикосновение было враждебным¹¹.

В отличие от российского права, побои могут быть совершены не только с прямым умыслом, намерением (intent), но и с косвенным умыслом и по грубой неосторожности (recklessness¹²). В случае побоев без намерения лицо должно осознавать, что потерпевший может претерпеть незаконное насилие (прикосновение и т.п.) здесь и сейчас.

Нападение (assault) констатируется в случае, если в результате содеянного потерпевший опасается незамедлительного применения насилия к нему там, где он находится в данное время. При этом не требуется, чтобы насилие фактически имело место, не требуется, чтобы имела место реальная угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, угроза применением любого насилия (прикосновения и т.п.) наказуема. Так, нападение может выразиться в размахивании кулаком у носа потерпевшего, направлении велосипеда на потерпевшего, бросании камней, настойчивых молчаливых телефонных звонках, простой словесной угрозе, не подкрепленной какими-либо действиями, и др.¹³ Субъективные признаки нападения определяются так же, как и у побоев, возможны не только прямой, но и косвенный умысел и грубая неосторожность. В случае побоев без намерения лицо должно осознавать, что потерпевший может опасаться применения к нему насилия (прикосновения и т.п.) здесь и сейчас.

Тенденция к декриминализации насильственных преступлений в Англии не прослеживается. Скорее имеет место противоположная тенденция, понятие наказуемой агрессии расширяется. К примеру, Закон о защите от домогательств 1997 г.¹⁴ предусматривает широкий круг наказуемых деяний, не охватываемых понятиями побоев и нападения. Речь идет о поведении, вызывающем беспокойство или опасения потерпевшего. Раздел 1 этого Закона запрещает домогательство (harassment¹⁵), не раскрывая четких формальных признаков этого преступления.

⁹ Wilson W. Criminal Law : Doctrine and Theory. Harlow, 2003. P. 326.

¹⁰ Mushtaq E. Common assault and battery. Westlaw UK, 2017.

¹¹ Herring J. Criminal Law. Houndmills, New York, 2009. P. 98. В США требуется, чтобы прикосновение было вредным или агрессивным, оскорбительным (offensive), например в случае сексуального прикосновения.

¹² Это состояние сознания, когда лицо осознанно и без разумных оправданий совершает деяние, игнорируя риски, связанные с его совершением.

¹³ Heaton R., De Than C. Op. cit. P. 91—92.

¹⁴ Protection from Harassment Act 1997.

¹⁵ От французского «harasser» (изнурять, подавлять, изматывать).

В Законе просто указано, что лицо не должно позволять себе поведение, которое является домогательством в отношении другого лица (других лиц), которое, как он осознает или должен осознавать, является таким домогательством. Далее разъясняется, что при решении вопроса о том, должно ли лицо осознавать, следует руководствоваться критерием «разумного лица, владеющего той же информацией». Прямо указано, что не признаются домогательством деяния (каждое из них):

- направленные на предупреждение или обнаружение преступления;
- совершенные во исполнение правового акта или нормы права либо во исполнение условий или требований, возложенных на лицо правовым актом;
- если с учетом конкретных обстоятельств поведение было разумным.

Раздел 2А, введенный Законом о защите свобод 2012 г.¹⁶, вводит понятие «преследования» (stalking) другого лица, при этом отсылая к разделу 1 (понятию домогательства, harassment), но приводя конкретные примеры преследования как более опасного вида домогательства: следует за другим лицом; контактирует или пытается установить контакт с ним любыми средствами¹⁷; публикует любые заявления или иные материалы, относящиеся к лицу или предположительно относящиеся к нему или предположительно исходящие от него; отслеживает использование лицом Интернета, электронной почты или иных форм электронной связи; праздно шатается в любых местах, общественных или частных; вмешивается во владение имуществом; подглядывает или шпионит за лицом. Наказание за это преступление установлено более строгое, чем за домогательство, заключение может быть назначено на срок до 51 недели (около года).

Потерпевшему от домогательства в рамках гражданского судопроизводства предоставлено право не только требовать компенсацию вреда от преступления, но и просить судебного запрета определенного поведения для него. В случае нарушения запрета наказание может быть назначено в виде лишения свободы на срок до 5 лет.

Раздел 4 предусматривает наказание за самостоятельное преступление, запугивание, буквально: погружение человека в опасение применения насилия (putting people in fear of violence). Для вменения этого преступления нужно, чтобы лицо осознавало, что в результате его действий (не менее двух эпизодов) другое лицо опасается, что в отношении него будет применено насилие. В отличие от нападения (assault), при запугивании место и время ожидаемого насилия значения не имеют. Опять же, речь идет о любом насилии, в том числе и о побоях, реальной угрозы убийством и причинением тяжкого вреда здоровью не требуется. Закон предусматривает за запугивание более суровое наказание, чем за нападение.

При этом телесное наказание детей родителями в Соединенном Королевстве разрешено, если оно является умеренным (moderate), не является «чрезмерным или необоснованным по своей природе, степени и длительности»¹⁸. Безуслов-

¹⁶ Protection of Freedoms Act 2012.

¹⁷ Во Франции статьей 222-16 УК в редакции Закона по 2014-876 от 4 августа 2014 г. к числу насильственных посягательств против личности (violences) отнесены, в частности, неблагоприятные неоднократные телефонные звонки и электронные письма, а также звуковая агрессия с целью нарушения покоя другого лица. Сложно спорить с тем, что подобные посягательства вредны для здоровья.

¹⁸ Heaton R., De Than C. Op. cit. P. 97.

но запрещено умышленное нанесение ранений и причинение серьезного вреда здоровью (разделы 18 и 20 Закона о преступлениях против личности 1861 г.), нападение, повлекшее причинение вреда здоровью (раздел 47 этого же Закона) и жестокое обращение с лицом, не достигшим 16 лет (ст. 1 Закона о детях и молодых людях 1933 г.). Сравнительно недавно запретили телесные наказания в британских школах (в Англии и Уэльсе — в 1999 г., в Шотландии — в 2000 г., в Северной Ирландии — в 2003 г.)¹⁹.

Краткие выводы:

1. Реформа нормы о побоях 2016—2017 гг. в России не ограничила вмешательство полиции и иных властей в семейные дела, напротив, она упростила это вмешательство, ослабив тем самым семью как социальный институт. Она повлекла и ухудшение криминогенной ситуации в контексте коррупции.

2. Административная ответственность за побои является неадекватной ввиду насильственного характера посягательства. Побои — это не нарушение порядка, установленного властями, а умышленное насильственное посягательство на телесную неприкосновенность человека.

3. Разумное телесное наказание ребенка родителем ради его же блага не является побоями и не должно влечь ни уголовной, ни административной ответственности. Не являются побоями и иные правомерные действия, причиняющие боль (например, добровольные состязания боксеров и иных лиц, как профессионалов, так и любителей, их тренировки, как на ринге, так и на свежем воздухе; добровольные забавы любителей БДСМ; правомерное применение специальных средств сотрудниками полиции и др.).

4. Необходимая оборона от побоев возможна, целесообразна и необходима, в том числе и в случае причинения вреда здоровью посягающего.

5. Сравнение показывает, что российское уголовное право относится к насильственным преступлениям (физическому и психическому насилию) гораздо более терпимо, нежели английское. При этом телесные наказания детей родителями англичане, как и французы, не рассматривают в качестве преступления. В России по этому вопросу полной определенности, к сожалению, больше нет. Международная, в том числе и европейская, бюрократия последовательно проводит политику широкого вмешательства властей в отношения в семье, стремительно разрушая ее как основу частной собственности, личной свободы и национального государства, последовательно реализуя проект глобальной тоталитарной власти, спекулируя при этом, в частности, на проблеме насилия в семье.

6. Насилие является несомненным злом, в особенности, если жертвой насилия становится ребенок. Но насилие не является злом безусловным, иногда оно служит благим целям. Даже государства вооружают и снабжают полицию оружием и спецсредствами, которые пригодны только для того, чтобы убивать, увечить и бить людей, они содержат вооруженные силы чтобы делать это в массовом масштабе. Представляется, что полное искоренение насилия, в том числе насилия в семье, в обозримом будущем невозможно. Это утопическая идея, и как всякая утопическая идея о светлом будущем, она опасна, так как вводит людей в заблуждение и толкает на ложные пути. Если родителей лишат права наказывать своих любимых детей, функцию коррекции поведения ребенка за-

¹⁹ Children Act 2004. Sec. 58.

кономерно примут на себя властные структуры и медицинские организации, что не будет полезно и детям, изымаемым властями из разрушенных семей или от родителей, отдавших добровольно детей в руки чиновников для социальных и медицинских экспериментов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Еллинек Г.* Социально-этическое значение права, неправды и наказания. — М., 1910.
2. *Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В.* Частичная декриминализация побоев и ее влияние на профилактику насилия // *Российский следователь*. — 2018. — № 5.
3. *Ashworth A.* Principles of Criminal Law. — Oxford, 2009.
4. *Card, Cross and Jones.* Criminal Law. — Oxford, 2008.
5. *Heaton R., De Than C.* Criminal Law. — Oxford, 2011.
6. *Herring J.* Criminal Law. — Houndmills, 2009.
7. *Ormerod, Smith and Hogan.* Criminal Law. — Oxford, 2008.
8. *Wilson W.* Criminal Law: Doctrine and Theory. — Harlow, 2003.

Комментарий
законодательства

**Светлана
Анатолевна
БОЖЕНОК,**

кандидат юридических
наук, доцент, доцент
кафедры уголовного
права Московского
государственного
юридического
университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)
bsa.box@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ**

Аннотация. В статье проведен анализ состояния уголовно-правовой защиты оборота средств платежей в рамках ст. 187 УК РФ, раскрываются ключевые положения документов стратегического планирования, являющихся базовыми для развития уголовного законодательства в этой сфере. Рассматриваются причины внесенных в ст. 187 УК РФ изменений, дается их сравнительно-правовой анализ. Подчеркивается актуальность новаций, связанных с расширением перечня предметов преступления, а также конкретизацией положений уголовно-правовой нормы, в том числе разграничением ответственности за деяния, выражающиеся в использовании и сбыте предметов преступления. Отдельное внимание в работе уделяется вопросам квалификации противоправных деяний, совершаемых с применением средств электронного сообщения.

Ключевые слова: финансовый рынок, электронные средства платежа, платежные карты, платежные документы, безналичные денежные средства, средства электронного сообщения, особенности квалификации преступлений.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.148-154

S. A. BOZHENOK,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
bsa.box@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

**CRIMINAL LAW DEFENSE
OF THE TURNOVER OF PAYMENTS**

Abstract. The article analyzes the state of criminal legal protection of the circulation of payment means within the framework of art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, reveals key provisions of strategic planning documents, which are basic for the development of criminal legislation in this area. In the article the reasons of the changes brought in art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, their comparative legal analysis was carried out. It

emphasizes the relevance of innovations related to the expansion of the list of crime subjects, as well as the specification of the provisions of the criminal law norm, including the delineation of responsibility for acts expressed in the use and sale of crime subjects. Special attention is paid to the issues of qualification of unlawful acts committed using the means of electronic communication.

Keywords: *financial market, electronic means of payment, payment cards, payment documents, non-cash funds, means of electronic communication, features of the use of crime.*

Уголовная ответственность за неправомерный оборот средств платежей предусмотрена в одноименной статье 187 УК РФ. За незначительный период времени помимо традиционных платежных инструментов получили распространение электронные средства платежа. Влияние на это оказали реформы в экономической сфере, распространение новых финансовых институтов, а также развитие государственной политики в данном направлении.

Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ отмечается появление новых форм противоправной деятельности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий, при этом в качестве одной из основных угроз государственной и общественной безопасности выступают посягательства, направленные против экономической безопасности. Одним из важнейших факторов обеспечения экономической безопасности в Стратегии признается укрепление финансовой системы, обеспечение ее суверенитета, развитие национальной инфраструктуры финансовых рынков.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации² при характеристике основных информационных угроз и состояния информационной безопасности отмечаются рост масштабов компьютерной преступности, прежде всего в кредитно-финансовой сфере, увеличение числа преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, при обработке персональных данных с использованием информационных технологий.

В 2015 г. был утвержден План мероприятий («дорожная карта») по развитию электронного взаимодействия на финансовом рынке, представляющий собой комплекс мероприятий по совершенствованию механизмов электронного взаимодействия на финансовом рынке и по переходу на электронный документооборот всех участников рынка, их клиентов, федеральных органов исполнительной власти и Банка России³.

¹ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

² Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

³ План мероприятий («дорожная карта») по развитию электронного взаимодействия на финансовом рынке, утвержден Правительством РФ № 2984п-П10 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

В качестве приоритетных целей намеченных и проводимых мероприятий в «дорожной карте» определены:

- доступность финансовых услуг и инструментов;
- удобство работы, высокий уровень доверия и психологического комфорта граждан при использовании электронных способов взаимодействия с финансовыми организациями;
- прозрачность и безопасность операций в сфере предоставления розничных финансовых услуг и др.

В этом контексте не перестают быть актуальными и вопросы совершенствования правового регулирования сферы платежей, а также уголовно-правовой охраны возникающих в этой связи правоотношений, осуществляемой в том числе в рамках ст. 187 УК РФ. За длительное время своего существования данная норма уголовного закона претерпела существенные изменения, которые значительным образом отразились на практике ее применения, что наглядно демонстрируют данные судебной статистики (см. табл.).

Таблица

Число осужденных по ст. 187 УК РФ (2012—2017 гг.)⁴

УК РФ	Число осужденных по основной статье	Дополнительная квалификация, осуждено	
		по числу лиц	по количеству составов преступлений
2012 г.			
Часть 1 ст. 187	44	28	976
Часть 2 ст. 187	14	3	14
2013 г.			
Часть 1 ст. 187	38	16	755
Часть 2 ст. 187	4	1	1
2014 г.			
Часть 1 ст. 187	43	18	515
Часть 2 ст. 187	9	1	48
2015 г.			
Часть 1 ст. 187	37	21	31
Часть 2 ст. 187	14	18	93
2016 г.			
Часть 1 ст. 187	32	13	44
Часть 2 ст. 187	15	6	14
2017 г.			
Часть 1 ст. 187	40	8	32
Часть 2 ст. 187	3	13	13

⁴ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 31.08.2018).

В редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ⁵ данная норма предусматривала ответственность за следующие деяния, связанные с незаконным оборотом кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов, не являющихся ценными бумагами:

- изготовление в целях сбыта поддельных средств платежа;
- сбыт поддельных средств платежа.

В действующей редакции ст. 187 УК РФ⁶ существенно расширена диспозиция, по-новому сформулирован предмет преступления: установлена уголовная ответственность за незаконные манипуляции с поддельными платежными картами, поддельными распоряжениями о переводе денежных средств, документами или средствами оплаты (за исключением случаев, предусмотренных ст. 186 УК РФ), а также за совершение указанных незаконных действий с предназначенными для неправомерного осуществления приема, выдачи или перевода денежных средств электронными носителями информации, техническими устройствами, компьютерными программами либо специальными электронными средствами.

Во многом изменение диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы было обусловлено установлением в законодательстве порядка использования электронных средств платежа при осуществлении переводов денежных средств, а также нормативным закреплением понятия «электронное средство платежа» (п. 19 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»⁷ (далее — Федеральный закон № 161-ФЗ)), к которым относятся платежные карты национальной платежной системы, а также международных платежных систем, эмитированные на территории России, дистанционные системы обслуживания, включающие в себя такие инструменты, как интернет-банки, приложения для мобильных телефонов, банкоматы, платежные терминалы и иные средства самообслуживания⁸.

Согласно ст. 9 Федерального закона № 161-ФЗ в случае утраты электронного средства платежа и (или) его использования без согласия клиента он обязан незамедлительно направить соответствующее уведомление оператору по переводу денежных средств. Законом предусмотрено, что после получения от клиента такого уведомления оператор должен возместить сумму операции, совершенной без согласия клиента. При нарушении клиентом правил использования электронного средства платежа и совершении незаконных действий в отношении принадлежащих ему электронных средств платежа оператор не несет ответственность за перевод денежных средств клиента без его согласия.

Аналогичным образом стала складываться правоприменительная практика при оценке судом противоправных действий, совершенных в отношении безналичных денежных средств клиента банка.

⁵ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁶ См.: Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3380.

⁷ СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

⁸ См.: Комментарий к Федеральному закону от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» / Л. Л. Арзуманова, Т. Э. Рождественская, И. В. Костюк [и др.] // СПС «ГАРАНТ».

Например, в судебном решении по делу о взыскании убытков, причиненных неправомерным списанием денежных средств с расчетного счета, и процентов за пользование чужими денежными средствами, суд указал, что согласно условиям договора банковского счета и банковского обслуживания и соглашению на обслуживание счета клиента с помощью автоматизированной системы дистанционного банковского обслуживания «банк-клиент» в соответствии с полученными от клиента электронными документами банк осуществил платежи путем безналичного перечисления денежных средств с банковского счета клиента.

Одновременно суд установил, что клиент совершил действия, допускающие компрометацию закрытого ключа электронной цифровой подписи и несанкционированный доступ к системе третьих лиц, тем самым нарушил условия использования системы дистанционного банковского обслуживания, что исключает ответственность банка за списание денежных средств со счета клиента. При этом в ходе предварительного следствия факт неправомерных действий банка, в том числе некорректности электронной цифровой подписи платежных документов, установлен не был. В то же время в материалах уголовного дела содержались сведения о неправомерных действиях третьих лиц, которые для хищения денежных средств использовали логин (пароль, ключ) клиента⁹.

В соответствии с действующей редакцией ст. 187 УК РФ ответственность за незаконный оборот поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты, а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств наступает только в случае совершения деяний в целях использования либо сбыта предметов преступления.

При этом в отличие от ранее действовавшей редакции законодатель уточнил диспозицию уголовно-правовой нормы, конкретизировав, что ответственность по ней наступает в том числе за неправомерное приобретение, хранение, транспортировку средств платежей.

Помимо этого, законодателем с учетом внесенных изменений разграничена ответственность за деяния, выражающиеся в использовании либо сбыте предметов преступления. Эти изменения позволили исключить неоднозначное толкование положений ст. 187 УК РФ, допускавшее квалификацию использования поддельных средств платежа как их сбыт, предусмотрев основания уголовной ответственности за данные деяния в различных статьях УК РФ.

Так, помимо ст. 187 УК РФ ответственность за незаконные действия, совершаемые со средствами платежей, предусмотрена и ст. 159.3 УК РФ¹⁰, устанавливающей ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежей, ст. 159.6 УК РФ, предусматривающей ответственность за мо-

⁹ См.: Определение ВАС РФ от 17 февраля 2014 г. № ВАС-1558/14 «Об отказе в передаче дела в президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 49. Ст. 6752.

шенничество в сфере компьютерной информации, т.е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Кроме того, ч. 3 ст. 158 УК РФ дополнена новым квалифицирующим признаком — п. «г»¹¹, предусматривающим ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

Следует отметить, что в первоначальной редакции статьи, в отсутствие нормативных правовых документов, определяющих понятие и признаки платежных карт и иных расчетных документов, возникали трудности в определении предмета преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, сфер действия данной нормы, а также ее разграничении со ст. 186 УК РФ.

В настоящее время законодатель расширил перечень предметов преступления, указав наряду с платежными картами и расчетными документами средства электронного сообщения¹², отнес к таковым в рамках ст. 187 УК РФ электронные средства, электронные носители информации, а также технические устройства и компьютерные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

В литературе под техническими устройствами признают скимминговое оборудование, устанавливаемое на платежные терминалы, а также другие технические решения, делающие возможным незаконное вмешательство в платежные системы и терминалы: pinhole-камера, ИК-камера, фальш-банкоматы и др.¹³

В рамках ст. 187 УК РФ в качестве компьютерных программ применяется вредоносное программное обеспечение, устанавливаемое по локальной сети или сети Интернет либо путем доступа к системному блоку компьютера банкомата или серверу, обеспечивающее несанкционированный доступ к программному обеспечению банкоматов или других устройств, а также серверов кредитных организаций в целях зачисления, перевода или списания денежных средств со счета клиента.

В то же время при квалификации противоправных деяний, указанных в ст. 187 УК РФ, следует учитывать назначение таких устройств и программ, ряд из которых позволяет фиксировать информацию, вводимую пользователем, в том числе численный набор ПИН-кодов, а также считывать информацию, содержащую

¹¹ Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 18. Ст. 2581.

¹² «Электронное сообщение — информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети» (п. 10 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

¹³ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 2 : Особенная часть. Разд. VII—VIII) ; Феоктистов М. В. Объективные признаки неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIV Международной науч.-практич. конференции (26—27 января 2017 г.). М., 2017. С. 387.

данные о клиенте и сумме денежных средств на карте или счете. Большинство таких продуктов нацелены на получение информации, необходимой для неправомерного приема, выдачи или перевода денежных средств, поэтому возможность квалификации по ст. 187 УК РФ противоправных действий, связанных с их применением, следует оценивать с учетом их функциональных характеристик.

В заключение необходимо отметить, что внесение изменений в ст. 187 УК РФ направлено на снижение рисков при использовании электронных платежных средств. Совершенствование уголовно-правовой нормы было обосновано в пояснительной записке к соответствующему законопроекту¹⁴ необходимостью усиления уголовной ответственности за преступления, совершаемые в целях хищения денежных средств с использованием высоких технологий в банковской сфере, а также в связи с расширением в законодательстве перечня средств и способов управления денежными средствами.

Можно согласиться, что внесение рассмотренных выше изменений в ст. 187 УК РФ обеспечивает возможность уголовно-правовой защиты электронного взаимодействия на финансовом рынке. Вместе с тем, принимая во внимание как сложность конструкции данной уголовно-правовой нормы, так и существенные изменения, происходящие в охраняемой ею сфере общественных отношений, при квалификации деяний следует учитывать специфику предмета преступления, а также особенности разграничения смежных составов преступлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. — М. : Юрайт, 2017. — Т. 2 : Особенная часть. — Разд. VII—VIII.
2. Комментарий к Федеральному закону от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» / Л. Л. Арзуманова, Т. Э. Рождественская, И. В. Костюк [и др.] // СПС «ГАРАНТ».
3. Феоктистов М. В. Объективные признаки неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIV Международной науч.-практич. конференции (26—27 января 2017 г.). — М., 2017. — С. 385 — 388.

¹⁴ См. пояснительную записку к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 187 и 272 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ). Исследуются международные тенденции, направленные на уголовно-правовую охрану исторических фактов. Перечисляются государства, в которых уголовная ответственность за аналогичные деяния уже закреплена в той или иной форме. Отмечается, что введению уголовной ответственности за реабилитацию нацизма в Российской Федерации предшествовал весьма длительный процесс. Анализируются законодательство, а также законопроекты, в которых предпринимались попытки официального толкования терминологии, применимой к реабилитации нацизма. Проводится юридический анализ состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ. Анализируются понятия «реабилитация нацизма», «отрицание преступлений», «одобрение преступлений», «распространение заведомо ложных сведений», «искусственное создание доказательств обвинения», «сведения о днях воинской славы и памятных датах», «осквернение символов воинской славы России», «публичный характер». Приводятся различные точки зрения, имеющиеся в науке, относительно уголовной ответственности за реабилитацию нацизма. Отмечаются недостатки законодательной конструкции ныне действующей редакции ст. 354.1 УК РФ. Резюмируется, что, несмотря на громоздкость и длительность процесса принятия законодательства в данной области, деятельность законодателя в указанном направлении заслуживает положительной оценки.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, уголовная ответственность, преступления против мира и безопасности человечества, Вторая мировая война, символ воинской славы, историческая память.

**Мария Геннадьевна
ЛЕВАНДОВСКАЯ,**

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
marusenka0610@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.155-162

M. G. LEVANDOVSKAYA,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
marusenka0610@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE REHABILITATION OF NAZISM AS A CRIME

Abstract. The article studies the issues of criminal responsibility for the rehabilitation of Nazism (Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The international tendencies directed on criminally-legal protection

© М. Г. Левандовская, 2018

of historical facts are investigated. Countries listed in which criminal responsibility for similar acts are already established are listed. The introduction of criminal responsibility for the rehabilitation of Nazism in the Russian Federation was preceded by a very long process. Legislation is analyzed, as well as bills in which the terms related to the rehabilitation of Nazism are officially interpreted. A legal analysis of the offense under article 354.1 is carried out. The Criminal Code. The concepts of "rehabilitation of Nazism", "denial", "approval of crimes", "dissemination of knowingly false information", "artificial creation of evidence of accusation", "information about the days of military glory and memorable dates", "desecration of symbols of Russia's military glory", "public character". Various points of view in science are being studied regarding the criminal responsibility for the rehabilitation of Nazism. The shortcomings of the legislative design of the current version of art. 354.1 of the Criminal Code. Despite the long process of adopting legislation in this area, the activity of the legislator in this direction deserves a positive evaluation.

Keywords: *rehabilitation of Nazism, criminal responsibility, crimes against peace and security of mankind, World War II, symbol of military glory, historical memory.*

Введение

«Путь фашизма — это путь автомата, смерти, ригидности и безысходности. Путь жизни принципиально отличается от фашистского пути: он труднее, опаснее, честнее и оптимистичнее», — писал в своих трудах В. Райх.

В настоящее время в Европе начала нарастать волна открытой пропаганды крайних форм националистических настроений, восстановления «доброго имени» нацистских преступников и их соучастников. Особенно характерно это явление для некоторых стран Европы.

До недавнего времени нормы уголовного закона, предусматривающие ответственность за отрицание или искажение того или иного исторического факта, в зарубежном законодательстве встречались достаточно редко. Ситуация изменилась с произошедшими на международной арене событиями: смена политического режима на Украине, кризис в международных отношениях явились своего рода катализатором значительного количества законодательных инициатив, формирующих патриотическое воспитание в России и сплочение общества перед угрозой информационной войны и искажения исторической правды.

Проблема возрождения идей нацизма и фашизма обозначена в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года.

В настоящее время становится все очевидней, что в современном мире в условиях неутрачивающих рецидивов холодной войны история стала площадкой для идеологических противостояний, где каждая из сторон старается отстоять свою точку зрения.

Законы, запрещающие публичное оправдание преступлений нацистов, приняты во многих странах не только Европы, но и мира. К числу этих стран можно отнести Австрию, Венгрию, Германию, Литву, Польшу, Словению, Чехию, Швейцарию, Ка-

наду, Израиль. Некоторые из этих стран приравнивали коммунизм к нацизму и ввели уголовную ответственность за отрицание «преступлений коммунизма» или «коммунистического геноцида»¹, что, по нашему мнению, представляется необоснованным и лишь свидетельствует об использовании средств уголовно-правовой охраны для утверждения некоторыми законодателями собственного видения истории и прививания под страхом наказания новых идеологических догм вместо старых.

Краткая предыстория введения в УК РФ нормы об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма

Актуальность уголовно-правовой охраны фактов, касающихся итогов Второй мировой войны (далее — ВМВ) обусловлена широким общественным резонансом, вызываемым попытками представителей ряда зарубежных стран переписать историю, оправдать местных пособников преступлений нацистов и очернить роль Красной Армии.

Введению уголовной ответственности за реабилитацию нацизма в Российской Федерации предшествовал весьма длительный процесс. Идея об уголовной ответственности за искажение фактов о ВМВ начала активно озвучиваться политиками с 2007 г. Первым, кто пообещал ветеранам о выступлении с законопроектом об уголовном преследовании для тех, кто «пытается пересмотреть итоги Второй мировой войны», был Борис Грызлов². Законопроект № 197582-5 обсуждался в Государственной Думе с 06.05.2009 г. То есть для окончательного утверждения действующей редакции статьи 354.1 УК РФ законодателю потребовалось без малого 5 лет.

В первоначальной редакции ст. 354.1. УК РФ использовалась юридически некорректная формулировка «искажение приговора Нюрнбергского трибунала». Не совсем ясно, каким образом можно исказить вступивший в силу приговор?

16.04.2010 по инициативе Б. Грызлова на рассмотрение в Государственную Думу была внесена новая формулировка законопроекта. Данный законопроект также не был одобрен в представленной редакции, а весь дальнейший законотворческий процесс по нему утих до 27.02.2014.

04.04.2014 законопроект № 197582-5 был принят Государственной Думой в первом чтении, зарегистрирован в качестве Федерального закона № 128-ФЗ от 05.05.2014 и дополнил Уголовный кодекс РФ статьей 354.1.

О понятии «реабилитация нацизма»

Рассматривая этимологию понятия «реабилитация нацизма», разложим его на два термина. Под реабилитацией в общеязыковых источниках понимаются восстановление, оправдание, восстановление в правах³. В отечественном законодательстве понятие «реабилитация» встречается в п. 34 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Под ним законодатель в обозначенной норме подразумевает

¹ См.: Додонов В. Н. Уголовно-правовая охрана исторической правды: зарубежный опыт и развитие российского законодательства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 3 (41). С. 88.

² Парламентская газета. 25.09.2007.

³ Энциклопедия права // URL: https://encyclopedia_praва.academic.ru/4923/Реабилитация (дата обращения: 13.07.2018).

порядок восстановления прав и свобод лица, которое подверглось уголовному преследованию незаконно или необоснованно. В указанной формулировке понятие «реабилитация» носит явно позитивную окраску.

Обобщая энциклопедические толкования понятия «нацизм», обозначим его как мировоззрение, которое определяет конкретную нацию (расу или народ) главенствующей во всем миропорядке и использует репрессивные меры по отношению к остальной части человечества⁴. Некоторые исследователи, проводя различие между понятиями «нацизм» и «фашизм», относят первое из них именно к Германии. В России неоднократно предпринимались попытки разработать, определить термин «фашизм». Например, в Указе Президента РФ от 23.03.1995 № 310 постановлялось Российской академии наук представить научное разъяснение понятия «фашизм» с целью внесения изменений и дополнений в действующее законодательство.

Таким образом, для целей анализируемой нами статьи нацизм целесообразней определить как идеологию, политику и практику Национал-социалистической немецкой партии Германии в период с 1919 по 1945 г.⁵

Уголовно-правовая характеристика статьи 354.1 УК РФ

Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за реабилитацию нацизма не вызывает сомнений. Проведение уголовно-правовой характеристики реабилитации нацизма начнем с ее родового объекта.

Нацизм по своей сути направлен сразу на несколько объектов уголовно-правовой охраны и затрагивает интересы личности, общества, государства. Однако, несмотря на существующие в науке уголовного права точки зрения⁶ о перемещении рассматриваемой статьи в гл. 29 УК РФ, считаем, что ее место в гл. 34 определено законодателем корректно. Другими словами, по нашему мнению, видовой объект реабилитации нацизма — общественные отношения в области обеспечения мира и безопасности человечества.

Непосредственным объектом анализируемого состава преступления являются общественные отношения, обеспечивающие достоверность исторических результатов ВМВ.

Факты, которые были установлены приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных преступников европейских стран оси (далее — МВТ), представляют собой итоговые решения Нюрнбергского военного трибунала, осудившего нацизм как преступную систему и идеологию⁷. Мы не

⁴ URL: <http://www.wikireality.ru/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B7%D0%BC>.

⁵ *Лапихина Л. А.* Национал-социалистическая трансформация традиций и обычаев немецкого народа в гитлеровской Германии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. М., 2012. С. 17.

⁶ *Грузинская Е. И., Пономарева М. Ю., Клишейко Д. И.* Критический анализ криминообразующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Реабилитация нацизма» // Актуальные проблемы науки и практики современного общества. 2017. № 2—6. С. 5.

⁷ *Колошинская Н. В.* Механизм и процедура доказательств преступлений германского фашизма на Нюрнбергском международном военном трибунале 1945—1946 годов //

будем вдаваться в подробности относительно сути этого исторического события, поскольку полагаем, что для читателя это вовсе не обязательно.

Отрицание фактов, отраженных в итоговых документах заседаний МВТ, является первым альтернативным действием, предусмотренным ч. 1 анализируемой статьи. Отрицание применительно к предмету нашего исследования означает «отвержение существования чего-либо»⁸.

Второе альтернативное действие в виде одобрения преступлений, установленных указанным приговором, означает признание правильности совершения установленных в ходе Нюрнбергского процесса преступлений.

Третье альтернативное действие в виде распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы ВМВ требует отдельного толкования.

Под распространением для предмета наших рассуждений мы предлагаем понимать доведение информации до третьих лиц.

Заведомая ложность понимается здесь законодателем так же, как и по отношению к клевете. Она заключается в том, что автор достоверно осведомлен о наличии или отсутствии того или иного события, но распространяет информацию, которая противоречит его знанию.

В науке уголовного права введение уголовной ответственности за отрицание фактов, установленных в документах МВТ, некоторыми исследователями трактуется как установление запрета на изучение истории ВМВ и нарушение конституционного принципа свободы выбора идеологии⁹.

В то же время нельзя согласиться с мнением относительно того, что под публичное распространение, одобрение и отрицание подпадают приобретение, чтение и распространение литературы о ВМВ, просмотр исторических фильмов¹⁰.

В части 2 анализируемой статьи предусмотрена ответственность за реабилитацию нацизма с использованием средств массовой информации. Ее бланкетный характер отсылает нас к Федеральному закону от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее — СМИ), где дается понятие этого средства. Вопрос о квалификации действий лица, разместившего сведения, направленные на реабилитацию нацизма на сайтах, не зарегистрированных в установленном порядке в качестве СМИ, в настоящее время остается открытым и, исходя из действующей редакции анализируемой статьи, его решение возможно только путем квалификации таких действий по ч. 1 ст. 354.1 УК РФ.

Еще одна формулировка части 2 анализируемой статьи, требующая научного осмысления, — «искусственное создание доказательств обвинения». Законодатель использует аналогичную терминологию при описании квалифицирующих признаков заведомо ложного доноса (ч. 3 ст. 306 УК РФ). Тем не менее, несмо-

Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 4 (60). С. 135.

⁸ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азъ, 1995. С. 490.

⁹ Пермьяков Ю. Когда история вне закона // URL: <http://zasekin.ru/avtorskie-kolonki/yurij-permyakov/15969>.

¹⁰ Турышев А. А. Реабилитация нацизма в УК РФ // Правовые технологии. 2014. № 1.

тря на полное терминологическое сходство, законодатель подразумевает под данными понятиями совершенно разные действия.

Искусственное создание доказательств обвинения по ст. 306 УК РФ выражается в искусственном формировании обстановки или места якобы совершенного преступления, изготовлении поддельных документов, оставлении следов на предметах, имеющих значение для доказывания по уголовному делу.

Напротив, искусственное создание доказательств обвинения для целей ч. 2 ст. 354.1 УК РФ выражается, например, в публичном обнародовании несуществующих материалов (в отсутствие первоисточника); обнародовании таких материалов полностью или в части, при несоответствии первоисточнику; подлоге первоисточника и др.

В части 3 ст. 354.1 предусмотрена уголовная ответственность за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о Днях воинской славы и памятных датах России либо осквернение символов воинской славы России. Поскольку данная норма носит бланкетный характер, при ее толковании следует обратиться к Федеральному закону № 32-ФЗ от 13.03.1995. В его ст. 1 и 1.1 установлены Дни воинской славы и памятные даты России. Осквернение символов воинской славы, по нашему мнению, выражается в безнравственных, циничных действиях, направленных на нанесение оскорбительных надписей, рисунков, символов на надмогильных сооружениях, памятниках, связанных с историей ВМВ, пренебрежительных действиях по отношению к отечественным боевым орденам и наградам, художественным и литературным произведениям, посвященным этому историческому периоду, и т.д. Понятие «выражение явного неуважения к обществу» следует толковать аналогично понятию, используемому законодателем в диспозиции ст. 213 УК РФ, предусматривающей ответственность за хулиганство.

Для всех указанных нами выше альтернативных действий должен иметь место публичный характер, т.е. они должны быть адресованы неопределенному кругу лиц. Мысли и убеждения об истории, а также их высказывание в ходе бесед, например, в кругу семьи, не влекут за собой ответственности по анализируемой статье.

Субъект преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 анализируемой статьи — общий. Исключение составляют случаи, когда лицо использует свое служебное положение. Круг субъектов, которые могут использовать при совершении преступлений свое служебное положение, до настоящего времени не унифицирован, поэтому вопрос о специальном субъекте реабилитации нацизма может стать темой для отдельных исследований.

С субъективной стороны для реабилитации нацизма характерна вина в форме прямого умысла.

Выводы

В заключение отметим, что, по нашему мнению, российским законодателем были взяты под уголовно-правовую охрану только те исторические факты, которые были признаны подавляющей частью мирового сообщества и четко зафиксированы в решениях МВТ. Такая позиция представляется нам исключительно верной, поскольку только самые базовые исторические ценности, на

которых основывается весь послевоенный миропорядок, подлежат уголовно-правовой охране.

Несмотря на это, необходимо отметить, что ни отечественный законодатель, ни Верховный Суд РФ до настоящего времени не дали своих официальных толкований тому, что законодателем подразумевается под действиями, указанными в ст. 354.1 УК РФ. Оставляя действующую редакцию проанализированной статьи без изменений, не давая официальных разъяснений в этих вопросах, законодатель размывает границы действия уголовного закона и свободы слова. Действующая редакция анализируемой статьи не лишена недостатков, поскольку ее буквальное толкование не позволяет определить границы между реализацией прав и свобод, злоупотреблением и запретом на их реабилитацию в сфере противодействия проявлениям нацизма.

Тем не менее законодателем неоднократно предпринимались весьма удачные¹¹ попытки официального толкования понятия «нацизм». Проект федерального закона № 504872-6 «О противодействии реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников», в котором содержались все основные понятия, способствующие единообразному толкованию понятий «реабилитация нацизма», «героизация нацистских преступников», «нацистские материалы», «нацистская атрибутика», был отклонен 22.05.2018. В постановлении от 22.05.2018 № 4021-7 ГД причины его отклонения не указаны. Полагаем, что такие действия законодателя можно оправдать лишь необходимостью осторожности в формулировках по рассматриваемым вопросам.

Остается только надеяться на то, что в будущем законодательные инициативы, направленные на устранение возможности неоднозначного толкования терминов, необходимых для квалификации преступлений, связанных с реабилитацией нацизма, не прекратятся, а уголовно-правовая охрана исторической правды, связанной с таким тяжелым для граждан нашей страны и всего мирового сообщества событием, как Великая отечественная война, будет обеспечиваться в необходимой степени.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Грузинская Е. И., Пономарева М. Ю., Клишейко Д. И. Критический анализ криминообразующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Реабилитация нацизма» // Актуальные проблемы науки и практики современного общества. — 2017. — № 2—6. — С. 9—14.
2. Додонов В. Н. Уголовно-правовая охрана исторической правды: зарубежный опыт и развитие российского законодательства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2014. — № 3 (41). — С. 87—95.

¹¹ См., например: проект федерального закона № 246071-6 «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников, отрицанию Холокоста» (ред., внесенная в Государственную Думу, текст по состоянию на 25.03.2013).

3. *Колошинская Н. В.* Механизм и процедура доказательств преступлений германского фашизма на Нюрнбергском международном военном трибунале 1945—1946 годов // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2016. — № 4 (60). — С. 132—136.
4. *Лапихина Л. А.* Национал-социалистическая трансформация традиций и обычаев немецкого народа в гитлеровской Германии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. — М., 2012.
5. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Азъ, 1995. — 928 с.
6. *Пермяков Ю.* Когда история вне закона // URL: <http://zasekin.ru/avtorskie-kolonki/yurij-permyakov/15969>.
7. *Турышев А. А.* Реабилитация нацизма в УК РФ // Правовые технологии. — 2014. — № 1.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ПОБУЖДЕНИЕ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Аннотация. В статье анализируются изменения, внесенные в УК РФ Федеральными законами от 07.06.2017 № 120-ФЗ и от 29.07.2017 № 248-ФЗ, в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной в том числе на побуждение к девиантному поведению. Наряду с достоинствами законодательной регламентации ответственности за доведение до самоубийства и совершение других действий, побуждающих к нему или иным, опасным для жизни потерпевших действиям, обращается внимание на положения, которые нуждаются в серьезной коррекции как на законодательном, так и правоприменительном уровнях (возрастные границы потерпевшего в анализируемых составах; нормы, предусматривающие освобождение от ответственности субъектов преступления, предусмотренного ст. 110.2 УК РФ; возраст субъекта преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ и др.).

Ключевые слова: противодействие, уголовная ответственность, суицид, доведение до самоубийства, склонение, содействие, вовлечение, организация, деятельность, несовершеннолетний, потерпевший.

**Татьяна Петровна
СУСПИЦЫНА,**

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

1954ts@mail.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.163-171

T. P. SUSPITSYNA,

PhD (Law), Assistant professor of Criminal Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

1954ts@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

ABOUT ADDITIONAL CRIMINAL AND LEGAL COUNTERMEASURES AGAINST ACTIVITY AIMED TO ENCOURAGE DEVIANT BEHAVIOR

Abstract. The author of this article analyzes amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation by Federal Law No. 120-FZ of June 7, 2017 and No. 248-FZ of July 29 2017, concerning the establishment of additional criminal and legal countermeasures against actions aimed to encourage deviant behavior. The author pays attention on the advantages of legislative rules establishing responsibility for bringing to suicide or performing other actions which could lead to suicide or other actions threatening the life of the victim. The article also states the provisions that need to be seriously

© Т. П. Суспицына, 2018

revised at both the legislative and law enforcement levels (the age limits of the victim in the analyzed rules, the rules providing for the release of the responsibility of the subjects of the crime provided for in Article 110. 2 of the Criminal Code; the age of the subject of the crime provided for Article 151.2 of the Criminal Code, etc.).

Keywords: *countermeasures, criminal responsibility, suicide, bringing to suicide, declension, assistance, involvement, organization, activity, minor, victim.*

Доведение до самоубийства и совершение иных опасных для жизни действий — деяние, которое в современных условиях потребовало от законодателя дополнительных мер противодействия, в том числе уголовно-правовых. По данным Следственного комитета РФ, приведенным в пояснительной записке к законопроекту № 118634-7, в 2016 г. в результате самоубийства ушли из жизни 720 детей; за последние три года суицид совершили 2 205 детей. Приведенная статистика дополняется значительным количеством суицидальных попыток среди несовершеннолетних, которые находятся вне официальной статистики. В числе таких мер стали нормы, дополнившие ст. 110 Уголовного кодекса РФ (далее — УК), а также положения статей 110.1, 110.2, 151.2¹.

Приступив к анализу законодательных новелл, отметим, что законодатель не подверг ревизии признаки основного состава доведения до самоубийства. Тем не менее обращение к ним представляется необходимым в связи с тем, что в ст. 110 УК предусмотрены квалифицирующие признаки (ч. 2); признаки составов, содержащихся в ст. 110.1, 110.2, 151.2 УК, сформулированы путем указания на отсутствие в содеянном «*признаков состава доведения до самоубийства*».

Подчеркивая значимость противодействия доведению до самоубийства, специалисты подчеркивают, что рассматриваемое деяние характеризуется исключительной безнравственностью, коварством, циничным отношением к достоинству и душевному состоянию другого человека². Эти обстоятельства усугубляются и требуют поэтому квалификации содеянного по ч. 2 ст. 110 УК, если *потерпевшим (потерпевшими)* становятся несовершеннолетний или лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; беременная женщина, либо два или более лица.

Понятие «*несовершеннолетний*» для правоприменителя в контексте анализируемой нормы не должно вызывать, на первый взгляд, вопросов. Тем не менее помимо факта несовершеннолетия необходимо, думается, установить способ-

¹ Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.06.2017 ; Федеральный закон от 29.07.2017 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 30.07.2017.

² Энциклопедия уголовного права. СПб. : Издание профессора Малинина, 2013. Т. 13 : Преступления против жизни и здоровья. С. 668.

ность ребенка осознавать характер совершаемого им деяния — суицида. Когда речь идет о малолетнем потерпевшем, не способном в силу возраста осознавать его, нельзя говорить о доведении до самоубийства. Речь идет, на наш взгляд, о более опасном деянии — о квалифицированном убийстве. Установление на законодательном уровне нижней возрастной границы могло бы стать критерием отграничения доведения до самоубийства от убийства. По этому пути пошел законодатель, например, установив такую границу (12 лет) в качестве критерия отграничения изнасилования или насильственных действий сексуального характера от смежных преступлений (примечание к ст. 131 УК).

Насчет признания лица находящимся в *беспомощном состоянии* судебная практика относительно определилась. Рекомендации по его пониманию содержатся в известных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ³. Они уместны и применительно к анализируемому составу. В литературе сохраняются споры относительно содержания терминов «беспомощное состояние» в целом и «состояние опьянения» в частности, а также их соотношения⁴. Импонирует *предложение*: возвести на законодательный уровень положение о признании такого рода деяний в отношении несовершеннолетних, а также лиц, страдающих психическим расстройством, не способных адекватно оценивать ситуацию убийства⁵.

В качестве потерпевшей в квалифицированном составе, как уже отмечалось, предусмотрена *женщина, находящаяся в состоянии беременности*. Квалификация содеянного может вызвать определенные трудности в ситуации, когда виновный заблуждался относительно беременности женщины. Применительно к убийству по этому вопросу высказаны разные точки зрения. Среди них предпочтительным выглядит предложение: квалифицировать содеянное как доведение до самоубийства беременной женщины, т.е. по направленности умысла⁶. Посягательство на женщину, которая, по мнению виновного, беременна, свидетельствует о повышенной опасности личности виновного, требующей соответствующей оценки содеянного им.

Предваряя замечания по содержанию *объективной стороны* доведения до самоубийства, необходимо указать на то, что основной состав преступления, по мнению специалистов, сконструирован как материальный. В качестве альтернативных последствий называется самоубийство потерпевшего либо покушение на

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». П. 7 // Российская газета. 09.02.1999. № 24; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». П. 5 // Российская газета. 12.12.2014. № 284.

⁴ См. об этом, например: *Нуркаева Т. Н.* Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. С. 65—66 ; Квалификация преступлений против личности : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. А. М. Багмета. М. : Юнити-Дана, 2015. С. 43—47.

⁵ Энциклопедия уголовного права. Т. 13. С. 675.

⁶ *Нуркаева Т. Н.* Указ. соч. С 68—69.

него⁷. Некоторые ученые именуют этот состав формально-материальным⁸, что фактически не противоречит первой позиции.

Объективная сторона характеризуется деянием как в форме действия, так и в форме бездействия. Его содержание сформулировано путем указания на *способы* его совершения. Это угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства. Перечень их, как видно, является закрытым. Они достаточно подробно проанализированы в специальной литературе. Подчеркнем лишь то, что к суициду потерпевшего может привести как один из перечисленных в законе способов, так и их совокупность.

Вопрос о *субъективной стороне* состава преступления является не менее спорным. Судебная практика идет по пути признания содеянного доведением до самоубийства, если виновный действовал умышленно. Так, Мещанский районный суд г. Москвы осудил по ст. 110 УК К., который потребовал от военнослужащего Х. денежную сумму, угрожая в случае отказа рассказать третьим лицам позорящие его сведения. Х. покончил жизнь самоубийством. Президиум Московского городского суда констатировал отсутствие в действиях К. состава доведения Х. до суицида, так как в материалах дела нет данных, свидетельствующих о наличии у К. прямого или косвенного умысла⁹.

В литературе также высказывается мнение, согласно которому для привлечения к ответственности по ст. 110 необходимо установить вину в форме умысла¹⁰. По мнению других ученых, это преступление может быть совершено в форме и умысла, и неосторожности¹¹. Высказывается суждение о том, что доведение до самоубийства может быть совершено как умышленно, так и по преступному легкомыслию¹².

А. В. Наумов считает правильной позицию, согласно которой анализируемый состав предполагает совершение преступления с косвенным умыслом. По его мнению, умышленные действия виновного, приведшие потерпевшего к самоубийству, превращают содеянное в убийство, а ответственность за совершение деяния по неосторожности исключается в силу ч. 2 ст. 24 УК, указывающей на необходимость признания неосторожного деяния преступлением только в случаях, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной

⁷ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / С. А. Боженко, Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова [и др.] ; отв. ред. А. И. Рарог. 10-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2014. С. 255 ; Уголовное право. Особенная часть : учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. С. 33.

⁸ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. С. 352.

⁹ Есаков Г. А. Судебная практика по уголовным делам. 2-е изд. М. : Проспект, 2010. С. 657.

¹⁰ Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. С. 353 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / С. А. Боженко, Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова [и др.] ; отв. ред. А. И. Рарог. С. 255.

¹¹ Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундукова, М. В. Талан. М. : Статут, 2012. С. 48.

¹² Квалификация преступлений против личности. С. 169.

части УК¹³. Со ссылкой на ч. 2 ст. 24 УК исключают возможность неосторожной формы вины и другие авторы¹⁴.

Противоположное толкование нормы дают С. В. Бородин и Э. Ф. Побегайло, утверждая, что она при доведении до самоубийства допускает любую форму вины¹⁵. Эта позиция представляется убедительной: содержание нормы ч. 2 ст. 24 УК ориентирует правоприменителя на то, что, если указание в законе на неосторожность отсутствует, гипотетически преступление может быть совершено и умышленно, и неосторожно. Это мнение не относится к числу исключительных. Аналогичную позицию высказывают другие авторы¹⁶.

В числе квалифицирующих признаков, характеризующих субъектный состав преступления, законодатель назвал доведение до самоубийства, *совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой*. Судебная практика по их толкованию и применению тоже относительно устоялась¹⁷. Вместе с тем представляется необоснованной постановка законодателем на одну степень ответственности различные по степени общественной опасности группы.

В частях 1 и 2 ст. 110.1 УК закреплены самостоятельные составы преступлений: в ч. 1 предусмотрена ответственность за *склонение* к совершению самоубийства; в ч. 2 — за *содействие* ему. Из содержания закона следует, что *потерпевшим* от этих преступлений может быть признано любое лицо, за исключением лиц, указанных в квалифицированных составах. Речь идет о ч. 3 ст. 110.1 УК, в которой в качестве потерпевших перечислены те же лица, которые указаны в ч. 2 ст. 110 УК.

Обязательным отличительным признаком объективной стороны обоих составов является способ совершения преступления. В части 1 ст. 110.1 УК это *угрозы, предложения, подкуп, обман*. Перечень способов является открытым. Таковым может быть признан любой иной способ, кроме *угроз, жестокого обращения, систематического унижения чести и достоинства* — способов доведения до самоубийства. В части 2 ст. 110.1 УК дан исчерпывающий перечень способов совершения преступления. Это советы, указания, предоставление информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранение препятствий к его совершению или обещание скрыть средства или орудия совершения самоубийства.

Характер совершаемых виновным действий свидетельствует о том, что в ч. 1 статьи речь идет фактически о *подстрекателе*, т.е. лице, возбуждающем в другом лице желание покончить жизнь самоубийством, а в ч. 2 — о пособнике. Среди ученых устоялось мнение, что первый является более опасным соучастником.

¹³ Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2008. Т. 2 : Особенная часть. С. 104.

¹⁴ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. С. 352 — 353.

¹⁵ Энциклопедия уголовного права. Т. 13. С. 677.

¹⁶ См.: Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография : в 2 ч. М. : Юрлитинформ, 2015. Ч. 1. С. 107.

¹⁷ См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». П. 10.

Оно основано на законе: для признания содеянного добровольным отказом от доведения преступления до конца (ч. 4 ст. 31 УК), например от подстрекателя, требуется совершение «результативных» действий: он должен предотвратить доведение преступления исполнителем до конца, тогда как пособнику достаточно предпринять все зависящие от него меры. Однако за действия «подстрекателя» в ч. 1 ст. 110.1 УК предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, а «пособнику» угрожает лишение свободы на срок до трех лет. Несоразмерность ответственности виновных очевидна.

Все основные составы сконструированы как формальные. Преступления считаются оконченными с момента совершения вышеуказанных действий, когда еще отсутствует, как отмечается в пояснительной записке к законопроекту, конкретная жертва преступления, но имеются все признаки склонения лица к совершению самоубийства. Поэтому следует согласиться с оценкой субъективной стороны обоих составов, данной в одном из комментариев к УК¹⁸. Она характеризуется виной в форме прямого умысла.

Составы преступления, предусмотренные ч. 4, 5 и 6 ст. 110.1 УК РФ, сконструированы как материальные. Обязательным условием ответственности является наступление общественно опасных последствий. В части 4 ст. 110.1 УК в качестве таковых указаны самоубийство или покушение на него; в части 5 — самоубийство или покушение на самоубийство несовершеннолетнего, либо лица, находящегося в беспомощном состоянии, в материальной или иной зависимости от виновного, либо беременной женщины; в части 6 — самоубийство двух или более лиц. Усиление ответственности за эти деяния логично. Нелогичным представляется законодательный подход к формулированию более строгих последствий только в случае *самоубийства* двух или более лиц. Покушение их на самоубийство в действующей редакции закона, не менее опасное деяние, должно быть квалифицировано по ч. 4 или 5 ст. 110.1 УК.

Субъективная сторона этих составов характеризуется виной в форме прямого или косвенного умысла. Неосторожность в данном случае, на наш взгляд, исключается. Характер действий (склонение или содействие), предполагает осознание лицом того, что виновный совершает деяние, которое может привести к суициду и желает либо допускает самоубийство жертвы или покушение на него. Во избежание объективного вменения, представляется необходимым устанавливать, что виновный осознает не только характер совершаемых действий, но и квалифицирующие (особо квалифицирующие) признаки, в частности касающиеся особенностей потерпевших. Анализируемая норма требует, по нашему мнению, распространительной интерпретации. В частности, несмотря на то, что при формулировании этих признаков законодатель использует термин «заведомо» в усеченном варианте, лишь применительно к лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного (п. «а» ч. 3 ст. 110.1 УК), а также беременной женщине, инкриминировать доведение до самоубийства подростка возможно, если виновный знал или допускал факт его несовершеннолетия.

¹⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет Прокуратуры РФ ; под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. ред. В. В. Меркурьев. М. : Проспект, 2018. С. 387.

Субъектом анализируемого состава преступления признается лицо, достигшее 16 лет. Если деяние совершается группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой, оно подлежит квалификации по п. «г» ч. 3 ст. 110.1 УК. Позиция автора аналогична той, которая была высказана применительно к ст. 110 УК.

В статье 110.2 УК предусмотрена ответственность за *организацию* деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. Формулировка диспозиции нормы позволяет констатировать, что *объективная сторона* этого преступления характеризуется деянием в форме действия (действий). Она заключается в *организации деятельности*, направленной на побуждение потерпевшего к совершению самоубийства. Обязательным признаком данного состава является также *способ* совершения преступления. В части 1 — это либо распространение информации о способах совершения самоубийства, либо призывы к совершению самоубийства. *Распространение* информации о способах совершения самоубийства интерпретируется как действия, направленные на ее получение неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц; *призывы* к совершению самоубийства — выраженные в любой форме обращения к другим лицам с целью побудить их к совершению самоубийства¹⁹. И распространение информации, и призывы, совершенные посредством использования СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) влекут ответственность по п. «д» ч. 2 ст. 110.2 УК. Преступление считается оконченным с момента организации указанной деятельности независимо от ее «результативности».

Субъектом этого преступления, по смыслу закона, является лицо, достигшее возраста 16 лет, организатор такой деятельности. В упомянутой ранее пояснительной записке к законопроекту указывается, что речь идет об ответственности администраторов так называемых «групп смерти» и организаторов любых неформальных сообществ, деятельность которых сопряжена с побуждением, и прежде всего детей, к совершению самоубийства. Отсюда закономерно предположить, что рядовые участники этой деятельности подлежат ответственности по ст. 110.1 УК. В связи с этим обращает на себя внимание содержащееся в ст. 110.2 УК неоспорное, на наш взгляд, *примечание*, позволяющее освободить организатора преступления от ответственности. Складывается, на наш взгляд, парадоксальная ситуация: организатор подлежит освобождению, а его «подопечные», менее опасные участники, лишены такой возможности. Логичным представляется распространение института освобождения от уголовной ответственности также на субъектов преступлений, предусмотренных ст. 110, 110.1 УК.

Субъективную сторону преступления характеризует вина в форме прямого умысла, о чем свидетельствует прямое указание закона на направленность деятельности на побуждение к совершению самоубийства.

Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ УК дополнен, как уже отмечалось, статьей 151.2. Она содержит основной (ч. 1) и квалифицированный составы (ч. 2). Криминализация вовлечения несовершеннолетнего в совершение

¹⁹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 2 : Особенная часть. Разд. VII—VIII. С. 342.

действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, направлена на их защиту от поступков, угрожающих жизни. Поэтому здесь речь идет о преступлениях, посягающих не только на общественные отношения, обеспечивающие нормальное нравственное развитие несовершеннолетних, но и на их жизнь, здоровье. Если аналогичные действия совершаются в отношении двух или более несовершеннолетних, они подлежат квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 151.2 УК, что представляется вполне обоснованным.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 151.2 УК, выражается в действиях. Примером такой опасной деятельности являются случаи вовлечения подростков в «трейнерфинг» (поезд на крыше поезда) или иные виды смертельно опасного «зацепинга», ружинг (незаконное проникновение на крыши высоких зданий) либо в иные занятия, в том числе игры по типу «беги или умри», когда ребенку предлагается перебежать дорогу как можно ближе к движущемуся транспорту.

Из содержания диспозиции нормы следует, что речь идет о противоправных действиях несовершеннолетних, тогда как в ее названии термина «противоправность» нет. Использование законодателем словосочетания «противоправные действия» значительно усложнит, на наш взгляд, решение вопроса о привлечении виновного к уголовной ответственности. Назначение нормы состоит в том, чтобы уберечь ребенка от любых действий, угрожающих его жизни, не обязательно противоправных.

В диспозиции нормы перечислены конкретные *способы*, которые вовлекатель использует для оказания желаемого воздействия на несовершеннолетнего: обещания, обман, угрозы, уговоры, предложения. Перечень их является открытым. Исключение составляют действия, побуждающие подростка к самоубийству. За них предусмотрена ответственность, как уже отмечалось, в ст. 110 и 110.1 УК. Склонение к совершению преступления или антиобщественных действий влечет уголовную ответственность, соответственно, по ст. 150 и 151 УК.

Характеризуя конструкцию состава преступления, некоторые ученые относят его к формальным, и потому для признания содеянного оконченным каких-либо последствий не требуется²⁰. Момент его окончания некоторые специалисты связывают с моментом совершения несовершеннолетним опасных для жизни противоправных действий. Если попытки вовлечь несовершеннолетнего в их совершение не увенчались успехом, содеянное предлагается квалифицировать по ч. 3 ст. 30 УК и ст. 151.2 УК²¹. Подобной позиции придерживается судебная практика при применении ст. 150, 151 УК²². При распространении подобной практики на анализируемую норму, нельзя исключать, наряду с прямым, также косвенный

²⁰ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет Прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. ред. В. В. Меркурьев. С. 513.

²¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. Т. 2.

²² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». П. 42 // Российская газета. 11.02.2011. № 29.

умысел. Не исключается при этом постановка вопроса об ответственности также при установлении неосторожности в виде преступного легкомыслия.

Субъектом преступления законодатель провозглашает совершеннолетнее лицо. В связи с тем, что подобного рода действия совершаются зачастую подростками в отношении себе подобных, есть основания подумать о необходимости расширения круга субъектов состава преступления путем установления ответственности в отношении лиц, достигших 16 лет.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Есаков Г. А. Судебная практика по уголовным делам. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2010. — 1104 с.
2. Квалификация преступлений против личности : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. А. М. Багмента. — М. : Юнити-Дана, 2015. — 487 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / С. А. Боженков, Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова [и др.] ; отв. ред. А. И. Рарог. — 10-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2014. — 960 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. ред. В. В. Меркурьев. — М. : Проспект, 2018. — 1376 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. — М. : Юрайт, 2017. — Т. 4 : Особенная часть. Разд. X—XII.
6. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография : в 2 ч. — М. : Юрлитинформ, 2015. — Ч. 1. — 336 с.
7. Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2008. — Т. 2 : Особенная часть. — 504 с.
8. Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики : монография. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2017. — 256 с.
9. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. — М. : Статут, 2012. — 943 с.
10. Уголовное право. Особенная часть : учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2015. — 552 с.
11. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2015. — 1184 с.
12. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. , 2017. — 624 с.
13. Энциклопедия уголовного права. — СПб. : Издание профессора Малинина, 2013. — Т. 13 : Преступления против жизни и здоровья.

Научный поиск

**Александрина
Сергеевна РУБЦОВА,**

кандидат юридических
наук, доцент
кафедры уголовного
права Московского
государственного
юридического
университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

denisova@asdenisova.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

КРИПТОВАЛЮТЫ: ПРЕДМЕТ И СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В условиях развития цифровой экономики уже невозможно отрицание существования «виртуального» имущества, обладающего всеми традиционными признаками, кроме вещности. Рассмотрены понятия и классификации денежных суррогатов и криптовалют, статус криптовалют в качестве предмета и средства совершения преступления. Цель работы — поиск универсального алгоритма квалификации хищения (мошенничества, кражи) виртуальной валюты. Предлагается отказаться от признака вещности имущества как предмета хищения. Проведен анализ подготовленных Минфином России и Банком России законопроектов и изложено авторское понимание перспектив квалификации деяний с использованием криптовалют.

Ключевые слова: криптовалюта, токен, правоотношения, предмет хищения, имущество, цифровая экономика, цифровые технологии, блокчейн, хищение, мошенничество, денежные суррогаты.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.172-181

A. S. RUBTSOVA,

PhD (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

denisova@asdenisova.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

CRYPTOCURRENCIES: SUBJECT AND MEANS OF COMMITTING A CRIME

Abstract. Within the development of digital economy it is already impossible to deny the existence of “virtual property” with all its traditional hallmarks, except its material entity. Treated were the notions and classifications of money surrogates and cryptocurrencies, the status of cryptocurrencies as a subject and means of committing a crime. The aim of this work is to search a universal algorithm for qualifying the theft ((fraud, stealing) of virtual currency. It is suggested to give up the hallmark of material entity of the property as the object of theft. There was carried out an analysis of bill drafts prepared by the Ministry of finance and the Central bank of the Russian federation and the author’s view of the perspectives of qualifying offences involving the use of the cryptocurrency.

Keywords: cryptocurrency; token; legal relations; subject of theft; property; digital economy; digital technologies; blockchain; theft, fraud, money surrogates.

В настоящее время развитие современных технологий приводит к тому, что традиционное понимание имущества не всегда позволяет осуществлять полноценную защиту отношений собственности. Цифровая экономика — реальность сегодняшнего дня. Нельзя отрицать и появление такого феномена, как интернет вещей, исключающего из части действий и операций необходимость участия человека¹. Если несколько лет назад возможность заключения смарт-контрактов была чем-то фантастическим, то с ростом применения технологии блокчейн это стало реальностью. Актуально придание данным явлениям юридически значимой формы, есть необходимость контролировать условия и ограничения, установленные законодательством государства, и привлекать к ответственности за их нарушения.

Многие годы незыблемым является постулат, что предметом хищения может быть только имущество, отвечающее следующим признакам:

- 1) вещным (имеет определенную физическую форму);
- 2) экономическим (обладает объективной экономической стоимостью);
- 3) юридическим (чужое для виновного)².

Однако же появление криптовалюты и технологии блокчейн, активное их использование уже не только отдельными энтузиастами из виртуальной среды, но и рядовыми обывателями заставляет задуматься о соответствии этих признаков современным экономическим реалиям.

Едва ли кто-то сегодня серьезно отрицает, что электронные деньги являются частью денежного оборота. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» дал определение электронным денежным средствам, электронным средствам платежа.

Электронные деньги являются денежной стоимостью, предоставленной требованием на эмитента. Эта стоимость хранится на электронном устройстве, принимается в качестве средства платежа иными учреждениями, кроме эмитента, выпускаются по получении средств эмитентом в размере не менее внесенной в качестве предоплаты суммы³.

В России наиболее популярны две электронные платежные системы: WebMoney и Яндекс.Деньги. С 2011 г. в России работает крупнейшая дебетовая электронная платежная система PayPal. Как справедливо замечено специалистами, «Банк России устанавливает общие требования по обеспечению средствами антивирусной защиты банковских платежных и информационных технологических процессов при использовании Интернета и средств криптографической защиты информации. Уделено особое внимание обработке персональных данных. Однако применение стандартов для кредитных организаций осуществляется на

¹ Сидоренко Э. Л. Криминологические риски оборота криптовалюты // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 6. С. 149.

² См.: Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. 2-е изд. М., 2000. С. 91.

³ См.: Ревенков П. В. Электронные деньги: источник рисков при использовании в противоправных целях // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 1 (334). С. 165.

добровольной основе. Таким образом, гарантии защиты потребителей при использовании альтернативных систем расчетов по-прежнему нет»⁴.

Удобства использования электронных денег сопряжены с сопутствующими рисками. Хищение электронных денег с помощью определенных инновационных методов возможно. Судебная практика не отрицает квалификации незаконного изъятия и обращения электронных денег как мошенничества (ст. 159.6 УК РФ), несмотря на то, что признак вещиности им не присущ. Как справедливо отмечает В. Г. Шумихин, данный пробел восполняется расширительным толкованием, данным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ⁵. На самом деле в ст. 159.6 УК РФ не представлен частный случай мошенничества, но нет там и новой формы хищения. Данная норма — попытка законодателя установить ответственность за хищение электронных денег, а специфика такого деяния связана не столько со способом, сколько с тем, что предмет лишен вещного признака.

Еще одна из проблем — это сложности квалификации деяний с денежными суррогатами. Первоначально криптовалюты пытались отнести именно к ним. Запрет на выпуск суррогатов есть, а ответственности при этом не установлено. Можно выделить следующие виды денежных суррогатов:

- номинативные денежные суррогаты;
- платежные денежные суррогаты;
- дисконтные денежные суррогаты;
- премиальные денежные суррогаты⁶.

Квалификация деяний, связанных с использованием различных программ потребительской лояльности, несмотря на существующие сложности, не противоречит традиционному пониманию предмета хищения, но квалификация хищения криптовалюты в настоящее время вызывает определенные сложности.

Биткоин (BTC) — наиболее успешный пример использования криптовалюты в виртуальной среде. Следует согласиться с А. А. Попиковым, что «виртуальная экономика — составная часть инновационной экономики, а криптовалюта Bitcoin является финансовым инструментом виртуальной, а в более широком смысле — инновационной экономики»⁷. Если первоначально это был всего лишь эксперимент, доказывающий возможность хождения электронных денег, то сейчас это успешный и действенный экономический инструмент.

Группа неформальных шифровальщиков в 1992 г. разрабатывала возможность сохранения анонимности расчетов, а в 1998 г. уже появилась одна из первых концепций криптовалюты. Через десятилетие Сатоши Накамото опубликовал статью «Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System» («Биткоин: пиринговая

⁴ Марамыгин М. С., Прокофьева Е. Н., Маркова А. А. Сущность электронных денег, преимущества и недостатки // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2016. № 1. С. 65.

⁵ См.: Шумихин В. Г. Седьмая форма хищения чужого имущества // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 230.

⁶ См.: Есаков Г. А. Денежные суррогаты и ответственность за хищение // Уголовное право. 2015. № 1. С. 48—53.

⁷ Попиков А. А. Криптовалюта Bitcoin как финансовый инструмент виртуальной экономики // Вопросы инновационной экономики. 2016. № 2. С. 89.

система электронной наличности»), в которой описана децентрализованная система на основе блокчейна. В 1999 г. он успешно запускает свой проект, который работает сегодня.

В настоящий момент существуют сотни криптовалют, но реальный вес имеют такие, как Bitcoin, Litecoin, Ripple и Ethereum⁸. На самом деле обладатель знаний в шифровании и кодировании может сделать клон существующей валюты. В связи с этими процессами на повестке дня — правовой статус криптовалюты. Биткоин (BTC) — наиболее популярная криптовалюта в мире. На конец августа 2018 г. «циркулирующих предложений» — 17 234 912 BTC, все вместе они «стоят» 116 238 806 533 долл. США. Созданная на этой основе в августе 2017 г. криптовалюта Bitcoin Cash (BCH) сейчас на четвертом месте по общей стоимости (капитализации): «циркулирующие предложения» — 17 316 213 BCH, стоимость капитализации — 9 174 160 027 долл. США.

Наиболее существенными признаками криптовалют следующие:

- децентрализованность;
- «производство» виртуальной валюты использует криптографические методы и усилия всей сети с ее мощностями;
- анонимность;
- ничем не обеспечены, не имеют никаких гарантий;
- виртуальные валюты способны перемещаться по миру без ограничений.

Одним из главных достоинств криптовалют называют их качественную защиту. Безграничны возможности транзакций: любой держатель кошелька может платить кому угодно, где угодно и за что угодно. Их невозможно проконтролировать или запретить, так что можно совершать переводы в любую точку мира, где бы ни находился другой пользователь с кошельком Биткоин. Не нужно платить комиссии и пошлины банкам и прочим организациям⁹. В сети нет единого управляющего центра, который бы обрабатывал информацию о транзакциях, балансе программ-кошельков и т.д. Вся эта информация хранится в компьютерах владельцев биткоинов, и считается, что она не может быть подделана или искажена. В таких «кошельках» нет традиционных способов идентификации, для совершения транзакции достаточно публичного идентификатора получателя.

Курсы криптовалют зависят от доверия пользователей. Курс биткоина меняется в широких пределах в течение дня. Как факт — множество бирж, и формально можно сказать, что у каждой свой курс. Инвестиционные риски, надо отметить, также достаточно велики. Один из главных плюсов — анонимность — одновременно и минус. Физически невозможно вернуть потерянные биткоины. Система настолько анонимна и безопасна, что если участник теряет свой секретный ключ, играющий роль пароля для совершения операций, то восстановить его невозможно.

Централизованные системы виртуальных валют или электронных денег — Perfect Money, Webmoney — существовали еще до появления криптовалют. Их

⁸ Top 100 Cryptocurrencies by Market Capitalization // URL: <https://coinmarketcap.com> (дата обращения: 27.08.2018).

⁹ Ларцева Т. О. Российская криптовалюта // Вестник международного института экономики и права. 2015. № 5. С. 64—66.

эмитирует администратор, он же контролирует всю систему, вводит правила использования валюты, ведет и хранит реестр транзакций, может изымать валюту из обращения.

У криптовалют (Bitcoin, Ethereum, LiteCoin, Ripple) отсутствует и единый администратор, и централизованный контроль или надзор. Информация о передаче прав собственности передается через пиринговую сеть (сеть, в которой информация передается между компьютерами пользователей напрямую или через компьютеры других пользователей) способом, который обеспечивает по прошествии короткого периода времени, в течение которого происходит подтверждение транзакций, безопасность и целостность передачи стоимости¹⁰.

При всех достоинствах есть и недостатки, которые существенно ограничивают мировое распространение криптовалют:

- возможность развития теневой экономики за счет криптовалюты;
- возможность сокрытия части своих доходов, что позволяет развивать систему уклонения от налогов;
- возможность совершения нелегальных анонимных операций;
- высокая зависимость от освещения в СМИ;
- невозможность заморозки счетов;
- трудозатраты на адаптацию¹¹.

Мы не можем отрицать и тот факт, что криптовалюта существует и используется весьма широко, и другой факт, что правовая база крайне скудна и практически не разработана. Виртуальной валюте присущи функции фиатных валют. Она является мерой стоимости, может измерять стоимость товаров также корректно, как и реальная валюта. При этом нельзя сказать, что в экономическом мировом сообществе есть единый подход к пониманию сути криптовалюты. Сингапурские налоговые органы считают биткоин товаром и приравнивают его покупку к покупке программного обеспечения. В Германии это «частные деньги», а в США — это децентрализованная виртуальная валюта. В Боливии и Эквадоре запрещено их использование. В США, Германии, Сингапуре действуют ограничения на оборот криптовалют. В Японии биткоин признается законным средством платежа. Большинство развитых стран адаптируют свое законодательство для регулирования оборота криптовалют¹².

В России запрещено использование «денежных суррогатов», но в законодательстве до сих пор не существует определения «денежного суррогата» и не предусмотрено ответственности за операции с ним.

В 2015 г. главой Банка России было заявлено, что Банк России продолжит внимательно следить за рынком Bitcoin и при необходимости станет регулировать его. В середине 2016 г. Минфин РФ заявил о готовности приравнивать криптовалюту

¹⁰ Кочетков А. В. Характеристика свойств и классификации криптовалют // Финансовые исследования. 2017. № 4 (53). С. 30.

¹¹ Любина Д. С., Золотарюк А. В. Криптовалюта как инновационный инструмент мировой торговли // Интерактивная наука. 2016. № 10. С. 145—146.

¹² См.: Николайчук О. А. Электронная валюта в свете правовых и экономических вызовов // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2017. № 1. С. 141—144.

к иностранной валюте. В августе того же года в Москве открылся первый Bitcoin-обменник. После хакерской атаки на гонконгской бирже заявление Минфина РФ о криптовалютах было отозвано, хотя технологию блокчейн планируется внедрять. Минфин тут же подготовил поправки в Уголовный кодекс РФ, согласно которым выпуск денежных суррогатов с целью сбыта наказывался лишением свободы на срок до 4 лет. Аналогичную инициативу заявлял А. Бастрыкин, глава Следственного комитета РФ. Противники криптовалют указывали на то, что есть серьезные риски подрыва национальной безопасности, расширяются возможности для отмывания денег и финансирования терроризма.

Эта позиция была критически воспринята банковским сообществом России. Как справедливо отметил Герман Греф, введение в России уголовной ответственности за обмен биткоинов приведет к остановке развития перспективной технологии блокчейн и к регрессу страны в целом. Против введения уголовной ответственности выступили Генеральная прокуратура и Минюст, с чем в итоге согласились в Минфине и Банке России.

В настоящее время Минфин предлагает регулировать криптовалюту как иное имущество и классифицировать ее как актив и наделить правом покупать криптовалюту только квалифицированных инвесторов на Московской бирже, так как инвестиции такого рода являются высокорискованными. А. Моисеев, заместитель министра финансов, ссылается на то, что «если биткоин называть деньгами, то возникнет валютный контроль... Кроме того, придется вводить антиотмывочное регулирование, в частности, нужно будет применять норму “знай своего клиента”, учет транзакций, норму обмена биткоина на наличные»¹³. О. Скоробогатова, зампред ЦБ РФ, предлагала идентифицировать криптовалюты в качестве цифрового товара и ввести их налогообложение.

И все-таки в 2017 г. лояльность властей России к криптовалютам существенно возросла. Так, межведомственная рабочая группа по оценкам рисков оборота криптовалюты при Государственной Думе начала обсуждать внесение поправок в законодательство, благодаря которым в России станет возможно проведение ICO (сбор инвестиций в криптовалюту). В настоящее время власти решили пока не вводить регулирование криптовалют, а сконцентрироваться на легализации технологии блокчейн¹⁴. Тем не менее С. Швецов, первый зампред ЦБ РФ, на форуме производных финансовых инструментов (октябрь 2017 г.) заявил о наличии в поведении участников торгов криптовалютами признаков финансовой пирамиды¹⁵. Банк России стабилен в негативной линии отношения к криптовалютам.

Итогом споров стала разработка проекта федерального закона «О цифровых финансовых активах», в котором цифровой финансовый актив определяется как имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств. Права собственности на данное имущество удо-

¹³ Минфин превратит биткоины из денег в товар // URL: <http://www.rbc.ru/finances/08/06/2017/593980be9a794722aebc7ecd> (дата обращения: 24.08.2018).

¹⁴ В России решили пока не вводить регулирование криптовалют // URL: <https://ria.ru/economy/20170926/1505563453.html> (дата обращения: 24.08.2018).

¹⁵ Банк России нашел у криптовалют признаки финансовой пирамиды // URL: <https://lenta.ru/news/2017/10/10/pyramid/> (дата обращения: 24.08.2018).

стоверяются путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. К цифровым финансовым активам относятся криптовалюта, токен. Цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации¹⁶.

Учитывая неопределенность гражданско-правового статуса криптовалют, стоит, однако, отметить, что они уже занимают свое место в российской финансовой системе. В настоящий момент необходимо определить уголовно-правовые риски и разработать возможные меры уголовно-правовой защиты. Как справедливо отмечает Л. Д. Сидоренко, от гражданско-правового определения виртуальной валюты напрямую зависит ее статус как предмета и средства преступного посягательства¹⁷.

Если придерживаться позиции Минфина России и относить криптовалюты к «имуществу», то существенно расширяется возможность применения норм, предусматривающих уголовно-правовую защиту собственности. Криптовалюты могут рассматриваться в качестве предмета хищения, хотя несомненно, что это отличается от традиционного подхода. Следует обратить внимание на возможности ICO, которые содержат в себе значительный потенциал для совершения мошенничества. Привлечь виновных к ответственности в настоящее время не представляется возможным, так как мы не можем отнести криптовалюты к предмету хищения.

Фактически же осуществляется классическая схема, когда виновный, собирая с пользователей сетей биткоины, которые невозможно вернуть, дает им обязательства будущих прибылей от своего стартапа. Во всем мире наблюдается активность подобных криминальных схем, когда нет намерения исполнить обязательства. Ну и, несомненно, существуют угрозы использования чужого оборудования и кибервымогательства.

Появились и другие незаконные способы извлечения выгод и прибыли, связанные с использованием блокчейн-технологий: хищение электроэнергии «майнерами»; хищение видеокарт компьютеров и иных устройств; предоставление открытого доступа пользователей сети Интернет к данным государственной тайны при использовании сверхмощных компьютеров в закрытых административно-территориальных образованиях; завладение путем обмана токенами и криптовалютами, смарт-контрактами¹⁸.

В 2017 г. во всех странах мира начал распространяться вирус-вымогатель, который блокирует доступ к данным на компьютере жертвы и требует 300 дол-

¹⁶ Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» // URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810&page_id=2104&popup=Y&area_id=4 (дата обращения: 24.08.2018).

¹⁷ Сидоренко Э. Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 130—133.

¹⁸ См.: Маринкин Д. Н. Актуальные вопросы правового регулирования электронных технологий блокчейн и криптовалют в контексте обеспечения безопасности национальной экономики современного правового государства // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2 (80). С. 37—40; Дюдикова Е. И. Блокчейн в национальной платежной системе: сущность, понятие и варианты использования // Инновационное развитие экономики. 2016. № 4 (34). С. 139—149.

ларов в биткоинах за разблокировку. На наш взгляд, данные деяния полностью охватываются ст. 272 и 273 УК РФ, но вот квалификация такого деяния, как вымогательства, невозможна, так как угроза не связана с уничтожением имущества. Требуется существенный пересмотр не только понимания имущества как предмета преступлений против собственности, но и способов посягательства на него с учетом его свойств.

Криптовалюты могут выступать в качестве как предмета, так и средства совершения преступления. Во втором случае у правоприменителя в основном не возникает вопросов. Суды не испытывают затруднений при квалификации деяний, в которых криптовалюты выступают как средство оплаты оружия, наркотиков, порнографии и т.п. Операции с криптовалютами рассматриваются как доказательства по уголовному делу. Несмотря на отсутствие средств идентификации пользователей криптовалют по номерам кошельков, информация о транзакциях используется для проверки подозрений и уточнения обстоятельств по делу.

Действительно, велик криминальный потенциал криптовалют при легализации средств, добытых преступным путем, и финансировании терроризма. Однако стоит согласиться с мнением, что сам факт приобретения криптовалют, даже за счет средств, добытых преступным путем, еще не является их легализацией, «признаки легализации могут иметь место только при использовании подставных лиц для совершения операций по обмену криптовалют или других действий, направленных на введение денег в законный оборот»¹⁹.

В России есть факты возбуждения уголовных дел, связанных с обналичиванием биткоинов. Так, сотрудниками Управления уголовного розыска УМВД России по Костромской области и УФСБ России по Костромской области задержаны трое участников группы, осуществлявших незаконную банковскую деятельность путем использования одной из международных платежных систем и площадки по обмену биткоинов²⁰. Интересно то, что лицам вменяется осуществление незаконной банковской деятельности, учитывая, что биткоины официально не признаны валютой или платежным средством. В то же время это свидетельствует о том, что правоприменитель придал им данный статус, признавая проводимые операции незаконной, но банковской деятельностью.

Когда же речь идет о хищении криптовалют, то тут судебная практика не отличается однообразием. Чаще всего правоприменитель отказывает в возбуждении уголовного дела, так как в традиционном понимании отсутствует предмет хищения, следовательно, и нет состава кражи. Можно выделить три основных способа хищения: а) создание поддельных электронных кошельков; б) создание фишинговых сайтов; в) финансовые пирамиды²¹.

¹⁹ Галушин П. В., Карлов А. Л. Сведения об операциях с криптовалютами (на примере биткоина) как доказательства по уголовному делу // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 2 (4). С. 90—95.

²⁰ Костромские полицейские направили в суд уголовное дело в отношении злоумышленников, которые нелегально зарабатывали на обналичивании и продаже криптовалюты // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/11019155/> (дата обращения: 26.08.2018).

²¹ Сидоренко Э. Л. Криминологические риски оборота криптовалюты. С. 153.

Есть мнение, что данные деяния можно квалифицировать как неправомерный доступ к компьютерной информации, поскольку «криптовалюта похищается с цифровых кошельков и неизбежно влечет изменение информации (в том числе баланса кошелька), и можно говорить о наличии состава неправомерного доступа к компьютерной информации»²². На наш взгляд, в данном случае, даже если действия виновного будут квалифицированы по ч. 2 ст. 272 УК РФ как неправомерный доступ к компьютерной информации, совершенные из корыстной заинтересованности, мы упускаем саму суть. В первую очередь виновный посягает именно на отношения собственности, все остальное связано только со способом посягательства, и основное его деяние все равно остается за рамками квалификации. Задачей уголовного права является и предупреждение преступлений, а игнорирование хищений криптовалют существенно снижает правовые гарантии защиты права собственности.

Несмотря на то, что электронные денежные средства и криптовалюта не совсем идентичны, на наш взгляд, правоприменителю следует исходить из толкования, данного в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

Пока законодатель окончательно не решит вопросы, связанные с правовым статусом криптовалют, весьма противоречивая правовая ситуация, когда в одних случаях это денежный суррогат, а в других их приравнивают к иному имуществу, сохранится. Для полноценной защиты отношений собственности постепенно придется отказываться от признака вещиности имущества. Думается, при квалификации деяний, совершенных в отношении криптовалют или с их использованием, должны применяться те же принципы, что и при квалификации с электронными деньгами.

Предстоит глобальный пересмотр содержания отношений собственности и самого понятия имущества как предмета посягательства. В условиях развития цифровой экономики уже невозможно отрицать существование «виртуального» имущества, обладающего всеми традиционными признаками, кроме вещиности. Данный подход позволит защищать законными способами в рамках российской национальной правовой системы отношения собственности, а также привлекать инвесторов, в том числе из других государств, снизив потенциальные криминальные риски использования технологий блокчейн и криптовалют, тем самым обеспечивать стабильность национальной экономической безопасности.

²² Сидоренко Э. Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации. С. 135.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Галушин П. В., Карлов А. Л.* Сведения об операциях с криптовалютами (на примере биткоина) как доказательства по уголовному делу // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2017. — Т. 2 (4). — С. 90—95.
2. *Дюдикова Е. И.* Блокчейн в национальной платежной системе: сущность, понятие и варианты использования // Инновационное развитие экономики. — 2016. — № 4 (34). — С. 139—149.
3. *Есаков Г. А.* Денежные суррогаты и ответственность за хищение // Уголовное право. — 2015. — № 1. — С. 48—53.
4. *Кочои С. М.* Ответственность за корыстные преступления против собственности. — 2-е изд. — М. : Профобразование, 2000. — 288 с.
5. *Кочетков А. В.* Характеристика свойств и классификации криптовалют // Финансовые исследования. — 2017. — № 4 (53). — С. 29—37.
6. *Ларцева Т. О.* Российская криптовалюта // Вестник международного института экономики и права. — 2015. — № 5. — С. 64—66.
7. *Любшина Д. С., Золотарюк А. В.* Криптовалюта как инновационный инструмент мировой торговли // Интерактивная наука. — 2016. — № 10. — С. 145—146.
8. *Марамыгин М. С., Прокофьева Е. Н., Маркова А. А.* Сущность электронных денег, преимущества и недостатки // Вестник Омского университета. — Серия «Экономика». — 2016. — № 1. — С. 60—65.
9. *Маринкин Д. Н.* Актуальные вопросы правового регулирования электронных технологий блокчейн и криптовалют в контексте обеспечения безопасности национальной экономики современного правового государства // Вестник Прикамского социального института. — 2018. — № 2 (80). — С. 37—40.
10. *Николайчук О. А.* Электронная валюта в свете правовых и экономических вызовов // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). — 2017. — Т. 8. — № 1. — С. 141—154.
11. *Попиков А. А.* Криптовалюта Bitcoin как финансовый инструмент виртуальной экономики // Вопросы инновационной экономики. — 2016. — № 2. — С. 89—106.
12. *Ревенков П. В.* Электронные деньги: источник рисков при использовании в противоправных целях // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2016. — Т. 12. — Вып. № 1 (334). — С. 164—175.
13. *Сидоренко Э. Л.* Криминологические риски оборота криптовалюты // Экономика. Налоги. Право. — 2017. — № 6. — С. 147—151.
14. *Сидоренко Э. Л.* Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. — 2018. — № 2. — С. 130—133.
15. *Шумихин В. Г.* Седьмая форма хищения чужого имущества // Вестник Пермского университета. — Юридические науки. — 2014. — Вып. 2 (24). — С. 229—233.

ОТ ТЕОРИИ — К ПРАКТИКЕ: РАБОТЫ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. — М. : Проспект, 2019. — 1536 с.

Своевременное оперативное осмысление вносимых изменений не только в Уголовный кодекс РФ, но также в связанные с ним многочисленные законные и подзаконные акты, можно считать одной из основных задач и одновременно одним из существенных критериев оценки качества увидевшего свет комментария уголовного закона. Одной из заслуживающих внимания особенностей работы является то, что в ней разъяснения даны применительно не только к отдельным статьям УК РФ, как это традиционно бывает, но также к каждой его главе в целом.

В комментариях, касающихся глав Общей части УК РФ, чаще всего речь идет том, что не нашло отражения в статьях анализируемой главы. Так, например, в гл. 3 «Понятие преступления и виды преступления» делается акцент на том, что в ней представлены далеко не все виды преступлений, в связи с чем приводятся дефиниции понятия единичного преступления и некоторых его разновидностей: длящегося преступления, продолжаемого преступления, сложного преступления и т.д. Постановка и освещение этих и других вопросов (в том числе относительно понятия неоднократности и систематичности преступлений), рассматриваемых в рамках характеристики данной главы в целом, безусловно, достаточно актуальны и вполне уместны.

В главе 4 «Лица, подлежащие уголовной ответственности» предметом разъяснения являются не закрепленные ее статьями, но широко используемые в теории и на практике понятия «субъект преступления», его общие и специальные признаки, а также соотношение понятий субъекта преступления и личности преступника. Аналогичное можно сказать и относительно многих других глав Общей части УК, в которых авторы, не повторяясь с тем, что указывается к конкретным статьям, содержащимся в главе, раскрывают то, о чем в ней речь не идет, но имеет значение для уяснения содержания ее статей: в гл. 5 «Вина» — это общее понятие вины, ее интеллектуальное и волевое содержание, социальная сущность вины, степень вины и взаимосвязь вины с субъективной стороной преступления; в гл. 6 «Неоконченное преступление» — вопросы о видах стадий совершения преступления, соотношении стадий с так называемым обнаружением умысла и сокрытием преступления; в гл. 8 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» — общее понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния, отдельная характеристика тех из них, которые не предусмотрены в УК РФ (согласие потерпевшего; религиозные обряды; причинение вреда при исполнении специального задания; восстание народа при сопротивлении тирании; провокация преступления; осуществление своего права; выполнение профессиональных обязанностей; исполнение закона; права родите-

лей и воспитателей; взаимность; спортивные состязания; причинение вреда в ситуации вооруженного конфликта и т.д.).

Иной подход использован применительно к комментированию глав Особенной части УК РФ, которые решают задачу разграничения видов преступлений, предусмотренных различными главами. Одним из распространенных вариантов решения данной задачи является формулирование авторского или наиболее распространенного в юридической литературе общего понятия преступлений, предусмотренных статьями различных глав Особенной части УК РФ. Такой подход нашел отражение, в частности, в гл. 16, 18 и 21. Другой вариант — характеристика понятия не самих преступлений какого-либо вида, а того, что именуют их объектом (родовым, групповым, видовым) посягательства и используют в работе в качестве основания для классификации данных преступлений. По этому пути пошли авторы комментариев, например, к гл. 17, 19 и 25. Особенностью третьего, также достаточно распространенного варианта общей характеристики главы Особенной части УК РФ можно назвать то, что в данном случае авторы высказываются по поводу специфики не только объекта, но и всех иных элементов состава преступления, а иногда и в отношении квалифицирующих признаков (гл. 24, 29 и 30).

Разъяснения, содержащиеся в работе, конкретны и информативны. Предельно лаконичные в одних случаях и подробные в других, данные разъяснения УК РФ отвечают требованиям полноты, основываются на использовании различных приемов толкования, при необходимости обеспечиваются ссылками на нормативные и иные источники, в том числе на правовые позиции Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, решения Президиума Верховного Суда РФ, Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, а также на материалы опубликованной судебной практики по отдельным уголовным делам. Учитывая, что в подготовке комментария принимало участие большое количество ученых, следует отметить и то, что авторскому коллективу удалось не только обеспечить единство стиля, но и избежать серьезных противоречий в разъяснении текста УК РФ. Авторы не оставили без внимания и вопросы, решение которых, имея самое непосредственное отношение к применению уголовного закона, носит дискуссионный характер. К числу таких вопросов можно отнести проблемы, возникающие при уголовно-правовой оценке возможности соучастия или выделения стадий при превышении пределов необходимой обороны; покушения с абсолютно непригодными средствами, при котором в силу крайнего невежества лица или наличия у него суеверий используются средства, не способные ни при каких обстоятельствах привести к намеченному преступному результату; признания акцессорной природы соучастия; квалификации преступления, совершенного совместно с лицом, не являющимся субъектом, и т.д.

К постатейным комментариям привязаны два вида приложений. Первые из них расположены сразу после текста статьи УК РФ перед

ее комментариями и именуются по-разному: «Законодательство», «Законодательство и постановления Пленума Верховного Суда РФ», «Постановления Пленума Верховного Суда РФ». Соответственно, и содержание данного вида приложений составляют перечни нормативных, в том числе международных, и (или) ненормативных актов, которые имеют непосредственное отношение к тексту или применению комментируемой статьи. При этом совершенно очевидно, что авторы стремились перечислить здесь не все, а лишь наиболее важные с их точки зрения нормативные и (или) ненормативные акты, поскольку дать в каждом конкретном случае их исчерпывающий перечень — задача нереальная во многих отношениях для любого произведения. Второй вид приложений помещен после комментариев к той или иной статье УК РФ и именуется «Судебная практика».

Авторы комментария также сформировали специальное приложение к статьям УК РФ, содержащим конкретные решения по соответствующим уголовным делам. В комментарии указана информация об имеющейся по теме специальной юридической литературе. Список этой юридической литературы (1—5 работ) сформирован с той целью, чтобы обеспечить читателю возможность с его помощью получить дополнительную информацию по комментируемой главе УК РФ. В данном списке перечислена юридическая литература, изданная в основном в последнее время, хотя принималась во внимание и ее фундаментальность.

В конечном счете главное отличие комментария состоит в том, что он способен предоставить сравнительно больший объем информации, потребность в которой возникает при изучении или практическом применении УК РФ.

Качество уголовного закона: проблемы Особенной части : монография / отв. ред. А. И. Рарог. — М. : Проспект, 2017. — 384 с.

Наличие значительного количества учебников, учебных пособий, научных статей и различных комментариев поставило перед членами кафедры задачу научной оценки общего состояния современного уголовного права России и качества наиболее применяемых и социально значимых норм действующего отечественного уголовно-правового законодательства с позиций их соответствия фундаментальным ценностям, провозглашенным Конституцией РФ и международным правом, а также федеральными законами России, их соответствия принципам и концептуальным положениям Уголовного кодекса РФ, требованиям системности и идеологической цельности уголовного законодательства. В случае установления несоответствия качества той или иной уголовно-правовой нормы перечисленным ценностям и требованиям авторами предлагаются варианты решения обнаруженной проблемы и устранения пробелов, неточностей и неопределенности правоприменения с тем, чтобы обратить на это внимание законодателя и научной общественности.

В связи с поставленной задачей авторы уделили внимание проблемам качества уголовно-правовой охраны жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ), конструирования преступлений против свободы, чести и достоинства личности (гл. 17 УК РФ), половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18 УК РФ), конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 19 УК РФ), собственности (гл. 21 УК РФ).

Углубленно исследованы хозяйственные преступления (гл. 22 УК РФ), оценено качество «антитеррористических» норм в российском уголовном законодательстве (гл. 24 УК РФ), а также криминализации деяний против здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ), безопасности движения и эксплуатации транспорта (гл. 27 УК РФ), в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ), против основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29 УК РФ), порядка управления (гл. 32 УК РФ), мира и безопасности человечества. Научной оценке подверглось качество норм о взяточничестве (гл. 30 УК РФ).

На примере уголовно-правовой охраны жизни и здоровья авторами определяется общая концепция и цель работы, которая сводится к повышению качества уголовного закона. Качество уголовно-правовой охраны социально значимых общественных отношений, интересов, объектов — вопрос, ответ на который имеет множество составляющих и разрешение которого возможно в системном контексте, включая:

- решение вопроса о качестве отражения в уголовно-правовых нормах социальной необходимости (потребности) в обеспечении физической безопасности человека от посягательств со стороны других лиц;
- преодоление трудностей уголовно-правовой оценки (конкуренции, коллизий уголовно-правовых норм) в процессе квалификации преступлений;
- соблюдение правовой и уголовно-политической последовательности в официальных актах судебного толкования положений Уголовного кодекса РФ, а также норм Общей части Уголовного кодекса РФ о порядке их применения.

В итоге качество охраны проявляется в ее результатах. В частности, качество уголовно-правовой охраны жизни и здоровья (как и других охраняемых уголовно-правовым законом благ) необходимо увязывать с анализом результатов правоприменительной деятельности не только по состоянию дел, рассмотренных в судах, но и по показателям исполнения приговоров, отбытым наказаниям, данным о специальном рецидиве и пр.

Задача характеристики качества уголовного закона состоит из двух масштабных составляющих — системы уголовно-правовых запретов и адекватных технико-юридических приемов их отражения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ с позиции социальной, политической и правовой необходимости.

Основанием для суждения о достаточности уголовно-правовой охраны того или иного блага служит в первую очередь система запретов,

получивших отражение в основных составах преступлений. Сходство или различие в системе производных составов отражает постоянство (или изменчивость) социального и, следовательно, уголовно-правового значения обстоятельств совершения преступлений с признаками основного состава. В некоторых случаях признаки усиления или смягчения наказуемости характеризуют глубину (детализацию) запрета, не всегда излишнюю, иногда необходимую, качественную.

С точки зрения достаточности запретов для уголовно-правовой охраны зарубежный опыт представляет собой инструмент, который мало пригоден для ее оценки. Юридическая техника — не столь принципиальный в уголовно-политическом отношении вопрос. Техничко-юридические приемы формулирования запретов, их нормативного отображения могут быть благоприобретенными, в том числе посредством заимствования чужого нормотворческого опыта.

В уголовно-политическом отношении важны история формирования и развития политико-правовой и уголовно-политической идеологии, нравственная и правовая традиция. Чем они значительнее и старше, тем они важнее для выводов о том, какие интересы участников политического общения (субъектов уголовного права) являются необходимыми для их существования и, следовательно, уголовно-правовой охраны.

История российского уголовного права приближается к своему трехсотлетнему порогу. За это время в ней реализовались три уголовно-политические (и уголовно-правовые) системы, основанные на двух сменявших друг друга и диалектически непримиримых уголовно-политических (и уголовно-правовых) концепциях, обусловивших существенные различия в содержании таких уголовно-правовых категорий, как «преступление», «наказание», «ответственность»). В правовом отношении подобного опыта не было ни в одной другой стране.

Значение охраняемых интересов субъектов уголовного права нельзя оценивать с точки зрения чужого политического опыта еще и потому, что вопрос об объектах уголовно-правовой охраны, в частности о необходимости и достаточности уголовно-правовой охраны жизни человека, общество решает самостоятельно (без посторонней помощи), руководствуясь при этом своими нравственными принципами, своими национальными традициями, своими представлениями о принципах многонационального единства и своими правовыми тенденциями, сложившимися в рамках национальной культуры, тем более многовековой. Таким образом, работа представляет научный взгляд на обоснованность и достаточность существующих уголовно-правовых запретов, рассмотренных в контексте современных реалий и угроз применительно к российской действительности.

Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под ред. А. И. Чучаева. — М. : Проспект, 2015. — 303 с.

Научное издание посвящено исследованию такого памятника советского уголовного права, как Советское уголовное уложение. Данный источник уголовного законодательства был разработан левозсеровским руководством Наркомюста в конце 1917 — начале 1918 г. в основу которого положено Уголовное уложение 1903 г., принятое в период царствования Николая II, но так и не вступившее в силу в полном объеме. Уголовное уложение 1918 г., хотя и не применялось на практике, однако является памятником уголовного права, несет на себе отпечаток эпохи, в которую он разрабатывался. Изучение Советского уголовного уложения является актуальным для исследователей как уголовного права, так и истории права, поскольку оно было разработано в период разрушения государственного строя царской России и создания «нового» Советского государства. Произошел глубокий разрыв в отечественной правовой традиции, многое из наработанного раньше как в теории, так и на практике оказалось отвергнуто. Провозглашаемая советской властью политика разрушения «пережитков прошлого», искоренения всего буржуазного все-таки позволила левозсеровскому крылу Наркомюста создать данный памятник права. Можно утверждать, что он явился компромиссом, переходным этапом между законодательством Российской империи и РСФСР.

Научное издание представляется своевременным на сегодняшний день, поскольку многие «новые» положения об изменении и улучшении действующего уголовного законодательства, отстаиваемые различными авторами современного периода развития уголовно-правовой науки, подчас представляются в недостаточной степени аргументированными и обоснованными.

Авторами проведена серьезная работа, заключающаяся в системном сравнительно-правовом анализе Уложения. В издании правовой акт анализируется учеными, с одной стороны, как объект, обладающий признаками системности, а с другой — с точки зрения его конкретных положений. Особую ценность представляет обзор мнений авторов того исторического периода относительно тех или иных тезисов уголовного права. Уложение исследуется с позиций системного подхода, вне отрыва от тех доктринальных воззрений, которые господствовали в рассматриваемый период.

Работа состоит из шести глав, большая часть из которых посвящена исследованию Общей части Уложения. Общая характеристика законодательного акта дана в первой главе. Во второй части научного издания авторами приводится текст самого Уложения, что придает большую ценность исследованию.

Авторам рассматриваемого научного издания удалось добиться поставленной цели, а именно: провести одно из первых комплексных исследований Советского уголовного уложения, выявить, что оно яв-

ляется самостоятельным нормативным актом, регулирующим правоотношения в области уголовного права.

После ознакомления с работой создается впечатление, что Уложение является современным, структурированным и актуальным для своего времени, его злободневность подтверждается тем, что и по сей день в УК содержатся положения, которые были закреплены более 100 лет назад (а некоторые и гораздо раньше).

Уложение, с одной стороны, является находкой для исследователей истории отечественного права, представляется ценным памятником, с другой — оно полезно для ученых-юристов в сфере уголовного права. Сравнительный анализ Уложения и современного Кодекса представляется вполне последовательным и закономерным, поскольку оба источника были созданы в период смены политического режима, перестройки идеологии, а также основ в сфере права, поэтому они отражают изменения не только в уголовном законодательстве, но и в истории всей страны.

Материал подготовил:
Геннадий Петрович НОВОСЕЛОВ,
*профессор кафедры уголовного права
Уральского государственного
юридического университета,
доктор юридических наук,
профессор*

ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ КАФЕДРЫ

XV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УГОЛОВНОЕ ПРАВО: СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ В XXI веке»

25 —26 января 2018 г. в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась XV Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». Интерес к участию в конференциях с каждым годом растет. Спектр вопросов, рассматриваемых на мероприятии, всегда широк, многогранен, актуален и важен для научного сообщества. Среди них: вопросы, касающиеся влияния российской уголовной политики на законодотворчество, административной преюдиции в УК РФ, проблемы защиты чувств верующих с позиции действующего уголовного законодательства, вопросы, посвященные совершенствованию правоприменительной практики в отношении преступлений в сфере экономики.

В рамках конференции организованы четыре панельные дискуссии:

1. Российский уголовный закон: состояние и перспективы.

Проблемы качества действующего уголовного закона.

Современное состояние российской уголовной политики.

Новое уголовное законодательство или новая редакция УК РФ.

Судебная практика как источник уголовного права.

Социальные процессы и уголовный закон.

Административная преюдиция и проступок в УК РФ: за и против.

2. Уголовно-правовые риски экономической деятельности.

Уголовная политика в отношении ответственности предпринимателей за экономические преступления.

Уголовно-правовые риски бизнеса: выявление и пути их устранения.

Проблемы квалификации налоговых преступлений.

Уголовная ответственность за преступления, связанные с банкротством.

Проблемы противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем.

Вопросы освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности.

3. Актуальные проблемы правоприменительной деятельности по уголовным делам.

Проблемы квалификации хищений.

Организованные формы преступной деятельности в судебной практике.

Бенефициарные собственники как субъекты уголовной ответственности.

Практика привлечения к уголовной ответственности за взяточничество, коммерческий подкуп и иные преступления коррупционной направленности.

Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, фальсификация доказательств и другие неправосудные деяния.

4. Современные вызовы общественной безопасности: уголовно-правовой аспект.

Антитеррористическое законодательство: границы дозволенного.

Уголовно-правовая оценка медицинской ошибки.

Перспективы фармацевтического уголовного права в России.

Криптовалюта и ее уголовно-правовой статус.

Преступления в сфере компьютерной информации.

Уголовно-правовые средства обеспечения транспортной безопасности.

Ключевыми спикерами первого дня конференции стали заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета Александр Коробеев, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству Юрий Синельщиков, судья Верховного Суда РФ Олег Зателепин, начальник Управления организации дознания МВД России Сергей Манахов, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, действительный член Петровской академии наук и искусств, генерал-майор юстиции в отставке Борис Гаврилов и др.

Второй день конференции прошел в рамках работы секции, посвященной «Актуальным проблемам правоприменительной деятельности по уголовным

делам». Здесь участники активно в ходе дискуссий обсудили вопросы, связанные с признанием отдельных положений постановлений Пленума Верховного Суда РФ элементами уголовно-правовых норм, проблемы соучастия особого рода (*sui generis*) с позиций действующего уголовного законодательства, а также рассмотрели целый перечень вопросов, посвященных совершенствованию правоприменительной практики в отношении преступлений в сфере экономики. Модератором секции выступил партнер адвокатского бюро «Феоктистов и партнеры», кандидат юридических наук Руслан Долотов.

Секция, посвященная теме «Современные вызовы общественной безопасности: уголовно-правовой аспект» проходила в завершающей части второго дня работы XV Международной научно-практической конференции: «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». Моделировала секцию руководитель межведомственной рабочей группы по оценкам рисков оборота криптовалюты Государственной Думы Элина Сидоренко. В рамках секции заслушаны доклады о совершенствовании антитеррористических мер в уголовном законодательстве, о рисках использования криптовалют в преступной деятельности и др.

В завершение активной работы XV Международной научно-практической конференции: «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» итоги мероприятия подвел заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Алексей Рарог.

У ЮБИЛЕЙНЫЙ МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ «БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА: КОНЦЕПТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ»

С 5 по 7 апреля 2018 г. в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошел V Юбилейный Московский юридический форум. В рамках форума кафедрой уголовного права организован и проведен круглый стол «Служебные преступления: проблемы квалификации и предупреждения». В работе круглого приняли участие ведущие ученые российских вузов (МГУ им. М.В. Ломоносова, МГЮА, РПА, Университета «Синергия», Финансового университета при Правительстве РФ, образовательных организаций системы МВД России и др.), представители практических профессий (Верховного Суда РФ, судов субъектов РФ, Следственного комитета РФ, ФТС России) и адвокаты (КА «Юлова и партнеры», «Alliance Legal CG»).

Общее количество участников круглого стола составило 140 человек, в рамках мероприятия заслушано 12 докладов. В качестве слушателей присутствовало около 100 студентов очной формы обучения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Экспертами мероприятия выступили:

А. В. Федоров (заместитель Председателя Следственного комитета РФ);

П. С. Яни (профессор кафедры уголовного права и криминологии МГУ имени М.В. Ломоносова);

И. С. Сюбаев (заместитель председателя Верховного Суда Республики Мордовия);

И. М. Мацкевич (заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права МГЮА).

Наибольший интерес аудитории вызвали доклады П. С. Яни («Оценка уголовно-правовых рисков в деятельности должностных лиц»), А. В. Федорова («Служебные преступления и преступления, совершаемые юридическими лицами»), Ю. М. Антонына («Коррупция как обычное поведение»), С. В. Складорова («Проблемы квалификации хищений, совершенных с использованием служебного положения») и Д. А. Кунева («Расцвет бытовой коррупции: бездеятельность правоохранителей или несовершенство уголовного закона?»).

Х СОВМЕСТНЫЙ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: РОССИЙСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ»

11 октября 2018 г. в Университете прошел X совместный российско-германский круглый стол «Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт». Организаторами мероприятия выступили кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), уголовного и экономического уголовного права Потсдамского университета (Германия). С приветственным словом к участникам круглого стола обратился проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков, партнер адвокатской коллегии «Князев и партнеры» Владимир Китсинг и партнер «Alliance Legal CG» Марина Подваркова.

священной анализу преступлений в сфере экономики, а также объявил об открытии в Университете Научно-образовательного центра (НОЦ) применения

уголовного права под руководством Алексея Рагога.

Профессор кафедры уголовного права МГЮА Самвел Кочои выступил с презентацией НОЦ и рассказал о роли научно-консультативных заключений в практической деятельности.

В работе круглого стола приняли участие 128 человек, в том числе с докладами выступили 13 спикеров:

- 1) Уве Хелльманн, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права Потсдамского университета, хабилитированный доктор права, профессор, — «Новое регулирование составов преступлений против экономического шпионажа»;
- 2) Андрей Рагулин, адвокат, профессор кафедры уголовного права Московско-

го университета МВД России имени В. Я. Кикотя, — «Современные тенденции уголовно-правового воздействия на бизнес в Российской Федерации»;

- 3) Самвел Кочои, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), — «Законодательное определение хищения: соответствует ли оно потребностям практики»;
- 4) Николай Пикуров, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры РФ, — «Дискуссионные вопросы ответственности за хищение денежных средств со счета клиента банка»;
- 5) Георгий Русанов, доцент Института проблем безопасности НИУ ВШЭ, — «Уголовная ответственность юридических лиц за экономические преступления: итальянская модель»;
- 6) Владимир Китсинг, адвокат, партнер адвокатской коллегии «Князев и партнеры», руководитель Департамента защиты бизнеса, — «Вопросы уголовной ответственности за причинение ущерба при государственных закупках»;
- 7) Диана Штаге, научный сотрудник кафедры уголовного и экономического уголовного права Потсдамского университета, — «Коррупция в сфере здравоохранения Германии: практический опыт новых составов преступлений в § 299a и § 299b Уголовного уложения»;

- 8) Артем Гришин, адвокат, заместитель Управляющего партнера «Alliance Legal SG», — «Проблема привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов в отношении руководителей ликвидированных компаний»;
- 9) Александр Кузнецов, профессор кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации ФНС России, — «Проблемы конструирования уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности»;
- 10) Иван Клепицкий, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), — «Криминальные банкротства в России и Германии»;
- 11) Денис Кунев, руководитель отдела Главного следственного управления Следственного комитета РФ, — «Противодействие перемещению преступных активов за рубеж и их возврат в страны происхождения»;
- 12) Руслан Долотов, доцент кафедры уголовного права и криминалистики НИУ ВШЭ, — «Уголовная ответственность банкиров за “теневое” рефинансирование кредитов: проблемы правоприменения»;
- 13) Геннадий Дашков, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), — «Вопросы совершенствования российско-германского научного сотрудничества в области борьбы с преступностью в экономике».

Многие доклады носили прикладной характер и вызывали интерес и бурное обсуждение в аудитории.

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Памятники права

ПЕРВЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

Первые известные нам уголовно-правовые нормы Древней Руси были закреплены в договорах с Византией 907, 911, 945 гг. и в Русской Правде. В этот период основой для писаного права служили правовые обычаи. Преступления в этот период не считались опасными для общества в целом, рассматривались как посягательство на личные интересы, что выражалось в установлении имущественной компенсации ущерба («виры») и возможности применения наказаний, основанных на принципе талиона.

Договоры между Русью и Византией являются первыми известными международными договорами Древней Руси. При этом на сегодняшний день сохранились лишь древнерусские тексты договоров, которые были переведены на старославянский язык с греческого. Такие договоры дошли до нас в составе «Повести временных лет», куда их включили в начале VIII в. Самыми ранними письменными источниками русского права считаются нормы Закона Русского.

Договор 907 года. Договор считается первым из выше перечисленных договоров. Однако факт его заключения оспаривается некоторыми исследователями истории. Они предполагают, что сам текст представляет собой летописную конструкцию. По иному предположению его рассматривают в качестве подготовительного договора к договору 911 г.

Договор 911 года. Договор 911 г. был заключен 2 сентября после самого успешного похода дружины князя Олега на Византию. Данный договор восстанавливал дружественные отношения и мир между двумя государствами, а также определял фактический порядок выкупа пленных, наказания за преступления, которые совершались русскими и греческими купцами в Византии, изменял береговое право и пр.

В нем регламентировались дипломатические отношения Руси с Византией, их торговые отношения, а также присутствовала ссылка на Закон Русский.

Договор состоял из 15 статей. В договор 911 г. вошли нормы двух основных областей права — *публичного* (регламентация отношений между государствами: военная поддержка, порядок выкупа пленных, порядок возвращения рабов; определение норм международного морского права — отмена берегового права — права на имущество и людей с разбитого корабля) и международного *частного* права, которые регламентировали отношения между частными лицами двух государств (порядок наследования имущества, порядок осуществления торговли русскими купцами в Византии, виды наказания за преступления, совершенные русичами на территории Византии (суд по Русскому Закону), а также ответственность греков за преступления на Руси).

¹ Материал подготовлен с использованием интернет-ресурса URL: <https://studfiles.net/preview/3000578/page:2/>

В договоре 911 г. стороны имеют равноправные отношения, в отличие от последующих договоров:

1. Делегации со стороны Руси — свидетельство о системе государственного устройства Русского государства.
2. Стремление Руси к долголетней дружбе с Византией.
3. Порядок доказательства преступления (присяга).
4. За убийство зажиточному смерть была заменена конфискацией, для бедного — казнь (социальное разделение).
5. За удар мечом устанавливался штраф 5 литров серебра (1 литр = 327,5 грамма), если же совершивший это окажется неимущим, он должен дать столько, сколько сможет и присягнет, что никто не может помочь ему, тогда судебное разбирательство будет закончено.
6. Можно убить вора в момент преступления, но, если он сдастся, должен вернуть похищенное в тройном размере.
7. Наказание за насильственное присвоение чужого — тройной размер.
8. Помощь русских грекам во время несчастных случаев на море, и наоборот. «Береговое право» не действует.
9. Возможность возвращения из плена.
10. Показана заинтересованность Византии в русских воинах.
11. Плата за пленных греков — 20 золотых.
12. Обязательство чиновников разыскивать беглую челядь, ее возврат гарантирован (выгода для высших слоев).
13. Существование наследования не только по обычаю, но и по завещанию. Если нет наследников в Византии, наследство русского подданного необходимо вернуть на родину, тем самым запрещалось местным властям присваивать это имущество в свою пользу, что существовало в западноевропейском праве до XVIII в.
- 13а. О русских, совершающих торговые операции.
14. Выдача уголовников, бежавших из Руси.
15. Обязательства, вытекающие из договора.

Анализируя в целом уголовно-правовые установления договора, необходимо отметить прежде всего, что нет единого термина для обозначения преступления. Так, в разных статьях упоминаются такие слова для обозначения преступного, как «проказа», «согрешенье», «злодеянье». Очевидно, это связано с не очень удачной попыткой составителей договоров скорректировать обозначения преступного, даваемого в двух разных законах, — греческом и русском. Среди видов наказаний помимо денежных взысканий и смертной казни, есть упоминание о кровной мести.

Далее в журнале приводятся фрагменты из «Радзивилловской летописи», в которых речь идет о договорах 907 и 911 гг. и даются переводы этих договоров.

Радзивилловская летопись, лист 40

[Перевод]

Олег же, немного отойдя от [Царь]града, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром, послав к ним в город Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И указал Олег, дать (своим) воинам на 2 000 кораблей по 12 гривен на уключину, и потом давать содержание прибывающим из русских городов: прежде всего из Киева, а также из Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и прочих городов, ибо по тем городам сидят подвластные Олегу князья.

Когда приходят русские, пусть взимают содержание, сколько хотят, а если придут купцы, то пусть взимают месячное в течение 6 месяцев: хлеб, вино, мясо, рыбы и плоды. И пусть устраивают им баню, как только (они) захотят. Когда же русские отправятся к себе домой, то пусть взимают у Вашего царя на дорогу еду, якоря, снасти, паруса и что им нужно.

И обязались греки. И сказали цари и все бояре.

Если явятся русские не для торговли, то пусть не взимают месячное. Пусть (русский) князь запретит своим послам и (вообще) прибывающим сюда русским творить бесчинство в наших селах и в нашей стране. Прибывающие (сюда) русские пусть обитают вблизи (монастыря) святого Маманта и когда наше царское величество пришлет (к ним кого-либо), кто перепишет их имена, то тогда (только) они возьмут полагающееся им месячное — сперва (пришедшие) из Киева, затем из Чернигова и Переяславля и из других городов. И пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского чиновника, безоружными, человек по 50, и пусть торгуют, сколько им нужно, не уплачивая никаких торговых пошлин.

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплатить дань и присягали обе стороны. Сами (греки) целовали крест, а Олега и его дружинников привели к присяге по русскому обычаю. И клялись те своим оружием и своими богами Перуном и Велесом, богом скота. И так был утвержден мир.

Русско-византийский договор 907 года

Русско-византийский договор 911 года

Радзивилловская летопись, лист 42

[Перевод]

В год 6420. Послал Олег своих дружинников установить мирные отношения и заключить договор между Византией и Русью. И, послав (их), сказал так:

Список с другого (экземпляра) договора, находящегося у тех же царей Льва и Александра.

1. Мы, от (имени) русского народа, Карлы, Ингельд, Фарлаф, Вермуд, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Рюар, Актеву, Труан, Лидулфост, Стемид, посланные Олегом, великим князем русским, и всеми подвластными ему светлыми боярами к вам, Льву, Александру и Константину, Божьей милостью великим самодержцам, царям греческим, для подтверждения и укрепления дружбы, существовавшей между греками и русскими на протяжении многих лет, согласно желанию и повелению наших князей [и] всех подвластных им русских. Наша светлость, более всех желая милостью Бога подтвердить и укрепить дружбу, существовавшую между христианами и русскими, многократно действительно стремились не только на словах, но и в письменной форме и нерушимой присягою, клянясь своим оружием, подтвердить и укрепить эту дружбу, согласно нашей вере и обычаю.

2. Таковы разделы милостью Бога мирного соглашения, как мы о нем условились. Прежде всего пусть заключим с вами, греками, мир, и станем дружить друг с другом всею душой и сердцем, и не допустим, согласно нашему взаимному стремлению, никакого беспорядка или обиды со стороны подручных нам светлых князей. Но постараемся, сколь возможно, сохранить с вами, греками, (впредь) безупречную дружбу, письменным договором выраженную и присягою подтвержденную. Также и вы, греки, впредь всегда соблюдайте такую же нерушимую и безупречную дружбу по отношению к нашим светлым князьям русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя.

3. Что же касается преступлений, если случится злодеяние, договоримся так: пусть обвинение, содержащееся в публично представленных (вещественных) доказательствах, будет признано доказанным. если же какому-либо (доказательству) не станут верить, то пусть присягнет та сторона, которая домогается, чтобы ему (доказательству) не доверяли. и когда присягнет, согласно своей вере, пусть наказание будет соответствовать характеру преступления.

4. О следующем. Если кто-либо убьет (кого-либо) — русский христианина или христианина русского, — пусть умрет на месте совер-

шения убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которая полагается ему по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по обычаю. Если убийца окажется неимущим и (при этом) он бежал, то пусть окажется под судом до тех пор, пока не будет найден (если же будет найден, то), пусть умрет.

5. Если (кто) ударит мечом или побьет (кого) каким-либо орудием, то за тот удар или избиение пусть даст 5 литров серебра по обычаю русскому. Если же совершивший это окажется неимущим, то пусть даст сколько может, вплоть до того, что даже снимет с себя те самые одежды, в которых ходит, а (что касается) недостающего, то пусть присягнет, согласно своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть судебное преследование с целью взыскания (с него) штрафа на этом кончается.

6. О следующем. Если русский украдет что-либо у христианина или же христианин у русского и схвачен будет вор потерпевшим в то самое время, когда совершает кражу, при этом он окажет сопротивление и будет убит, то не взыщется его смерть ни христианами, ни Русью, но пусть даже потерпевший возьмет то свое (имущество), которое у него пропадало. Если же вор отдастся без сопротивления в руки того, у кого совершил кражу, и будет им связан, то пусть возвратит то, на что осмелился посягнуть, в тройном размере.

7. О следующем. Если кто-либо — русский у христианина или христианин у русского, — причиняя страдания и явно творя насилие, возьмет что-нибудь принадлежащее другому, пусть возместит убытки в тройном размере.

8. Если выброшена будет ладья сильным ветром на чужую землю и окажется там кто-нибудь из нас, русских (поблизости), то если захочет (хозяин) сохранить ее вместе со своим товаром и отправить обратно в Греческую землю, пусть проведем ее (мы) чрез любое опасное место, пока не придет она в место безопасное. Если же эта ладья, спасенная после бури или после того, как она была выброшена на мель, не сможет сама возвратиться в свои места, то мы, русские, поможем гребцам той ладьи и проводим ее с их товаром невредимой. В том случае, если случится такое несчастье около Греческой земли с русской ладью, то (мы, греки) проведем ее в Русскую землю, и пусть (свободно) продаются товары той ладьи. (так что) если можно что-либо продать из (той) ладьи, то пусть мы, русские, разгрузим их ладью. И когда приходим (мы, русские) в Грецию для торговли или с посольством к вашему царю, то пропустим (мы, греки) с честью привезенный для продажи товар (с) их ладьи. Если же случится (так, что) кто-либо из прибывших на той ладье будет убит или избит нами, русскими, или окажется что-либо взятым из ладьи, то пусть русские, сотворившие это, будут приговорены к вышеуказанному наказанию.

9. О следующем. Если пленник (из числа подданных) той или иной страны насильно удерживается русскими или греками, будучи запродан в другую страну, а объявится (соотечественник пленного), русский или грек, то (тогда разрешается его) выкупить и возвратить выкупленного на родину, а (купцы, его) купившие, возьмут цену его, или пусть будет засчитана в выкупную цену поденно (отработанная рыночная) цена челядина. Также, если и на войне (он) будет взят теми греками, все равно пусть возвратится он в свою страну, и отдана будет (за него), как сказано выше, его цена, существующая в обычных торговых расчетах.

10. Когда же требуется идти на войну. Когда же вам потребуется идти на войну, а эти (русские) захотят почтить вашего царя, то сколько бы из пришедших (к вам) в какое-либо время ни захотело остаться у вашего царя по своей воле, пусть будет исполнено их желание.

11. О плененных русскими (христианах), привезенных из какой-либо страны на Русь и сразу же продаваемых в Грецию. Если же когда-нибудь пленные христиане будут привезены из какой-либо страны на Русь, то они должны продаваться по 20 золотников и возвращаться в Грецию.

12. О следующем. Если русский челядин будет украден, или убежит, или будет насильно продан и русские начнут жаловаться, то пусть подтвердится это показаниями челядина, и (тогда) русские его возьмут. Также если и купцы потеряют челядина и заявят об этом, то пусть производят розыск и, найдя его, заберут... Если кто не даст произвести этого розыскания местному чиновнику, то будет считаться виновным.

13. Русских, находящихся на службе в Греции у греческого царя. Если кто (из них) умрет, не завещав своего имущества, а своих (родственников) у него (в Греции) не будет, то пусть возвратят его имущество ближайшим родственникам на Руси. Если же он составит завещание, то пусть тот, кому (он) написал (распоряжение) наследовать имущество, возьмет завещанное и наследует им.

13а. О русских, совершающих торговые операции...

14. О различных (людях), ходящих в Грецию и остающихся в долгу... Если злодей (? не) возвратится на Русь, то пусть русские жалуются греческому царскому величеству, и он да будет схвачен и возвращен насильно на Русь.

То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же (с ними).

15. Для подтверждения и нерушимости настоящего мирного договора между вами, христианами, и (нами,) русскими, мы составили киноварью (? Ивановым написанием) на двух хартиях: вашего царя и собственноручной, и, скрепив (клятвою), подлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего, отдали нашим послам. Мы же клянемся вашему царю, по-

ставленному (на царство) милостью Бога, по обычаю и по установлению нашего народа, что ни мы, ни кто-либо из нашей страны не (будет) нарушать (этих) утвержденных пунктов мирного договора. И этот письменный экземпляр договора дали вашим царям на утверждение, чтобы этим договором был подтвержден и укреплен существующий между нами мир.

Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420.

Царь же Леон почтил русских послов дарами, золотом и шелками, и драгоценными тканями, и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, драгоценные ткани, драгоценные камни, а также чудеса своего Бога и страсти Господни: венец, гвозди, багряницу, мощи святых, уча их своей вере и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великою честью.

Послы же, посланные Олегом, пришли к нему и поведали все речи обоих царей, как установили мирные отношения и заключили договор между Греческою землею и Русскою, и (решили, чтобы впредь) не преступать клятвы — ни грекам, ни русским.

Портрет на фоне истории

**Александр Иванович
ЧУЧАЕВ,**

доктор юридических наук,
профессор Московского
государственного
юридического
университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
moksha1@rambler.ru
125 993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ЮРИСТ И ЕПИСКОП СВЯТОЙ АМВРОСИЙ МЕДИОЛАНСКИЙ И ЕГО НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПТ

Аннотация. В очерке рассказывается о святом Амвросии Медиоланском, получившем юридическое образование и работавшем адвокатом, позднее ставшим епископом Медиолана (современный Милан). Показано его влияние на светскую власть, в частности на политику императора Феодосия, дана общая характеристика творческого наследия (трактаты, гомилии, гимны), сделан краткий анализ нравственных максим богослова.

Ключевые слова: Амвросий, святой, юрист, епископ, Медиолан (Милан), трактат, гомилия, гимн, нравственность, максимы.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.204-215

A. I. CHUCHAEV,

Doctor of law, Professor, Professor of Criminal Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

moksha1@rambler.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

LAWYER AND BISHOP SAINT AMBROSE AND ITS MORAL-LEGAL CONCEPT

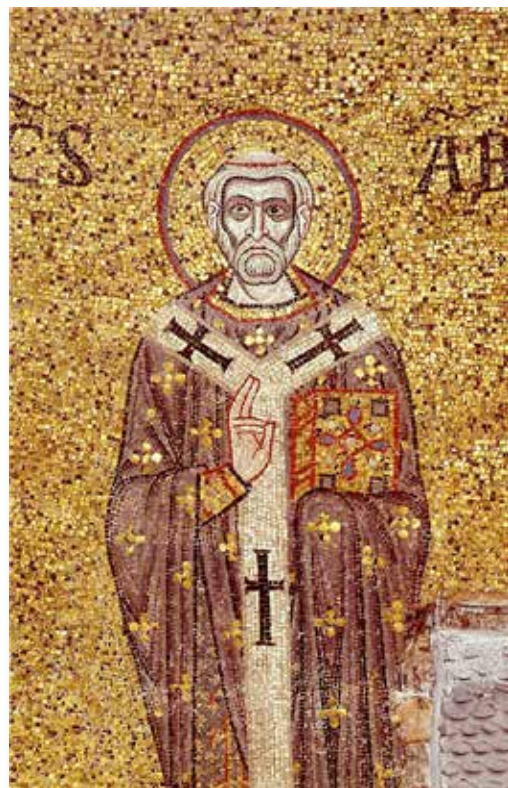
Abstract. The essay describes Saint Ambrose of Milan, Who received a legal education and worked as a lawyer and later became Bishop of Mediolan (present-day Milan). His influence on the Soviet power, in particular on the policy of Emperor Theodosius is shown, the General characteristic of creative heritage (treatises, homilies, hymns) is given, the short analysis of moral Maxim theologian is made.

Keywords: Ambrose, Saint, lawyer, Bishop, Mediolan (Milan), treatise, homilia, hymn, morality, maxims.

Всенародно любим

Согласно дошедшим до нас источникам Амвросий родился в городе Трир¹, был первым латинским отцом Церкви, который вырос в христианской семье. Получил блестящее образование и работал адвокатом в префектуре города Сирмий². Вскоре был назначен советником префекта, а через три года — префектом города Медиолан³. Был прекрасным ритором и проповедником. В 374 г. избран епископом Медиолана (отсюда происходит и имя святого — Амвросий Медиоланский), пожертвовал Церкви все свое большое состояние и до конца жизни жил очень скромно. Упорно боролся с процветающими ересями и язычеством.

Авторитет Амвросия был настолько велик, что он оказывал влияние на политику императора Феодосия Великого, создав значимый прецедент в отношениях государства и Церкви⁴. Был

¹ Трир — старейший город Германии, расположен в земле Рейнланд-Пфальц. «Северный Рим» основан в 15 г. до н.э. римским императором Октавианом Августом рядом со святилищем племени треверов (галльское племя, жившее по обоим берегам Мозеля; входило в группу белгов), откуда и произошло название города — Августа Треверорум.

² Сирмий — город в Римской Паннонии, служивший резиденцией императора Галерия в период тетрархии (политического режима, при котором верховная власть разделена между четырьмя людьми; введен императором Диоклетианом в 293 г. Просуществовал до 313 г.). Его значение в эпоху поздней Античности было столь велико, что Аммиан Марцелин (древнеримский историк, по происхождению сирийский грек, 330—395) назвал его «преславной матерью городов». В наше время на его месте г. Сремска Митровица.

³ Медиолан (в переводе — центр равнины) — город в Северной части Италии, тогда это был второй город после Рима. Основан племенем инсубров (древний кельтский народ) примерно в 600 г. до н.э., завоеван римлянами, давшими городу это название, примерно в 222 г. до н.э.

⁴ Феодосий I Великий (Флавий Феодосий, 347—395) — последний император единой Римской империи. В течение 3-летнего пребывания в Италии Феодосий оказался под духовным влиянием епископа Медиолана св. Амвросия.

В 390 г. произошли волнения в крупнейшем городе Македонии Фессалониках (в настоящее время греческий г. Солоники). Командующий войсками в провинции Иллирик (простиралась от реки Дрин в современной Албании до Истрии в современной Хорватии и реки Сава в Боснии и Герцеговине) Ботерих посадил в тюрьму популярного в народе колесничего за бытовую провинность (эта ситуация подробно описана Созоменом (Саламан Эрмий Созомен, ок. 400—450), византийским адвокатом, раннехристианским писателем-историком, автором «Церковной истории»). Толпа местных жителей потребовала освободить его как человека, необходимого для проведения предстоящих скачек. Ботерих отказался это сделать, тогда они убили его, забросав камнями. Погибли и другие представители имперской администрации. Феодосий, расценив это как мятеж, приказал

всенародно любим, по его молитвам совершались чудеса. Почитается как святой и западной, и восточной Церквами.

В этих коротких строчках, пожалуй, формально уместилась вся жизнь Амвросия — юриста и миланского епископа, причисленного к рангу святых.

Путь к епископской кафедре

До нас дошло мало сведений об этом периоде жизни Амвросия⁵. Судя по высокой административной должности, которую занимал его отец, семья принадлежала к знатному и влиятельному роду. Сам Амвросий упоминает о своей родственнице — мученице св. Сотерии⁶, которая предпочла святую веру консульству и префектуре родителей. Следовательно, христианство было известно семье Амвросия.

По сути, нет убедительных сведений и о времени рождения святого. Исследователи, исходя из косвенных данных (в первую очередь из писем самого Амвросия), приходят к выводу о том, что родился он, скорее всего, в 340 г.

Вскоре после скоропостижной смерти мужа вдова вместе с детьми (у Амвросия были брат и сестра) переехала в Рим. Выдвигаются две версии выбора города: первая — мать хотела дать детям приличное образование и воспитание, соответствующее статусу семьи; вторая — Рим был ее родиной, куда она вернулась после кончины супруга.

Амвросий (младший в семье) изучал грамматику, риторику и юриспруденцию. Одним словом, получил образование, обычное для людей его круга, готовившихся к карьере на поприще государственной службы. Как отмечают современники святого, его образованность и начитанность впечатляли: он владел ораторским искусством на латинском и греческом, увлекался философией и литературой, особенно Платоном, в творческом наследии часто встречаются реминисценции⁷ из Цицерона, Вергилия, Светония и др.

Амвросий начал службу адвокатом в Сирмии, в судебном ведомстве префектуры Иллирик. После нескольких удачных выступлений в роли судебного защит-

перебить заранее определенное число горожан. Погибло по разным свидетельствам от 7 до 15 тысяч жителей.

Когда после этих событий Феодосий хотел помолиться в церкви, св. Амвросий не пустил его за порог, обвинив в убийстве невинных и требуя покаяния. Только спустя 8 месяцев епископ простил императора, заставив того принять закон, по которому утверждение смертных приговоров откладывалось на 30 дней после их вынесения.

⁵ В первую очередь надо назвать работы самого Амвросия, среди которых наибольшее значение имеют его письма, датируемые 379—396 гг., а также житие святого, написанное в 412—413 гг. его последним секретарем св. Павлином Медиоланским по просьбе Блаженного Августина.

⁶ Сотерия — святая мученица, погибшая от рук язычников при императоре Диоклетиане, двоюродная сестра Амвросия.

⁷ Реминисценция (лат. *reminiscentia* — воспоминание) — элемент художественной системы, заключающийся в использовании общей структуры, отдельных элементов или мотивов ранее известных произведений искусства на ту же (или близкую) тему.

ника и исполнения других, более важных судебных поручений, усердие молодого юриста было замечено префектом Петронием Пробом⁸, сделавшим его своим советником. Вскоре по ходатайству Проба император Валентиниан назначает Амвросия консуляром (губернатором) провинции Эмилия-Лигурия.

Осенью 374 г. умер Медиоланский епископ Авксентий I, являвшийся сторонником арианства⁹. Это привело к противостоянию православных и ариан. Споры длились долго, иногда принимая достаточно острый характер. Противоборствующие стороны нередко приходилось увещевать самому императору. Амвросий также пытался примирить враждующих, старался избежать физических столкновений между ними.

В один из таких дней он был в соборе, где предполагались выборы епископа. Дальнейшие события в литературе описываются следующим образом: «В то время, когда он (Амвросий. — А. Ч.) обратился с увещеванием к народу, разделенному на партии, из которых каждая желала во что бы то ни стало провести в епископы своего кандидата, какой-то присутствующий в храме мальчик назвал Амвросия епископом. Эта неожиданность так поразила присутствующих, что все они, оставивши свои препирательства, объявили Амвросия своим епископом»¹⁰.

Историки Церкви опровергают данную версию. По их мнению, народ к этому времени устал от вражды, нужно было принимать решение. Выбор пал на Амвросия, который был способен поддерживать единение в народе и единомыслие в вере.

И. И. Адамов высказывает иную гипотезу. Он полагает, что инициатива избрания Амвросия епископом принадлежала самому императору Валентиниану, считавшемуся одним из самых веротерпимых.

Амвросий стал епископом в 34 года.

Надо сказать, что еще при избрании он старался убедить присутствующих отказаться от его кандидатуры. Что двигало им, сейчас вряд ли кто скажет. Возможно, Амвросий считал себя недостойным епископства, не надеялся изжить распри в Медиоланской церкви, боялся тягот служения... Да мало ли что двигало им в то время. Но когда его старания оказались тщетными, он ночью решил бежать из Медиолана. Утром его нашли, насильно вернули в город и более того — во избежание повторных попыток скрыться заключили под стражу. Однако, воспользовавшись плохой бдительностью стражников, Амвросий бежал второй раз, скрылся во владении некоего Леонтия, видимо, человека знатного, скорее всего, жившего недалеко от Медиолана. Вероятно, это был его хороший знакомый, возможно, товарищ по прежней службе.

⁸ В литературе встречаются утверждения о том, что претор Проб мог быть родственником Амвросия, однако при этом каких-либо доказательств не приводится.

⁹ Арианство — ересь, появившаяся в Александрии в период между 315 и 320 гг., связанная с именем пресвитера Ария. Строго говоря, Ария нельзя назвать основателем того учения, которое получило его имя. Он был лишь одним из представителей экзегетической школы Лукина Антиохийского (см. об этом: *Самуилов В.* История арианства на латинском западе (353—430). СПб., 1890).

¹⁰ *Адамов И. И.* Св. Амвросий Медиоланский. Сергиев Посад, 1915. С. 21.

В это время пришел ответ императора, одоббивший избрание Амвросия епископом. Викарий, в связи с этим получивший соответствующие указания, обратился с просьбой ко всем сообщить его место нахождения. Леонтий, опасавшийся неприятностей, передал Амвросия властям. Последний был вынужден уступить и против собственной воли принять епископство.

Следует отметить интересную деталь: в момент избрания на епископскую кафедру Амвросий еще не был крещеным, а только числился в рядах катехуменов¹¹. Он был крещен епископом-католиком и через восемь дней после этого получил епископскую хиротонию¹².

Трактаты, гимны, гомилии...

Святой Амвросий оставил после себя сотни работ, посвященных разным проблемам. В этом смысле немногие из церковных писателей могут сравниться с ним. Однако надо иметь в виду, что в современной науке не все произведения, автором которых значится Амвросий, считаются принадлежащими его перу.

Здесь следует сделать две оговорки. Часть его работ действительно написана не им. Они возникли из проповедей, прочитанных епископом, которые были записаны его слушателями в качестве отдельных книг и трактатов. Эти произведения по форме существенно отличаются от собственно авторских работ — они характеризуются недостаточными внутренней связью материала, последовательностью изложения, цельностью и законченностью. Некоторые приписываемые Амвросию работы признаны безусловно подложными. Поэтому в патрологии¹³ все произведения подразделяют на три категории:

- 1) подлинные работы Амвросия.
- 2) спорные и
- 3) несомненно подложные.

В творческом наследии богослова (кроме писем и гимнов¹⁴) можно выделить три относительно самостоятельные группы сочинений: экзегетического характе-

¹¹ Катехумен (с греч. — оглашенный, получивший устное наставление) — некрещеный человек, желающий стать христианином, публично выразивший это желание и принятый Церковью согласно литургическому обряду в христианскую общину для подготовки к принятию таинства крещения. Термин впервые встречается в трудах Климента Александрийского, у Тертуллиана впервые появляется его латинская транслитерация.

¹² Хиротония — в православии и католичестве — посвящение человека, наделяющее его Святыми Дарами и правом совершать таинства и обряды.

¹³ Патрология — учение об отцах Церкви.

¹⁴ Амвросий написал около 30 гимнов, дошедших до нас.

По мнению выдающегося исследователя латинской литературы И. Н. Голиничева-Кутузова, св. Амвросий является «основателем ритмической литературной поэзии» в Италии. «Благодаря значительному поэтическому таланту, превосходящему дарования всех его предшественников, Амвросию удались ямбические стихи с дактилическим окончанием, которым суждено было звучать в течение многих веков» (*Голиничев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 73*).

ра¹⁵, исследования проблем нравственности, догматико-полемиические¹⁶. «Всем им, впрочем, свойственна одна общая черта: это их практицизм. Амвросий не был кабинетным ученым и богословом-теоретиком, который занимается учеными изысканиями ради самих изысканий и истины. Он не исследует предмет всесторонне и детально, как это свойственно Оригену...¹⁷ Литературная деятельность служила для него лишь одним из многочисленных средств для достижения... практической цели. Этим и определяется общий характер творений Амвросия, вследствие чего, например, у него нет произведений чисто догматических, но только есть сочинения догматико-полемиические»¹⁸.

Можно выделить еще ряд особенностей, свойственных работам Амвросия. В сочинениях проступает редкий дар автора — находить поучительное практически во всем. Например, природа для него служит в том числе учителем нравственности и благочестия. Скажем, виноградная лоза, которую привязывают, чтобы она не гнулась к земле, в его объяснении показывает, что и мы своими мыслями должны устремляться к небу. Фазы Луны наводят его на мысль, что все в мире непостоянно, изменяется и разрушается. Заботливое отношение птиц к своим птенцам является примером отношения к семейным обязанностям. Трудолюбивый муравей, добывающий для себя все необходимое, учит, что мы не имеем права оправдывать свою беспечность нашей слабостью.

Таким образом, можно утверждать, что для герменевтики св. Амвросия характерен метод аллегорического истолкования, с преимущественным вниманием к нравственной стороне той или иной проблемы. Со сходных же позиций интересуется его и окружающий природный мир¹⁹.

¹⁵ Экзегетика — раздел богословия, в котором истолковываются библейские тексты; учение об истолковании текстов, преимущественно древних, первоначальный смысл которых затемнен вследствие их давности или недостаточной сохранности источников.

¹⁶ И. И. Адамов замечает: «Догматический материал в творениях св. Амвросия довольно обширен: в них затрагиваются почти все вопросы догматики, и на каждый из них дается тот или иной ответ. Но как везде, так и здесь сказывается существенный недостаток... автора — отсутствие философского образования, недостаток диалектики. Вследствие этого у Амвросия мы напрасно стали бы искать какого-либо подобия законченной... системы, строгой логической связи и последовательности в развитии отдельных пунктов учения. Догматические вопросы возникают у него большею частью случайно, каждый из них рассматривается изолированно, как нечто совершенно самостоятельное; все они рассеяны по разным местам творений и утопают в массе разнообразного постороннего материала. При этом часто случается, что в разное время по причине разной последовательности изложения и разных литературных влияний один и тот же вопрос решается неодинаково. Отсюда возникает множество противоречий, к примирению которых сам автор обыкновенно не делает никакой попытки и которые часто непримиримы по своему существу» (Адамов И. И. Указ. соч. С. 226 — 227).

¹⁷ Ориген Адамант (ок. 185 — ок. 254) — греческий христианский теолог, философ, ученый. Основатель библейской филологии, автор термина «Богочеловек» (см. подробно: Ориген // Новейший философский словарь. Минск, 2003 ; Ориген // А. В. Мень. Библиологический словарь : в 3 т. М., 2002 и др.).

¹⁸ Адамов И. И. Указ. соч. С. 150.

¹⁹ См. об этом подробно: Никитин В. А. Амвросий — светильник единой Церкви // Амвросий Медиоланский. Две книги о покаянии. М., 1997.

В работах Амвросия обилие бытовых черт того времени, в связи с этим они представляют значительный интерес для историка, как, например, описание невероятного богатства одной немногочисленной части общества и голода, нищеты, бесправия — другой, роскоши пиров, богатого убранстве домашних покоев и др.

По форме изложения сочинения богослова очень просты. Возникшие из церковных проповедей, они в большинстве случаев представляют собой гомилии²⁰ (исключение составляют трактаты).

Правда, стиль автора становится абсолютно другим, когда ему приходится полемизировать. По страстности и напряженности тона Амвросий напоминает Тертуллиана²¹.

Нравственность: максимы Амвросия

Амвросий уделяет большое внимание проблемам нравственности. И. И. Адамов подчеркивает: «...мы должны... отметить его выдающееся значение в этой области. В этом отношении его можно сравнить только с Климентом Алекс[андрийским]²² и то лишь с оговоркой: если Климента считают первым научным этиком в истории христианско-церковной литературы, то св. Амвросий был не только первым этиком на Западе, но его творение “De officiis ministrorum”, специально посвященное вопросам морали, представляет собой если не первую научно-философскую систему церковной морали, то во всяком случае первый более или менее полный свод или сборник философских решений вопросов христианской этики»²³.

Вместе с тем в литературе отмечаются и существенные недостатки, присущие работам св. Амвросия. Во-первых, его этика лишена характера цельной системы. Во-вторых, учение богослова о нравственности фактически представляет

²⁰ Гомилия (сложное слово, состоящее из понятий: общество, общение, беседа; равный подобный; группа, небольшое общество) — аналитико-экзегетическая форма проповеди (обычно христианской, но также иудейской), содержащая истолкование прочитанных мест Священного Писания. Является наиболее древней формой проповеди, введена в употребление Оригеном. Древнейшая сохранившаяся гомилия принадлежит римскому епископу Клименту. Беседы встречаются в гомилетическом наследии как восточных, так и западных Отцов Церкви.

²¹ Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (155/165—220/240) — один из наиболее выдающихся раннехристианских писателей, теологов и апологетов, автор 40 трактатов. В зарождавшемся богословии один из первых выразил концепцию Троицы (богословский термин, отражающий христианское учение о трех Лицах единого по существу Бога; впервые термин «Троица» встречается у Феофила Антиохийского); положил начало латинской патристике (философии и теологии Отцов Церкви) и церковной латыни.

²² Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215) — христианский апологет и проповедник Священного Писания, основоположник Александрийской богословской школы (ветвь ранней патристики, которая вместо следования букве новозаветных писаний (на чем настаивала Антиохийская школа) развивала аллегорический метод истолкования Библии), возглавлявший ее до Оригена.

²³ Адамов И. И. Указ. соч. С. 586—587.

собой совокупность отдельных теорий. В-третьих, Амвросий не мог преодолеть дуализма в этике (он основывался, с одной стороны, на учениях Церкви, а с другой — на классических представлениях о морали)²⁴.

Нравственные максимы епископа сложились в основном под несомненным влиянием трудов Цицерона²⁵ и этики Филона²⁶.

Кратко (скорее, даже абрисно) остановимся на трех моментах учения о нравственности св. Амвросия.

Источники нравственного закона. Понятие о совести. Амвросий часто говорит о естественном добре в человеке, о некоем нравственном законе в самом человеке. В качестве примера приводит язычников, которые, по его мнению, имеют представления о нравственности единственно в силу свидетельства природы, поэтому они следуют закону природы, ведут себя сообразно этим законам (naturalis).

Для стоиков, например, нравственный закон в человеке был прежде всего голосом индивидуального человеческого разума, а нравственность — сообразной с требованиями этого разума деятельностью. Святой Амвросий придает этой деятельности законодательное значение, чем и объясняет всеобщность естественного закона нравственности в человеке. При этом он ставит индивидуальный и субъективный человеческий разум в зависимость от объективного (ratio). Более того, он видит связь между первым и так называемым внешним писаным законом. По его мнению, внешний закон полезен только для увещевания и является ничтожным в деле убеждения. Человек делает добро или стремится к злу не в силу внешнего принуждения, а исключительно по своей собственной воле (как видим, речь, по сути, идет о свободе воли²⁷).

По Амвросию, совесть возникает после совершения определенного действия в качестве «совести последующей, судящей, наказывающей, но не предварительной и повелевающей»²⁸. Богослов, видимо, как и Цицерон²⁹, не придает совести значения источника нравственного сознания, не упоминает о ее императивной

²⁴ Теологические аспекты морали и нравственности в очерке не рассматриваются.

²⁵ В первую очередь работы Цицерона «De officiis» («Об обязанностях»). Трактат написан автором для своего сына Марка, учившегося тогда в Афинах. Состоит из трех книг.

²⁶ Филон Александрийский, Филон Иудей или Филон Иудейский (ок. 25 до н.э. — ок. 50 н.э.) — представитель еврейского эллинизма, центром которого была Александрия, богослов, апологет иудаизма и религиозный мыслитель.

²⁷ Свобода воли — это возможность человека делать выбор вне зависимости от определенных обстоятельств. В религии она подразумевает, что желание и выбор человека могут сосуществовать с божественным всеведением; в этике определяет моральную ответственность за свои действия, в праве — юридическую ответственность за правонарушительное поведение; в науке ее изучение может выявить способы прогнозирования человеческого поведения.

²⁸ Адамов И. И. Указ. соч. С. 592.

²⁹ Цицерон, наставляя своего сына, говорил: «...для нас должно быть достаточно убеждения, получаемого нами из преуспевания в философии» (см. об этом подробно: Утченко С. Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Цицерон Марк Тулий. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993. С. 159—174).

силе, часто говорит о ней лишь в смысле результата того или иного образа действия, например: после проступка открывается зрение внутренней совести. Она разделяет заслуги непорочных и развращенных, является источником и неподкупной «раздавательницей» наград и наказания. Совесть есть домашнее судилище, которому каждый из нас дает отчет в своих действиях. Дает о себе знать, когда является как наказание, как внутренняя мучительная рана.

Амвросий не связывает совесть с представлением о нравственном долге, однако последний часто выступает у автора в качестве важного мотива, предвещающего всякое действие: мудрец избегает зла не только потому, что это противоречит его собственному убеждению, но и потому, что он стыдится голоса собственной совести (собственному суду он подлежит раньше, чем суду других).

Добродетель как реальное содержание нравственной жизни. По мнению богослова, основывающегося на трудах св. Василия³⁰, вся добродетель представляется длинным постепенно развивающимся процессом, своеобразной лестницей, первая ступень которой стоит очень близко к земле и является наиболее совместимой с земными привязанностями. вторая очень похожа на первую. Каждая последующая ступень имеет много общего с предыдущей, поэтому добродетельная жизнь не может составлять непосильную для человека задачу.

Добродетель св. Амвросий характеризует двумя группами признаков. Первая из них свойственна вообще всей классической древности, вторая отражает философию стоиков.

Так, в первую группу включается такой признак, как односторонний интеллектуальный момент. У Сократа это обстоятельство формулируется как тождество добродетели и знания. Кстати, все древние философские школы, независимо от их направлений, признавали, что корень зла заключается в неведении, а источник блага — в знании. Амвросий подчеркивает: «Добродетель может быть предметом научения... и приобретает она путем занятий и изучения, тогда как вследствие небрежности исчезает...». «Наука способна произвести то, чтобы мы стали уважать справедливость, ибо *justitia* может быть приобретена путем научения...»³¹.

³⁰ Василий Великий (ок. 330—379), известный также как Василий Кесарийский, — святой, архиепископ Кесарии Каппадокийской (ныне Кайсери, Турция), церковный писатель и богослов. Один из трех каппадокийских Отцов Церкви (также Григорий Нисский и Григорий Богослов). Ему приписывается изобретение иконостаса. Убежденный поборник киновии (монастырь общежительного устава; одна из двух, наряду с отшельничеством, форм организации монашества на начальном историческом этапе).

³¹ См. об этом подробно: *Адамов И. И.* Указ. соч. С. 592.

У Лактанция (Луций Цецилий Фирмиан Лактанций — ритор из Африки, принявший христианство в 303 г.; за образованность и красноречие его звали «христианский Цицерон») добродетель, хотя и связывается с познанием, но предполагает отличие от последнего. Иначе говоря, знание еще не есть добродетель. «Добродетель не заключается в познании добра и зла... но состоит в делании добра и в удалении от зла; и, хотя знание... и связано с добродетелью, насколько первая предшествует второй, а вторая следует за первой, но само по себе познание... не приносит пользы, если не сопровождается деятельностью» (цит. по: *Адамов И. И.* Указ. соч. С. 599—600).

Стоики рассматривали добродетель как деятельность, согласующуюся с природой. Святой Амвросий предлагал подражать природе, потому что ее образ служит формой дисциплины и честности.

Во времена богослова было свойственно отождествлять нравственно доброе и эстетически прекрасное: благом признавалось только истинно прекрасное, а истинно прекрасным могло быть только действительно доброе.

Святой Амвросий, вслед за Цицероном, в понятии «приличия» (*decorum*) выделяет два аспекта: первый объединяет всю совокупность характеризующих человека дел; второй охватывает только какой-либо один акт, который сам по себе, без всякого сопоставления с другими делами, может служить объектом эстетического удовольствия. Однако надо заметить, что в трактовке некоторых обстоятельств *decorum* позиция авторов существенно различается, что придает характеристике морали, формулируемой св. Амвросием, специфическую окраску³².

На наш взгляд, необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство, выделяемое в добродетели богословом: признание таковой того, что дает благо для самого себя, например, делает нас любимыми в глазах народа.

В некоторых работах св. Амвросия встречается такой признак добродетели, как гармония субъективного духа и соотношение частей и мирового целого.

«Таким образом, по учению св. Амвросия, добродетель есть почерпаемая из научения деятельность, сообразующаяся с законами природы, красивая и полезная и в то же время гармонирующая как с собственным разумом человека, так и с всеобщим разумом...»³³.

Теория двойной нравственности и образ нравственного совершенства. Святой Амвросий выделяет два уровня нравственности: низшая по своему достоинству предназначена для обыкновенных смертных, а вторая, более возвышенная — выдающимся, в духовном отношении совершенным людям.

Теория двойной нравственности зародилась в недрах древних религиозно-философских учений и организаций жрецов, которые, кроме публично проповедуемого ими учения, обладали еще высшим таинственным знанием. В последнее посвящались лишь избранные — эзотерики³⁴ и изотерики³⁵.

Позднее теория двойной нравственности была воспринята многими представителями философской мысли, многие философские школы Греции в нравственном и интеллектуальном отношении всех людей делили на две группы: совершенных и менее совершенных. По сути, это же учение в той или иной мере было присуще Цицерону, выделявшему средние обязанности, предназначенные для всех без исключения, и совершенные обязанности, возлагаемые только на совершенных людей. Критерием в этом случае выступала степень субъективного убеждения в разумности того или иного лица³⁶.

³² У св. Амвросия встречается и более узкая трактовка морали, в большей степени имеющая теологический характер.

³³ Адамов И. И. Указ. соч. С. 609.

³⁴ Эзотеризм (др.-греч. — внутренний), эзотерика — совокупность знаний, сведений, недоступных непосвященным, несведущим людям.

³⁵ Изотерика (буквально — внутренний дворик) — в эпоху эллинизма термин означал тайное знание, доступное определенному, узкому кругу лиц.

³⁶ См. об этом подробно: Утченко С. Л. Указ. соч. С. 159—174.

По примеру Цицерона св. Амвросий тоже выделяет две группы обязанностей — для немногих (избранных) и для большинства, следовательно, он также всех людей делит на два класса³⁷. При этом богослов придерживается убеждения, согласно которому только в случае, если желания повинуются разуму, легче всего можно делать что-то честное, пристойное, полезное, «сохранить приличествующее... всем обязанностям»³⁸. К тому же разум должен господствовать как над внутренним миром человека, так и над его внешним окружением, между ними должна быть полная гармония.

Святой Амвросий оценивал дела мудреца чистотой его помыслов. Хорошее намерение, по его мнению, имеет цену даже в том случае, если за ним не следует действие. Хорошие намерения увеличивают цену дела, тогда как плохие намерения и хорошие сами по себе дела становятся дурными.

Частным случаем чистоты помыслов мудреца богослов видит в мотивах, какими первый руководствуется при совершении добродетели.

Последние годы жизни

Как и о первых, так и о последних годах жизни св. Амвросия известно немного. В литературе отмечается, что молва о подвижнических деяниях епископа переросла в громкую славу и привлекла к нему многих последователей.

В его жизни были не только успехи. Например, он перенес немалую скорбь, вызванную тем, что из созданного им монастыря ушли два монаха, удалившись в мир и начав вести «худую жизнь», и горечь утрат. На его руках умер император Феодосий Великий — император, которого в свое время он не пустил в храм (см. об этом выше). По всей вероятности, он уже не мог оказывать на государственные дела такого влияния, как раньше. Новый император Гонорий (395—423) находился под влиянием своего министра Стилихона, который недолюбливал Амвросия. Между ними было столкновение по вопросу о праве на церковное убежище. Однако, узнав о болезни епископа, Стилихон воскликнул: «Это удар для всей Италии»³⁹.

Скончался святой Амвросий 3 апреля 397 г.

В иконографии св. Амвросий изображается обычно как епископ с палицей (матерчатый ромб, символ духовного оружия), митрой и посохом, а иногда — с роем пчел у ног⁴⁰. В других случаях Амвросий представлен с бичом в руке (в знак его

³⁷ См. об этом подробно: *Мотрохин*. Христианское содержание «De officiis» Амвросия // Православный собеседник. 1912. Т. 2. С. 105.

³⁸ См. подробно: *Адамов И. И.* Указ. соч. С. 638.

³⁹ См. подробно: *Никитин В. А.* Указ. соч.

⁴⁰ Скорее всего, в этом случае отражается событие в младенчестве Амвросия, о котором первым написал Павлин. Его рассказ воспроизводит И. И. Адамов: «Однажды, когда новорожденный младенец с открытым ртом спал в присутствии родителей на открытом воздухе, налетевший рой пчел покрыл все его лицо: пчелы то входили в открытый рот мальчика, то выходили из него, а потом улетели. Заинтересовавшийся отец очень обрадовался, увидав, что улетевшие пчелы поднялись на незаметную для глаз высо-

победы над арианами) или же с двумя костями в руке (в знак открытия им мощей святых мучеников Гервасия и Протасия). Самым живописным изображением святого является картина великого фламандского художника Питера Рубенса в Бельведерской галерее в Вене: на ней запечатлена встреча Амвросия с императором Феодосием в портике медиоланской базилики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Адамов И. И.* Св. Амвросий Медиоланский. — Сергиев Посад, 1915.
2. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Средневековая латинская литература Италии. — М., 1972.
3. *Мень А. В.* Библиологический словарь : в 3 т. — М., 2002.
4. *Мотрохин.* Христианское содержание «De officiis» Амвросия // Православный собеседник. — 1912. — Т. 2.
5. *Никитин В. А.* Амвросий — светильник единой Церкви // Амвросий Медиоланский. Две книги о покаянии. — М., 1997.
6. *Самуилов В.* История арианства на латинском западе (353—430). — СПб., 1890.
7. *Утченко С. Л.* Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Цицерон Марк Тулий. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М., 1993.

ту, и усмотрев здесь указание на высоту будущей карьеры своего сына» (*Адамов И. И.* Указ. соч. С. 13).

Юридическое наследие

Сергей Иванович БАРШЕВ (1808—1882) — русский правовед-криминалист, ординарный профессор и декан юридического факультета, ректор Московского университета.

В истории русской юриспруденции XIX в. этот человек занимает заметное место. Он был автором одного из первых в России учебного курса уголовного права, опубликованного в 1841 г. под названием «Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях в двух разделах». На основе данного курса осуществлялось преподавание уголовного права в течение многих лет во всех российских университетах. Кроме того, он выпустил в свет такие книги, как «О мере наказаний» (М., 1840), «О вменении в праве. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Московского университета июня 13 дня 1840 года» (М., 1840), «Взгляд на науку уголовного законодательства» (СПб., 1858), «О существе власти и обязанностях присяжных» (М., 1874). В 1868 г. был издан литографическим способом его учебник «Уголовное судопроизводство» (М., 1868).

Сам Сергей Иванович на протяжении 42 лет читал уголовное право в Московском университете. В «Юридических записках», в журналах «Русский вестник», «Москвитянин», в «Журнале Министерства юстиции» и в других изданиях периодически выходили его статьи по проблемам уголовного права и уголовного судопроизводства. Он был в числе основателей Юридического общества, созданного при Императорском Московском университете, и являлся его первым председателем.

Будучи специалистом в области уголовного права и уделяя в своих научных работах большое внимание теории наказания, С. И. Баршев тем не менее считал, что «насилие и принуждение есть всегда самое ненадежное обеспечение. Поэтому право, которое на них только основывается, весьма непрочное». Именно по этой причине ученый выступал против того, чтобы право лишалось связи с религией и нравственностью. С его точки зрения, право как действие человеческого произвола, как произведение рук человеческих «может быть поддерживаемо только внешнею силою, и само в себе оно не заключает в этом случае ничего такого, почему бы можно было его уважать. Лишь в тесной связи с религиею и нравственностью оно получает внутреннее освящение и внушает к себе, само собою, глубокое уважение».

**ОБЩИЕ НАЧАЛА
ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И НАКАЗАНИЯХ
(фрагмент)**

**ОБЩІЯ НАЧАЛА
ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЪ
О
ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И НАКАЗАНІЯХЪ.**

ВЪ ДВУХЪ РАЗДѢЛАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

**ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
Ординарнаго Профессора, Доктора Правъ**

Сергія Баршева.

**МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1841.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая полное руководство къ одной изъ важнѣйшихъ частей преподаваемой мною науки, я не сомнѣваюсь, что всякой, кому не неизвѣстна настоятельная нужда въ подобныхъ сочиненіяхъ на нашемъ языкѣ, въ особенности въ области юридическихъ наукъ, приметъ мое сочиненіе съ доброжелательствомъ, и извинитъ его недоспадки. Если же бы кто, не смотря ни на что, вмѣсто благодарственной рецензіи, которая бы была поучительна и для меня и для другихъ, вздумалъ осыпать меня бранью и ругательствами, по примѣру моего рецензента въ Сынѣ Опечесства, тому я скажу уже напередъ, что брань его мнѣ не можетъ вредить. Я пишу не для того, чтобы меня хвалили, но по тому, что желаю по возможности быть полезнымъ, и нахожу доспащочную награду за мой трудъ въ томъ сознаніи, что исполняю по совѣсти мой долгъ.

Сочинитель.

РАЗДѢЛЪ I.

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХЪ ВООБЩЕ.

ГЛАВА I.

О СУЩЕСТВѢ ПРЕСТУПЛЕНІЯ И ЕГО РАЗДѢЛЕНІЯХЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О СУЩЕСТВѢ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Понятіе преступленія.

§ 1. Въ положительныхъ законодательствахъ преступленіе обыкновенно опредѣляется, какъ дѣйствіе человеческой свободы, запрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія (1). Определеніе это очевидно не удовлетворительно. Раздается самъ собою вопросъ: почему законы положительные запрещаютъ извѣстныя дѣйствія человеческой свободы подъ страхомъ наказанія? — Уже и по обстоятельству, что въ законодательствахъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ запрещаются, какъ преступленія, большею частію одніи и тѣ же дѣйствія, достаточно показываетъ, что запрещать или не запрещать извѣстныя дѣйствія не зависитъ отъ воли законодателя, но что въ основаніи этого историческаго явленія

2

лежитъ какой нибудь высшій законъ, равно всѣми признаваемый и равно для всѣхъ обязательный. — И дѣйствительно, кромѣ вѣшняго, человеческого, положительнаго закона существуеиъ внутреннихъ, божественный, нравственный законъ, который не только совершенно независимъ отъ него, но уже и прежде его опредѣляетъ достоинство или недостоинство человеческихъ дѣйствий. Законъ нравственный разуменъ и необходимъ самъ въ себѣ. Своего представителя онъ имѣетъ въ совѣсти человека, которая однакоже, какъ ничто личное (субъективное), не можетъ быть высшимъ образцомъ для дѣятельности человека, но есть только сознаніе о немъ. Какъ высшій образецъ для дѣятельности человека, законъ нравственный высказанъ въ наше время въ опроверженномъ хрістіанскомъ ученіи. Закону нравственному законы положительные очевидно не должны противорѣчить ни въ какомъ случаѣ. Слѣдов. какія дѣйствія не осуждаетъ и не запрещаетъ законъ нравственный, тѣ не должны запрещать и осуждать и законы положительные. Отсюда однакоже не должно выводиться того, что понятіе о преступленіи совершенно совпадаетъ съ понятіемъ о безнравственномъ дѣйствіи, или что всякое возможное безнравственное дѣйствіе, которое осуждаетъ и запрещаетъ законъ нравственный, непременно должно быть осуждаемо и запрещено и законами положительными. Вопервыхъ есть много безнравственныхъ дѣйствій, которыя власть государственная оставляетъ безъ всякаго вниманія, потому что онѣ слишкомъ маловажны и незначительны; но и тѣ, которыя важныя и значительныя она часто не подвергаетъ никакому запрещенію и наказанію, или отъ того что онѣ совершаются внѣ предѣловъ

3

ей, въ кругу домашней и семейной жизни, ко-
рымъ только и ограничиваются, и куда она не
можетъ встрогаться, или же опъ того что онъ,
по самому свойству своему, не допускаютъ ника-
кого вѣншнаго принужденія, и потому должны
быть предоснавленны суду собственной совѣсти
каждаго, или наконецъ потому что этого пре-
бываютъ извѣстныя фактическія условія, господ-
ствующія понятія, нравы и обычаи, вообще
временныя и мѣстныя отношенія, ко-
торымъ также много подчиняются и уголовныя положи-
тельные законы, какъ и всѣ другіе, и которые
перемѣнились не во власти законодателя. — По
всѣмъ этимъ причинамъ понятіе преступленія
не можетъ не быть вѣншне понятія безраз-
суднаго дѣйствія. Впрочемъ, если совершенно спра-
ведливо то, что и на уголовныя законы имѣ-
ютъ большое вліяніе въ особенностяхъ историче-
скія и опытыя данныя, такъ что онъ глав-
нымъ образомъ и опредѣляютъ границу, до ко-
торой должно простирается ихъ прещеніе, то съ
другой стороны было бы однакоже совершенно
ложно, если бы кто изъ этихъ, чисто положи-
тельныхъ, временныхъ и мѣстныхъ, прехо-
дящихъ и измѣняющихся посылокъ, смалъ выво-
диль общее и обязательное правило, что на из-
вѣстныя, безразсудныя дѣйствія человекъ
имѣетъ право, которое не можетъ быть оспра-
шено у него даже и на другой степеніи граждан-
ской образованности и при другихъ, совершенно
различныхъ условіяхъ. — Въ практическомъ оц-
ношеніи вопросъ, какъ далеко должно прости-
рается прещеніе уголовныхъ положительныхъ
законовъ, особенно важенъ въ наше время, когда
многія дѣйствія, которыя не задолго прежде
ездѣ были наказываемы, какъ преступленія, въ

4

большей части государспвъ уже не признаются такими. Безусловно нельзя ни одобрять того, что было прежде, ни порицать то, что есть теперь, но всегда должно принимать при томъ въ соображеніе всѣ существующія отношенія и никогда не проводить границы на основаніи однихъ опвлеченныхъ началъ разума.

Продолженіе.

§ 2. Тому, что мы сказали въ объясненіе понятія преступленія, не противорѣчитъ то наблюденіе, что, кромѣ дѣйспвій безиравспвенныхъ, въ положительныхъ законахъ запрещаюся, какъ преступленія, и многія такіа дѣйспвіа, которыя не запрещаетъ и не осуждаетъ законъ нравспвенный. Къ этому роду преступленій обыкновенно причисляются такіа дѣйспвіа, которыя законъ нравспвенный, хотя и не осуждаетъ, но и не одобряетъ, слѣд. дѣйспвіа безразличныя. Государспвенное благо и общественная польза обыкновенно заспаваютъ вынуждаютъ или запрещаютъ ихъ. Впрочемъ со времени запрещенія, и онѣ уже переспаютъ быть безразличными и предъ судомъ нравспвленнымъ. Повиновеніе властямъ законнымъ есть обязанность нравспвенная, особенно если оно пребуется въ интересѣ общественнаго блага.

Историческій взглядъ.

§ 3. Взглядъ, который мы имѣемъ на преступленіе, былъ долгое время, почти до самаго конца прошедшаго столѣтія, признаваемъ всѣми за единый истинный. До этого времени никто и не думалъ сомнѣваться, что право человѣческое состоитъ въ тѣсной связи съ правомъ божь-

5

скимъ, что последнее есть то незыблемое основаніе, на которомъ утверждается первое. Но къ концу прошедшаго столѣтія п. н. новыя теоріи, къ явному вреду и науки и жизни, начали подрывать это основаніе и приписывать для права человеческого свои особенныя, не состоящія ни въ какой связи съ религіею и нравственностію начала. Но не говоря уже о томъ, что это новое ученіе рѣшительно противорѣчитъ исторіи и опыту, оно служитъ доказательствомъ только того, что вышеупомянутая связь права съ религіею и нравственностію или не выражена его защитниками, или же и просмѣтна ими съ намѣреніемъ. — Опъ того же, что они не признаютъ се, нравственное свойство гражданскаго преступленія не уничтожается нисколько. Конечно возможно и преступленіе, почто также какъ и всякой другой предметъ, разсматривать съ той или другой точки и отвлекать припомъ опъ всякаго другаго образа воззрѣнія. Въ особенности это всегда неизбѣжно въ томъ случаѣ, когда предметъ разсматриваютъ только съ тою цѣлію, чтобы подвести его подъ известную, уже готовую систему. Напротивъ, если разсматриваютъ его безъ предубѣжденія и дѣлаютъ выводы изъ самаго существа вещи, то въ этомъ случаѣ приспирасіе къ тому или другому взгляду уже не возможно, откуда и открывается само собою, что то ученіе, которое не хочетъ поспигать именно той стороны преступленія, которая только вполне раскрываетъ и объясняетъ его свойство, и говоритъ объ ней, какъ о не принадлежащей къ дѣлу, не можетъ по крайней мѣрѣ быть названо философскимъ. Кромѣ другихъ невыгодъ, отдѣленіе права опъ нравственности имѣетъ слѣд. еще и ту невыгоду, что оно,

6

погда какъ не обращаетъ вниманія на нравствен-
ную сторону преступленія, безъ всякой нужды и
основанія ограничиваетъ и снѣсляетъ его поня-
тіе (2).

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О РАЗЛИЧНЫХЪ РАЗДѢЛЕНІЯХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Общее замѣчаніе.

§ 4. Безчисленны и разнообразны раздѣленія
преступленій, которыя встрѣчаемъ въ законода-
тельстввахъ и руководствахъ, но вниманія заслу-
живаютъ только два: одно, которымъ преступ-
ленія разграничиваются отъ проступковъ, и дру-
гое, которое имѣетъ въ виду классификацію пре-
ступленій для легчайшаго обозрѣнія ихъ въ на-
укѣ. О первомъ здѣсь, а о послѣднемъ прилич-
нѣ говорить тамъ, гдѣ разсуждается о пре-
ступленіяхъ въ особенности.

Раздѣленіе на преступленія и проступки.

§ 5. Кромѣ дѣйствій безнравственныхъ запре-
щаются, какъ мы видѣли, во всѣхъ государствахъ,
подъ страхомъ наказанія, и дѣйствія, безразли-
чныя въ нравственномъ отношеніи, только отъ
того что онѣ не совмѣстны съ общественною
безопасностію, тишиною и спокойствіемъ. Про-
тивъ первыхъ издаются законы уголовные, а по-
слѣднія запрещаются въ полицейскихъ. Тѣ сопро-
вождаются тяжкимъ уголовнымъ наказаніемъ, а
этѣ легкимъ полицейскимъ. Ипакъ, чтобы опдѣ-
лить ихъ другъ отъ друга, издавна признано за
необходимое во всѣхъ государствахъ, различать
уголовныя преступленія или преступленія въ
пѣсномъ смыслѣ отъ нарушеній полицейскихъ

7

законовъ (crimes и contraventions, Verbrechen u Vergehen, преступления и проступки). Противъ этого раздѣленія нельзя сказать ничего, потому что оно основывается на самомъ существѣ вещи. Но такъ какъ и самыя преступленія могутъ быть не одинаково тяжки; то чтобы не поспавить на одну линію преступленіе маловажное съ злодѣяніемъ тяжкимъ, и вслѣдствіе этого не быть въ необходимости, подвергать и то и другое одинаково безчестному наказанію, а вмѣстѣ и производивъ дѣло съ одинаковою торжественностію и формальностію, признано за благо, сперва во Франціи, а потомъ, по примѣру ея, и въ другихъ германскихъ государствахъ, замѣнить прежнее двойное раздѣленіе тройнымъ, подраздѣливши преступленія въ т. с. на преступленія и проступки (crimes délits, contraventions, Verbrechen, Vergehen, Polizeyübertretungen). Какъ ни цѣлесообразнымъ представляется это раздѣленіе съ перваго взгляда; но такъ какъ оно совершенно произвольно, то его нельзя рекомендовать и другимъ законодательствамъ, гдѣ оно еще не принято. Дѣйствительно, едва ли возможно пріискать какую нибудь общую границу, посредствомъ которой преступленія могли бы быть отдѣлены отъ проступковъ. Отъ этого уже и въ самой Франціи, послѣдніе отдѣляются отъ первыхъ только совершенно случайными, чисто внѣшними признаками, которые не заключаются въ самомъ существѣ дѣйствій. Сюда относятся, напр. большее или меньшее количество или продолжительность вреда, причиненнаго дѣйствіемъ, которое потому иногда можетъ быть преступленіемъ, а иногда только проступкомъ. Если же нѣкоторые законодательства, какъ напр. баварское и австрийское, обращаютъ вниманіе и на

8

внутренние, субъективные признаки, и относить къ преступленіямъ дѣйствія злонравныя, а къ проступкамъ неосторожныя, но и это разграниченіе, сколько произвольно, столько же и бесполезно, отъ того что иногда и неосторожное преступленіе можетъ быть гораздо важнѣе и предосудительнѣе, нежели злонравное. Кромѣ того, такъ какъ злонравность и неосторожность, а равно и всѣ другіе признаки, которыми обыкновенно разграничиваютъ преступления отъ проступковъ, открываются не прежде, какъ по судебномъ изслѣдованіи, то тамъ, гдѣ, какъ напр. во Франціи, для сужденія проступковъ учреждены особенныя судебныя мѣста, это разграниченіе необходимо должно замедлять ходъ правосудія, вслѣдствіе неизбѣжной пересылки дѣла изъ одного мѣста въ другое и споровъ о подсудности. Если же подобное раздѣленіе должно имѣть какую нибудь пользу, то необходимо, чтобы оно было сдѣлано по такимъ признакамъ, по которымъ тотчасъ, при самомъ началѣ дѣла можно судить, кому оно подсудно (3).

ГЛАВА II.

О НЕОБХОДИМЫХЪ УСЛОВІЯХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

В о о б щ е.

§ 6. Всякое преступленіе, какъто открывается уже и изъ самаго понятія его, необходимо предполагаетъ слѣдующія условія: во первыхъ

(1) Св. Зак. Т. XV. ст. 1. Иностран. закон. приведенъ въ Iarcke Hndb. S. 94 цит. 3. (2) Iarcke, III. S. 95. (3) Hudtvalcker Bergläge B. I. II. S. 1.

9

известное лицо, которым оно совершается, во вторых известное внешнее действие, в котором обнаруживается, вопреких противоправности действия и четвертых свободу действия. Из совокупности этих условий составляется т. н. общее состояние преступлений (Allgemeiner Thatbestand der Verbrechen). Ему противопоставляется особенное состояние дела (besonderer Thatbestand), которое составляется из совокупности тех условий, которые присутствуют в каждом преступлении в особенности. Особенные условия преступлений должны быть показаны там, где рассуждается о преступлениях в особенности; об общих же следует говорить здесь.

ОТДЕЛЕНИЕ I.

О лицъ, совершающемъ преступление.

Общее обозначение предмета.

§ 7. По отношенію къ лицу, совершающему преступленіе, особеннаго вниманія и изслѣдованія заслуживаютъ слѣдующіе вопросы: во первыхъ могутъ ли совершать преступленія нравственныя лица, и во вторыхъ могутъ ли совершать ихъ иностранцы?

Могутъ ли совершать преступленія нравственныя лица?

§ 8. На вопросъ, могутъ ли совершать преступленія корпораціи, общества, товарищества, вообще нравственныя лица, криминалисты обыкновенно отвѣчаютъ весьма различно. Нѣкоторые безусловно утверждаютъ его, другіе требу-

10

юпъ напротивъ единогласія всѣхъ членовъ, изъ которыхъ онѣ соспавляются, а большая часть наконецъ, безъ всякаго ограниченія и условія, опъвѣчаетъ на него оприцапельно. Въ пользу послѣдняго мнѣнія склоняемся и мы. Справедливостъ его опъкрывается, по нашему мнѣнью, изъ понятія и самаго нравспвеннаго лица, далѣе изъ понятія преспуленія и наконецъ изъ невозможно-сти наказанія нравспвеннаго лица.

Что естъ нравспвенное лицо? Соединеніе нѣсколькихъ физическихъ лицъ, которые имѣюпъ извѣспную, закономъ одобренную цѣль, и полько для доспигенія этой цѣли и получаюпъ нравспвенную личность. Слѣдовательно въ качествѣ нравспвеннаго лица онѣ могупъ дѣйснвовать полько для этой цѣли; всякое же другое дѣйсвие, которое онѣ совершаюпъ для другой, а не для этой цѣли, хотя бы то и съ общаго согласія, можетъ быпъ ими совершаемо полько въ качествѣ физическихъ лицъ. Но цѣль нравспвеннаго лица всегда можетъ быпъ полько непредосудительная, невинная, точно также какъ и средства, которыми она должна быпъ доспигаема. Иначе какъ бы она могла быпъ одобрена правительствомъ? Если же это такъ, то очевидно само собою, что нравспвенное лицо, какъ нравспвенное, не можетъ совершать преспуленій. Слѣдовательно, какъ скоро члены, изъ которыхъ оно соспавляется, совершаюпъ преспуленіе, хотя бы то и съ общаго согласія, то они уже не могупъ быпъ разсмаприваемы какъ нравспвенное лицо, но должны быпъ наказаны, какъ со-общники въ преспуленіи.

Это же самое опъкрывается и изъ понятія преспуленія. Всякое преспуленіе можетъ быпъ полько произведеніемъ разумно свободной воли.

11

Оно необходимо предполагает ея злоупотребленіе. Но если нравственному лицу и приписывается воля, то только на дѣла непредвзятельныя, которыя необходимы для достиженія его цѣли, слѣд. воля ограниченная, такая, которая можетъ быть только употребляема, но не злоупотребляема.

Но и если бы наконецъ нравственное лицо могло совершать преступленіе; то всё бы оно не могло имѣть для него никакихъ послѣдствій, потому что по отношенію къ нему не возможно никакое наказаніе. Нравственное лицо существуетъ только въ понятіи. Потому оно не можетъ быть ни наказано на пѣль, ни заключено въ тюрьму, ни лишено чести, ни даже подвергнуто денежному штрафу. — То правда, что оно существуетъ въ понятіи, не препятствуетъ тому, чтобы оно могло быть подвергнуто денежному штрафу, но за то этому препятствуетъ другая причина, именно та, что имущество, которое оно имѣетъ, можетъ быть употребляемо только для той цѣли, для которой оно существуетъ, и если можетъ быть отбираемо у него, то развѣ тогда, когда власть, которая признала его въ качествѣ нравственнаго лица, рѣшитъ уничтоженіе его. — Но можетъ быть уничтоженіе и есть именно то наказаніе, которое можетъ быть выполняемо надъ нравственнымъ лицомъ въ случаѣ преступленій важныхъ, а въ случаѣ неважныхъ не можетъ ли оно состоять въ ограниченіи его правъ и преимуществъ? — Но права и преимущества, которыя государство укрѣпляетъ за нравственнымъ лицомъ, обыкновенно укрѣпляются за нимъ, потому что считаются необходимыми для его цѣли; — какъ же онъ можетъ быть отнимаемъ за дѣйствія, которыя

12

предпринимаются не для цѣли общества, даже проотивны ей? Но и еще болѣе несправедливо уничтожать совершенно нравственное лицо за подобныя дѣйствія. Да и кто бы въ этомъ случаѣ терпѣлъ болѣе всего отъ наказанія, виновные или невинные? Очевидно болѣе всего нравственное лицо, которое однакожъ нисколько не виновато въ преступленіи, потомъ государство, которое, если дозволяетъ существованіе нравственнаго лица, и утверждаетъ за нимъ извѣстныя права и преимущества, необходимыя для его цѣли, то дѣлаетъ это потому, что считаетъ его существованіе съ этими правами и преимуществами полезнымъ для себя, — и послѣ всѣхъ уже физическія лица, которыя однѣ только и виновны въ преступленіи. И если предположить, что преступленіе совершается ими по своекорыстнымъ расчетамъ, то онѣ могутъ и вовсе ничего не терпѣть отъ наказанія и вознаградить себя за выгоду быть членами нравственнаго лица еще большими выгодами отъ преступленія.

По всѣмъ этимъ причинамъ мы думаемъ, что мнѣніе тѣхъ, которые безусловно отрицаютъ, что нравственные лица могутъ совершать преступления, заслуживаетъ предпочтеніе предъ всѣми другими. — Тѣ однакожъ, которые держатся противоположнаго мнѣнія, считаютъ ихъ недоспающими и возражаютъ проотивъ нихъ слѣдующее:

Противъ перваго доказательсва они говорятъ: положеніе, что нравственные лица оспаются нравственными лицами только до тѣхъ поръ, пока онѣ поступаютъ согласно съ законами, доказываетъ болѣе, нежели сколько оно должно доказывать, и слѣд. не доказываетъ ничего. Если бы оно не было несправедливо, то неспра-

13

ведливые приговоры напр. никогда бы не могли входить в законную силу. Тогда бы мы должны были так рассуждать: судебное место тогда только поступает согласно с своею целью, когда оно рѣшает согласно съ законами. Слѣд. оно и существуетъ только до тѣхъ поръ, пока поступаетъ такъ. Но это рассужденіе есть ли основательно? Судъ оспариваетъ судомъ, какъ бы онъ ни рѣшалъ. Конечно для существованія нравственнаго лица требуется дозволенная цель. Но слѣдуетъ ли отсюда, что въ случаѣ уклоненія отъ этой цели, оно вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, перестаетъ быть нравственнымъ лицомъ? Это не вытекаетъ ни изъ существа вещи ни изъ законовъ. Обоймъ подобное превращеніе совершенно чуждо. Что сначала законно существуетъ, то должно быть разсма-триваемо, какъ законно существующее и въ своемъ продолженіи, и такъ какъ нравственное лицо получаетъ свое бытіе отъ верховной власти, посредствомъ ясно выраженнаго ею соизволенія на его учрежденіе, то ею только оно можетъ быть и уничтожено. Временное прекращеніе его существованія посредствомъ преступленія также невозможно, какъ и возрожденіе по совершеніи преступленія. Или не должно ли государство всякой разъ вновь утверждать его? — Кто не видитъ, что въ этомъ возраженіи сѣются между собою совершенно разнородные предметы, которые не имѣютъ никакого сходства? Въ понятіи судебного места, какъ судебного, конечно заключается, что оно должно всегда давать только справедливые приговоры, потому что судъ есть олицетворенная идея справедливости. Но чрезъ это нисколько однакожъ не исключается возможность и несправедливыхъ при-

14

говорить. Иначе бы законъ пребывалъ онъ судей невозможнаго, т. е. чтобы они никогда не ошибались. Правда, и не требуя этого, онъ могъ бы однакожь разсмакивать, какъ приговоры судебного мѣста, только такіе, которые справедливы, несправедливые же считать приговорами единственно пѣхъ лицъ, изъ которыхъ оно составляется, и вслѣдствіе этого первымъ только и сообщать законную силу. Но къ чему бы это повело? Очевидно къ непрестанному пересужденію и перевершенію дѣлъ уже рѣшенныхъ. И пакъ, чтобы предоправдывать это зло, которое бы не только замедлило, но и совершенно остановило ходъ правосудія, во всѣхъ государствахъ признается за правило, что всякой приговоръ, хотя бы то и несправедливый, какъ скоро тяжущіеся не объявляютъ противъ него неудовольствія, по истеченіи извѣстнаго времени, долженъ входить въ законную силу, такъ что послѣдствіи уже никакія возраженія не могутъ быть принимаемы противъ него. Въ этомъ не заключается и никакой несправедливости. По истеченіи извѣстнаго времени входятъ въ законную силу только пѣ несправедливые приговоры, которые даютъ по дѣламъ частнымъ гражданскимъ. Въ дѣлахъ же гражданскихъ судъ есть не болѣе, какъ посредникъ между партіями. По ихъ желанію онъ начинаешь дѣло, по ихъ желанію и оканчиваетъ. Если онъ недоволенъ его рѣшеніемъ, то онъ предсказываетъ имъ жаловаться; но чтобы дѣло когда нибудь имѣло конецъ, назначаетъ для жалобы извѣстный срокъ. Пропускъ этого срока онъ считаетъ тайнымъ согласіемъ на приговоръ, и поному приводитъ его въ исполненіе. Если бы теперь партіи усмотрѣли, что дѣло рѣшено не пакъ, какъ бы надлежало, то онъ должны жало-

15

вашь не на судъ, котораго приговоръ освящали своимъ согласіемъ, но на самихъ себя. Совѣмъ другое напротивъ должно сказать о нравственныхъ лицахъ. Ихъ личность, по разуму самаго закона, никогда не можетъ проспираться далѣе той цѣли, для которой онѣ существуютъ. Ею ограничивается не только вся ихъ дѣятельность, но и самое бытіе. Отсюда не только въ продолженіи, но и въ самомъ началѣ ихъ существованіе обуславливается этою цѣлію. Единственно подъ условіемъ ея государство позволило имъ существовать; единственно подъ этимъ же условіемъ онѣ могутъ и продолжать свое существованіе. Если же онѣ уклоняются отъ своей цѣли, то тотчасъ и перестаютъ быть нравственными лицами; даже говоря собственно и не перестаютъ, потому что сами онѣ не могутъ и уклоняться отъ своей цѣли; уклоняются только тѣ физическія лица, изъ которыхъ онѣ состоятъ. Нисколько не удивительно поэтому, что ни онѣ сами ничего не знаютъ о прекращеніи своего существованія во время преступленія и о возрожденіи послѣ его, ни законы не считаютъ нужнымъ опять утверждать ихъ въ подобныхъ случаяхъ. Преступленіе, какъ дѣло совершенно постороннее для нихъ, рѣшительно не имѣетъ никакого вліянія на нихъ.

Еще слабѣе другое возраженіе, которое приводится противъ другаго доказательства. И это доказательство, говорятъ, доказываетъ болѣе, нежели сколько должно, потому что если бы оно было справедливо, то и никакое физическое лицо не могло бы совершать преступленія. И человѣку дается свобода только на добрыя дѣла; всякое же злое дѣло есть доказательство скорѣе отсутствія свободы и недоспѣлка воли. —

2 *

16

Это возраженіе почти и не заслуживаетъ опроверженія. Физическое лицо, не какъ нравственное, создается не государственною властію, и что оно и ко злу можетъ стремиться, также какъ и къ добру, это прямо вытекаетъ изъ понятія о немъ, какъ о человѣкѣ.

Наконецъ пропихивъ послѣдняго доказательства замѣчаютъ, что оно скорѣе есть не доказательство, но естественное ограниченіе, которое само собою вытекаетъ изъ совершенно особенныхъ отношеній, и потому не доказываетъ ничего. И по отношенію къ физическимъ лицамъ исполненіе законнаго наказанія бываетъ часто вовсе не возможно, наприм. въ случаѣ присужденія денежнаго штрафа, котораго преступникъ не можетъ уплатить, или когда къ лишенію добраго имени долженъ быть приговоренъ уже поперывшій его, или въ случаѣ спеченія преступленій. Всё различіе состоитъ здѣсь въ томъ, что невозможность выполнятъ надъ нравственными лицами нѣкоторыя наказанія есть всегдашняя и безусловная, а по отношенію къ физическимъ напротивъ временная и условная. — Въ этомъ возраженіи говорится только о невозможности выполнятъ надъ нравственными лицами нѣкоторыя наказанія, а мы утверждаемъ напротивъ, что ихъ нельзя наказывать рѣшительно никакимъ наказаніемъ. Если бы нравственные лица не могли быть наказываемы только нѣкоторыми наказаніями; то въ этомъ не было бы еще большой важности. Но когда надъ ними не можетъ быть выполнено рѣшительно никакое наказаніе, то преступленіе уже обременяется для нихъ пустымъ словомъ, безъ всякаго смысла и значенія. Преступленіе и наказаніе относятся между собою, какъ дѣйствіе и его послѣдствіе. Гдѣ нѣтъ дѣйствія, тамъ нѣтъ

17

и послѣдствія, и наоборотъ, если есть послѣдствіе, то должно быть и дѣйствіе. Слѣд., гдѣ есть преступленіе, тамъ должно быть и наказаніе, и наоборотъ, гдѣ нѣтъ наказанія, тамъ нѣтъ и преступленія. Если бы теперь и принять, что нравственные лица могутъ совершать преступления, то такъ какъ онѣ не могутъ быть наказываемы за нихъ, то это всё равно, что онѣ не могутъ и совершать преступленій. Преступленіе рождается изъ закона, въ законѣ же оно обуславливается возможностью наказанія; слѣд., гдѣ наказаніе не возможно, тамъ, не смотря на преступленіе, на самомъ дѣлѣ нѣтъ преступленія. — Тѣ, которые думаютъ, что не всё наказаніе невыполнимо надъ нравственнымъ лицомъ, признають за возможное приговариваніе его къ денежнымъ штрафамъ, а равно и къ ограниченію его правъ и преимуществъ и даже къ совершенному уничтоженію. Несправедливость денежныхъ штрафовъ они думаютъ усмирить штрафъ предписаніемъ, чтобы всякой разъ сколько же, сколько взыскивается за преступленіе съ нравственнаго лица изъ общественной кассы, было внесено въ нее его физическими членами. — Но кто не видитъ, что въ такомъ случаѣ нравственное лицо наказывается только на словахъ, а на самомъ дѣлѣ расплачиваются физическія лица? Также невозможно и то, чѣмъ обыкновенно оправдываютъ ограниченіе правъ и уничтоженіе нравственнаго лица за преступленіе. Если бы, говорить, и то и другое было не возможно только потому, что виновные могутъ потерять и невинные, то было бы невозможно по этой причинѣ, въ большей части случаевъ, наказывать и физическія лица. Въ награду за заслуги государству не рѣдко разширеніи привилегій нравственнаго

18

лица, почему же оно не можетъ ограничивать ихъ, даже уничтожать его за преступленіе? И такъ какъ въ этомъ случаѣ, если награда не ограничивается наличными членами, но распространяется и на будущихъ, вмѣстѣ съ заслужившими ее, награждаются и незаслужившіе; то почему же наоборотъ и наказаніе, вмѣстѣ съ виновными, не должно падать и на невинныхъ? — Всѣ это возраженіе доспаточно опровергается частію тѣмъ, что если опъ наказанія физическихъ лицъ терпятъ иногда и невинные, то наказываются всегда главнымъ образомъ и болѣе всего виновные; напротивъ, когда за преступленіе физическихъ членовъ подвергаются наказанію нравственные лица, то прежде и болѣе всего терпятъ невинные, а потомъ уже виновные, частію же тѣмъ, что награждая наравнѣ съ заслужившими награду и незаслужившихъ ее, государственно поощряетъ тѣмъ и послѣднихъ сдѣлаться достойными ея, между тѣмъ какъ наказывая невинныхъ, оно можетъ поощрить ихъ развѣ только къ тому, чтобы дѣйствительно заслужить наказаніе.

И такъ мы принимаемъ за неоспоримое, что нравственными лицами преступленія не могутъ быть совершаемы. Следовательно, гдѣ представляется, что оно совершено нравственнымъ лицомъ, намъ вмѣсто того, чтобы наказывать его, гораздо справедливѣе подвергать опѣтспвенности каждаго члена по мѣрѣ вины, — на томъ же самомъ основаніи, какъ и всѣхъ другихъ сообщниковъ. — Съ нашимъ мнѣніемъ согласны опчасни и новѣйшія положительныя законодательства, какъ напр. баварское, которое освобождаетъ нравственные лица опъ наказанія, потому что онѣ ничѣмъ не могутъ быть наказаны, и повѣлываетъ въ подобныхъ случаяхъ наказывать ви-

19

новыхъ членовъ ихъ по мѣртъ вины. Отсюда оно исключаетъ впрочемъ помятый случай, когда нравственное лицо оказывается виновнымъ въ бунтѣ или измѣнѣ. Въ этомъ случаѣ оно предписываетъ наказывать не членовъ, но самое нравственное лицо, потому что, какъ говорится въ примѣчанияхъ къ нему, здѣсь есть уже возможность наказанія его или посредствомъ уничтоженія или же посредствомъ лишенія преимуществъ, которыя употреблены ими во зло (1).

Могутъ ли совершать преступленія иностранцы?

§ 9. Что же касается до другаго вопроса, то онъ имѣетъ слѣд. смыслъ: 1) можно ли поступать, какъ съ преступниками, съ иностранцами, которые, пребывая постоянно или временно въ чужомъ государствѣ, нарушаютъ его законы? и 2) какъ должно поступать съ тѣми, которые, совершивши преступленіе въ одномъ государствѣ, бѣгутъ въ другое и тамъ budou пойманы? — На первый вопросъ всѣ почти криминалисты отвѣчаютъ утвердительно. Если государство допускаетъ въ свои предѣлы иностранца, то всегда подъ тѣмъ условіемъ, что онъ, наравнѣ съ природными подданными, свято будетъ соблюдать тѣ законы, которые въ немъ дѣйствуютъ и которыхъ покровительствомъ онъ пользуется. Отсюда, когда онъ нарушаетъ ихъ, то оно имѣетъ полное право поступать съ нимъ точно также, какъ если бы онъ былъ природный подданный его. Изъятіе изъ этого правила допускается только по отношенію къ публичнымъ агентамъ и иностраннымъ вспомогательнымъ, переходящимъ чрезъ чужую землю войскамъ, которые всегда судятся и наказываются по законамъ своего опеческа.

20

Сомнительные другой вопрос. Всего естественнее и справедливее было бы в подобных случаях выдавать преступника тому государству, где преступление совершено. Но так как его выдача часно может быть затруднительна, а иногда вовсе не возможна; то государства большею частью присвояют самим себя право наказывать и таких преступников, и судить их или по своим законам или же по тем, в нарушение которых преступление совершено, смотря по тому, что выгоднее для них. Преступник не нарушил законов того государства, во власти которого находится. Преступление совершено в их предъях его, след. там, где его законы не действуют. Поэтому ближайшее право на наказание должно действительно принадлежать не ему, но тому государству, где преступление совершено. Но после его иметь право наказывать и всякое другое государство, разумется впрочем, если преступление заключает в себя нарушение не положительного только и при том мещного, но и нравственного закона. Закон нравственный равно обязателен для всех государств. Поэтому нарушение его, где бы оно ни последовало, ни для кого не может быть делом посторонним (2).

Россия 100 лет назад: месяц в истории

ДЕКАБРЬ 1918 ГОДА

2 декабря, понедельник

Советом народных комиссаров РСФСР было принято постановление «О ликвидации иностранных банков, действующих в пределах РСФСР»

Все действующие в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики иностранные банки подлежат ликвидации. Что касается русских акционерных банков, то они подходят под действие Декрета 14 декабря 1917 года (Собр. Узак. 1918 г., № 10, ст. 150), независимо от национального состава их акционеров или вкладчиков.

Подписали: Председатель Совета
народных комиссаров
В. Ульянов (Ленин)
Управляющий Делами Совета
народных комиссаров
В. Бонч-Бруевич

**Юрий Григорьевич
ШПАКОВСКИЙ,**
главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор

3 декабря, вторник

Приговор Военно-революционного трибунала по «делу Локкарта»

Перед судом Верховного революционного трибунала предстали 24 обвиняемых, из них четырех — Локкарта, Гренара, Сиднея Рейли и Генриха (Анри) Вертимона — судили заочно, так как Рейли и Вертимону удалось скрыться, а Локкарту и Гренару Советское правительство разрешило выехать на родину.

Бывший глава английской миссии при Советском правительстве Локкарт и бывший французский генеральный консул Гренар обвинялись в том, что они, вопреки международному праву и обычаю, использовали свое положение для создания в России контрреволюционной организации, в задачу которой входило разрушение железнодорожных мостов и путей сообщения, чтобы вызвать в стране волнения на почве голода, а затем, пользуясь недовольством масс, при

© Ю. Г. Шпаковский, 2018

помощи подкупленного командования некоторых латышских частей свергнуть Советское правительство.

Лейтенант английской службы Сидней Рейли, французский гражданин Анри Вертимон, американский гражданин Ксенофонт Дмитриевич Каламатиано, проживавший по подложному паспорту на имя Сергея Серповского, обвинялись в том, что, зная о планах Локкарта и Гренара, принимали непосредственное участие в их осуществлении.

Остальные участники процесса обвинялись в том, что собирали шпионские сведения, передавали их, укрывали агентов-шпионов и помогали им.

Дело рассматривалось в Москве с 28 ноября по 3 декабря 1918 г. в открытом судебном заседании, в условиях полной гласности, под председательством заместителя председателя Верховного революционного трибунала О. Я. Карклина, с участием обвинителя Н. В. Крыленко и 14 защитников, в числе которых были деятели дореволюционной адвокатуры Н. К. Муравьев, А. С. Тагер и С. Ф. Плевако. На суде присутствовали представители дипломатических миссий нейтральных государств (норвежской, шведской, датской).

Центральной фигурой судебного процесса был американский шпион Ксенофонт Каламатиано. Вынужденный признать, что он собирал шпионские сведения через агентуру, состоявшую из завербованных русских граждан, Каламатиано утверждал, что он не был связан с Локкартом, а действовал в интересах американских коммерческих фирм, которые нуждались в выяснении экономического и политического положения России.

«Какое же отношение к торговым делам имеют сообщения агента № 12 о количестве винтовок и пулеметов, вырабатываемых на тульских заводах, а также сведения о формировании Красной Армии?» — спросил на суде Н. В. Крыленко. Подсудимый, подполковник Голицын, не пожелал дать вразумительного ответа на поставленные вопросы, не объяснил, почему конспирировал свою «легальную коммерческую работу», храня шпионскую канцелярию в толстой полой трости,

зачем зашифровывал своих агентов номерами и т.д. В то же время он признал на суде, что делился добытыми через свою агентуру сведениями с сотрудниками английской и французской разведок — Сиднеем Рейли и Анри Вертимомом.

Главный помощник Каламатиано — А. В. Фриде — вовлек в шпионаж ряд лиц (Загряжского, Солюса, Потемкина, Голицына). Он же обрабатывал агентурные донесения, составлял из них сводки для Каламатиано и Сиднея Рейли и получал за свою «работу» сначала 500 рублей, затем 750 и, наконец, 1 000 рублей в месяц. Конечно, такой компетентный человек, как Фриде (царский военный следователь), не мог отрицать, что собираемые им сведения носят шпионский характер, но пытался оправдаться тем, что эти сведения якобы общеизвестны.

Остальные агенты американского разведчика также признали на суде, что за вознаграждение собирали для Каламатиано различные сведения о положении Советской России.

В обвинительной речи Н. В. Крыленко привел факты одновременной и согласованной деятельности Каламатиано и дипломатических заговорщиков (Локкарта, Гренара), раскрыл его связь с разведчиками Рейли и Вертимомом, обрисовал характер его деятельности (конспирация, типичные шпионские приемы) и неопровержимо доказал, что он был одним из участников международного заговора против Советской России.

Н. В. Крыленко потребовал применения высшей меры наказания в отношении заочно судимых Локкарта, Гренара, Вертимона и Рейли, а также главы шпионской резидентуры Каламатиано, его ближайших помощников и агентов — А. Фриде, Загряжского, Солюса, Голицына. Для остальных подсудимых он требовал иных наказаний. Вместе с тем обвинитель отказался за недоказанностью вины от обвинения Жанны Морене, Кембер-Хиггса, Иелиннека, Шмейца, Лингарта и Трестара.

3 декабря Верховный революционный трибунал вынес приговор, в котором признал установленной «преступную деятельность дипломатических агентов правительств англо-франко-американской коалиции». Решая судьбу каждого из

подсудимых, Трибунал строго определял степень его виновности. Восьмерых подсудимых, среди которых были Трестар, Политковский, Оттен, английский подданный Кембер-Хиггс, француженка Жанна Морене и чехи Лингарт, Шмейц и Иелиннек, Трибунал оправдал, считая недоказанной их преступную связь со шпионами. Сотрудницу ЦИК Старжевскую, находившуюся в близких отношениях с разведчиком Сиднеем Рейли, Трибунал приговорил к трем месяцам лишения свободы и запретил ей службу в советских государственных учреждениях; агентов, поставлявших Каламатиано шпионские сведения, — Загряжского, Потемкина, Солюса, Хвалынского, Голицына, Иванова, Ишевского и Марию Фриде — к тюремному заключению сроком на пять лет каждого; Ксенофонта Каламатиано и Александра Фриде — к расстрелу. Впоследствии расстрел для Каламатиано был заменен другим наказанием. Локкарт, Гренар, Сидней Рейли и Вертимон были объявлены вне закона как враги трудящихся и подлежали расстрелу «при первом же обнаружении их в пределах территории России».

Народный комиссар юстиции Д. И. Курский, разъясняя приговор, заявил: «Советская власть настолько окрепла, что ей не приходится прибегать к суровым карам в целях устрашения. Трибунал отбросил в этом деле привходящие соображения и подошел к процессу Локкарта с чисто деловой точки зрения. Не довольствуясь данными предварительного следствия, Трибунал сам произвел тщательную проверку всего следственного материала, детально расследовав степень участия в заговоре каждого из подсудимых. Поэтому приговор не мог быть огульным, одинаковым для всех. Трибунал строго распределил подсудимых на категории и покарал действительных виновников и участников заговора, освободив остальных».

7 декабря, суббота

Декрет Совета народных комиссаров «О призыве бывших офицеров»

Совет народных комиссаров постановил:

При призыве на действительную военную службу всех бывших офицеров на основании приказа Революционного военного совета Республики от 23 ноября с. г., за № 275, принять к точному руководству и исполнению следующее:

1. Из числа подлежащих призыву бывших офицеров, состоящих на службе в правительственных учреждениях и управлениях, могут быть оставляемы на своих прежних местах службы необходимые для пользы дела работники в числе, не превышающем десяти процентов призываемых бывших офицеров в каждом правительственном управлении и учреждении, в порядке, указанном в п. 3 Декрета от 2 июля (Собр. Узак. 1918 г., № 48, ст. 564).
2. При необходимости оставления в каком-либо правительственном управлении или учреждении сверх указанной в статье первой сего Декрета нормы служащих бывших офицеров, подлежащие ведомства входят об этом с заявлением во Всероссийский Главный Штаб, и в этом случае Председателю Революционного военного совета Республики предоставляется право увеличения

означенной нормы в особо исключительных случаях.

3. Для рассмотрения указанных в статье второй сего Декрета заявлений Всероссийским Главным штабом, по указанию Председателя Революционного военного совета Республики, учреждается при Мобилизованном управлении названного штаба особая комиссия. В этой комиссии принимает участие представитель заинтересованного ведомства при рассмотрении сделанных данным ведомством заявлений.
 4. В случае несогласия заинтересованного ведомства с постановлением означенной комиссии решение вопроса предоставляется Председателю Революционного военного совета Республики.
- Примечание.* Решения Председателя Революционного военного совета Республики могут быть обжалованы в Совет народных комиссаров.
5. С изданием сего Декрета все ранее вышедшие законоположения и распоряжения, устанавливающие для служащих в правительственных управлениях и учреждениях бывших офицеров отсрочки призыва и откомандирования к месту прежней службы, отменяются.
 6. Действие сего Декрета не распространяется на бывших офицеров, состоящих на службе в строевых частях, штабах, управлениях, учреждениях и заведениях, подведомственных Народному комиссариату по военным делам, а равно и на состоящих в войсках специального назначения, объединенных Декретом Совета народных комиссаров 19 августа 1918 г. (Собр. Узак. № 64, ст. 668) в ведении Народного комиссариата по военным делам, в отношении которых остается в силе приказ Революционного военного совета Республики от 15 ноября сего года № 260.

Подписали: Председатель Совета народных комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Заместитель председателя Революционного военного совета Республики
Э. Склянский

Управляющий делами Совета народных комиссаров
В. Бонч-Бруевич

10 декабря, вторник

ВЦИК утвердил Кодекс законов о труде. Это был первый Кодекс законов о труде РСФСР, его разработкой занимались Наркомат труда и ВЦСПС. Принятию КЗоТ предшествовал ряд правовых актов советской власти (Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, постановление СНК от 29 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне, продолжительности и распределении рабочего времени»).

КЗоТ воспринял все предшествующее законодательство и содержал разделы:

- 1) о трудовой повинности;
- 2) право на применение труда;
- 3) порядок предоставления труда;
- 4) о предварительном испытании;
- 5) о переводе и увольнении трудящихся;
- 6) о вознаграждении за труд;
- 7) о рабочем времени;
- 8) об обеспечении надлежащей производительности труда;
- 9) об охране труда.

В приложениях к Кодексу регулировались: порядок установления нетрудоспособности, выдача пособий трудящимся во время болезни, положение безработных, еженедельный отдых и праздничные дни. Действие КЗоТ распространялось на всех лиц, работающих по найму. Однако за рамками его регулирования оставались отношения в сельском хозяйстве. Кодекс вводил всеобщую трудовую повинность. Трудиться должны были все граждане от 16 до 58 лет. Кодекс провозглашал право каждого трудящегося на применение труда по своей специальности и за вознаграждение, установленное для данной работы. КЗоТ установил 8-часовой рабочий день, сокращенный рабочий день для работающих в ночное время, право на оплачиваемый ежемесячный отпуск. Профсоюзные организации контролировали вопросы найма, увольнения, оплаты труда, участвовали в разработке тарифных положений. В условиях гражданской войны многие демократические положения КЗоТ не нашли своего применения, на практике действовали другие нормы: ограничивалось право работника на свободу заключения трудового договора (устройство на работу осуществлялось только через специальные государственные органы, работник мог быть направлен в другую местность, ограничивалась возможность ухода с работы). На практике применялся детский труд (кроме подземных и вредных для здоровья работ). Для борьбы с нарушителями трудовой дисциплины были созданы дисциплинарные товарищеские суды, которые рассматривали дела о нарушениях трудовой и профсоюзной дисциплины. Самым легким наказанием был выговор, самым тяжелым — заключение в концентрационный лагерь.

12 декабря, четверг

Унификация пассажирских вагонов

Декретом СНК на железных дорогах упразднено деление пассажирских вагонов на классы и установлен единый пассажирский тариф.

Так выглядел двухосный пассажирский вагон пригородного сообщения

19 декабря, четверг

В Советской России создана военная контрразведка

Постановление Совета народных комиссаров о создании особых отделений (военной контрразведки) в частях Рабоче-крестьянской Красной Армии было принято 19 декабря 1918 г.

Особые отделы были созданы постановлением Бюро ЦК РКП(б), по которому фронтовые и армейские ЧК были объединены с органами Военного контроля, и на их основе образован новый орган — Особый отдел ВЧК при СНК РСФСР. В дальнейшем с образованием особых отделов фронтов, военных округов, флотов, армий, флотилий и особых отделов при губернских ЧК была создана единая централизованная система органов безопасности в войсках.

В 1934—1938 гг. военная контрразведка как Особый (с декабря 1936 г. — 5-й) отдел входит в состав Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. В марте 1938 г. с упразднением ГУГБ, на базе 5-го отдела создается 2-е Управление (особых отделов) НКВД СССР. Уже в сентябре 1938 г., в ходе очередной реорганизации, проведенной по инициативе нового первого заместителя наркома Л. П. Бериин, ГУГБ было воссоздано, а 2-е Управление вошло в него в качестве 4-го (Особого) отдела.

3 февраля 1941 г. принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О передаче Особого отдела из НКВД СССР в ведение Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота СССР», по которому Особый отдел ГУГБ НКВД СССР ликвидировался, а вместо него создавались 3-е Управление НКО и 3-е Управление НК ВМФ, соответственно. В НКВД также остался свой 3-й отдел, который теперь выполнял соответствующие функции только в войсках и органах НКВД. Началь-

ники этих управления НКО и НК ВМФ, а также 3-го отдела НКВД подчинялись непосредственно своим наркомам.

19 апреля 1943 г. на базе Управления особых отделов Народного комиссариата внутренних дел СССР было создано Главное управление контрразведки «Смерш» с передачей его в ведение Народного комиссариата обороны СССР.

Возглавил Главное управление контрразведки «Смерш» Виктор Семенович Абакумов, который после окончания Великой Отечественной войны был назначен на должность министра государственной безопасности. В 1951 г. он был арестован по обвинению в «государственной измене и сионистском заговоре», а 19 декабря 1954 г. был расстрелян уже по измененному обвинению в сфабрикованности так называемого «Ленинградского дела» в составе, как тогда говорили, «банды Берии».

В 1997 г. Виктор Абакумов Военной коллегией Верховного Суда Российской Федерации был частично реабилитирован.

22 декабря, воскресенье

Декрет Совета народных комиссаров «О признании независимости Литовской Советской Республики»

В ответ на запрос Литовского Советского правительства, Совет народных комиссаров заявляет:

1. Российское Советское правительство признает независимость Литовской Советской Республики. Высшей властью Литвы Российское Советское правительство признает власть советов Литвы, до съезда же советов — власть Временного революционного рабочего Правительства Литвы, возглавляемого тов. Мицкевичем-Капсукасом.

2. Российское Советское правительство вменяет в обязанность всем соприкасающимся с Литвой военным и гражданским властям Российской Советской Республики оказывать Литовскому Советскому правительству и его войскам всяческое содействие в борьбе за освобождение Литвы от ига буржуазии.

3. Народному комиссариату продовольствия и Высшему совету народного хозяйства поручается войти в соглашение с соответствующими органами Литовской Советской Республики на предмет установления товарообмена между обеими Республиками.

Подписали: Председатель Совета народных комиссаров
В. Ульянов (Ленин)
Управляющий делами Совета народных комиссаров
В. Бонч-Бруевич

Декрет Совета народных комиссаров «О признании независимости Советской Республики Латвии»

В ответ на запрос Советского правительства Латвии Совет народных комиссаров заявляет:

1. Российское Советское правительство признает независимость Советской Республики Латвии. Высшей властью Латвии российское Советское правительство признает власть советов Латвии, до съезда же советов — власть Правительства Рабочих, Безземельных и Стрелков Латвии, возглавляемого тов. Стучкой.

2. Российское Советское правительство вменяет в обязанность всем, соприкасающимся с Латвией военным и гражданским властям Российской Советской Республики, оказывать Советскому правительству Латвии и его войскам всяческое содействие в борьбе за освобождение Латвии от ига буржуазии.

3. Народному комиссариату продовольствия и Высшему совету народного хозяйства поручается войти в соглашение с соответствующими органами Советской Республики Латвии на предмет установления товарообмена между обеими Республиками.

Подписали: Председатель Совета народных комиссаров
В. Ульянов (Ленин)
Управляющий делами Совета народных комиссаров
В. Бонч-Бруевич

26 декабря, четверг

**Приказ Революционного
военного совета «О рабочих
войсках» (Положение;
приказ Рев. В. Сов. № 479)**

**I. Назначение и состав рабочих
войск**

1. Рабочие войска назначаются:

а) для производства работ на железнодорожных линиях (погрузка и разгрузка продовольственных, артиллерийских, инженерных и других казенных, а в исключительных случаях, по особым распоряжениям начальников военных сообщений, и частных

грузов, для расчистки путей во время снежных заносов, в помощь железнодорожным войсковым частям, ведущим работы по постройке и эксплуатации железных дорог);

б) для постройки и ремонта грунтовых дорог и поддержания в исправности водных путей;

в) для обслуживания продовольственных, артиллерийских и инженерных складов;

г) для охраны грузовых поездов и складов.

2. Рабочие части содержатся согласно приложенным к приказу штатам.

II. Управление рабочими частями и служба их

3. Рабочие части формируются из состава тылового ополчения распоряжением окружных и губернских военных комиссариатов, в зависимости от потребности в этих частях на местах, по заявлениям соответствующих начальников военных сообщений фронтов или военных округов. Все сформированные рабочие части, через начальников военных сообщений фронтов или военных округов, подчиняются начальнику Центрального управления военных сообщений при Революционном военном совете Республики.

4. Формируемым рабочим частям придается организация: бригадная, батальонная или ротная по указаниям начальника Центрального управления военных сообщений при Революционном военном совете Республики, основанным на представлениях подлежащих начальников военных сообщений фронтов или военных округов.

5. Распоряжением начальника Центрального управления военных сообщений при Революционном военном совете Республики рабочие части, сформированные в пределах одного фронта или военного округа, в случае необходимости и в целях возможного избежания новых формирований могут быть передаваемы для работ на другие фронты и в другие военные округа.

6. Распределение на фронтах и в округах между рабочими частями нарядов на работы и все распоряжения, относящиеся до несения службы чинами рабочих частей, исходят от соответствующих начальников военных сообщений фронтов или военных округов по принадлежности.

7. Распределение работ между рабочими частями, наблюдение за их исполнением и ведение учета этих работ возлагаются на командиров этих частей. Рабочие части, предназначаемые для специальных работ, должны снабжаться необходимым инструментом распоряжением того ведомства или лица, в распоряжение которого они командированы.

8. Общие указания по выполнению возложенных работ получают начальниками рабочей части от лиц, в распоряжение которых рабочая часть командировается.

9. Довольствие рабочих частей производится на общих основаниях с войсковыми частями.

В отношении денежного довольствия личного состава рабочих частей надлежит руководствоваться приказом № 2 Революционного военного совета от 20 сентября 1918 года, причем:

а) для рабочих и поваров за основание принимается жалованье красноармейца по месту расположения части;

б) содержание врачей и фельдшеров согласуется со ставками, установленными для указанных лиц Главным военно-санитарным управлением;

в) для всего остального персонала за основание принимаются оклады, объявленные в приказе Революционного военного совета № 2 от 20 сентября 1918 года с уменьшением ставок на 10 %.

10. В целях равномерного распределения труда чины рабочих частей, по усмотрению командиров последних, могут быть разделены на смены.

Определение количества рабочих часов поручается лицам, на которых возложены организация работ и ответственность за своевременное их выполнение.

11. О сформировании и расформировании рабочих частей, на основании представлений подлежащих начальников военных сообщений фронтов или военных округов через начальника Центрального управления военных сообщений при Революционном военном совете Республики объявляется в приказах народного комиссара по военным делам, все же распоряжения о перемещении рабочих частей (п. 5) делаются по особым предписаниям начальника Центрального управления военных сообщений при Революционном военном совете Республики.

Подписали: Председатель Революционного военного совета Республики

Л. Троцкий

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики

Вацетис

Члены Революционного военного совета Республики

Аралов, Раскольников

27 декабря, пятница

**Постановление Совета
народных комиссаров
«Об учреждении Главного
лесного комитета»**

1. Для руководства, регулирования и управления всей лесной промышленностью, а также для заготовки древесного топлива учреждается при Высшем совете народного хозяйства Главный лесной комитет.

2. Центральные учреждения, ведавшие и ведающие до сего времени лесной промышленностью, с их штатами, кредитами, местными органами, с их лесозаготовительными аппаратами и предприятиями по химической

и механической обработке древесины, поступают в распоряжение Главного лесного комитета.

3. Центральный лесной отдел Народного комиссариата земледелия, с его губернскими, уездными и волостными лесными подотделами и лесничествами, оставаясь в ведении Народного комиссариата земледелия, всецело подчиняется в деле заготовок и лесного транспорта распоряжениям Главного лесного комитета, мобилизуя на производство заготовок все свои лесотехнические силы.

Примечание. Лесокультурные, лесоадминистративные, лесоустроительные, таксационные, лесоучебные и иные лесотехнические задачи остаются за Центральным лесным отделом Народного комиссариата земледелия.

4. Лесные отделы при советах народного хозяйства, являясь местными органами Главного лесного комитета, всецело руководствуются в своей деятельности указаниями и постановлениями Главного лесного комитета.

5. Главный лесной комитет состоит из шести лиц, председателя и четырех членов, назначаемых Президиумом Высшего совета народного хозяйства, и одного члена от Народного комиссариата земледелия. Этот шестой член назначается по соглашению Президиума Высшего совета народного хозяйства и Народного комиссариата земледелия.

6. Главному лесному комитету предоставляется право приглашать на заседания представителей заинтересованных ведомств, учреждений, организаций и сведущих лиц.

7. В целях обеспечения страны древесным топливом и лесными материалами, Главному лесному комитету вменяется в обязанность принять чрезвычайные меры для спешного увеличения заготовок всеми организациями в центре и на

местах, путем их своевременного финансирования, снабжения продовольствием, фуражом, инструментами, транспортными и другими средствами, а равно путем мобилизации технических и рабочей сил.

8. Главный лесной комитет обязан в семидневный срок издать подробную Инструкцию о введении в жизнь настоящего постановления.

Подписали: Председатель Совета народных комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Председатель Высшего совета народного хозяйства

А. Рыков

Народный комиссар земледелия

Середа

Управляющий делами Совета народных комиссаров

В. Бонч-Бруевич

28 декабря, суббота

Приказ Революционного военного совета «О призыве бывших военных чиновников» (приказ Рев. В. Сов. № 485)

Революционный военный совет Республики постановил:

I.

В дополнение к Декрету Совета народных комиссаров от 1 октября сего года (Собр. Узак. 1918 г., № 72, ст. 785) призвать на действительную военную службу во всех местностях Российской Социалистической Федеративной Советской Республики:

бывших военных чиновников, занимавших в мирное время должности делопроизводителей по хозяйственной части, и казначеев в войсковых частях, в штабах, управлениях, заведениях военного ведомства и занимавших должности делопроизводителей в управлениях корпусных и дивизионных интендантов и выше, и прослуживших на этих должностях два года до 1 января 1918 г.

II.

Призыв и прием на военную службу лиц, означенных в предыдущей статье, начать немедленно — в дни по назначению военных комиссариатов, военных округов и производить применительно к «Наставлению о порядке приема на военную службу рабочих и крестьян некоторых уездов Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов», объявленному в приказе Народного комиссариата по военным делам (14) 1 июня 1918 г. за № 436 (Собр. Узак. 1918 г. № 43, ст. 530).

III.

От явки по призыву никто не освобождается, кроме: а) имеющих очевидные наружные признаки негодности к военной службе (калеки) и одержимых тяжкими болезнями, препятствующими личной явке, удостоверенными медицинскими свидетельствами; б) состоящих на службе в войсковых частях, управлениях,

учреждениях и заведениях, подведомственных Народному комиссариату по военным делам.

IV.

Принятые по настоящему приказу на действительную службу лица, состоящие на службе в правительственных учреждениях, а также в промышленных предприятиях, непрерывность работ которых является общественной необходимостью, откомандировываются на занимаемые места в порядке, установленном в Декрете Совета народных комиссаров от 29 июня сего года (Собр. Узак. 1918 г., № 48, ст. 564).

Лица, откомандированные на занимаемые ими до приема на военную службу должности, получают содержание по этим должностям.

Действие сей статьи не распространяется на бывших военных чиновников, состоящих ныне на службе в строевых частях, штабах, управлениях и учреждениях, подведомственных Народному комиссариату по военным делам, в отношении которых остается в полной силе приказ Революционного военного совета Республики от 15 ноября сего года за № 260.

V.

Принятые на военную службу по настоящему приказу лица зачисляются в резерв при окружном военно-хозяйственном управлении, которое списки на них должно представить в Главное военно-хозяйственное управление, по распоряжению коего призванные получают назначение на должности, соответствующие их подготовке.

VI.

Означенные в п. 1 лица должны пребыть на обязательной военной службе в течение одного года, по окончании же годичного срока обязательной военной службы не подлежат увольнению с таковой до конца военных действий, причем им отпускаются все виды довольствия по занимаемым должностям на основании существующих штатов.

VII.

Уклоняющиеся от призыва лица подлежат суду Революционного трибунала.

VIII.

Настоящий приказ ввести в действие по телеграфу.

Подписал за Председателя
Революционного Военного Совета Республики
Э. Склянский

На досуге

ЗАКОНЫ И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Необходимость время от времени пересматривать все существующие законы и нормативные правовые акты на предмет их соответствия реальности и здравому смыслу может показаться трюизмом, однако мировая практика изобилует примерами регулирования ситуаций, которые современному человеку могут показаться глупыми, смешными или абсурдными.

Некоторые из нижеприведенных законов смешны, поскольку с момента их принятия прошло много времени и жизнь стала совсем другой. Другие не смешны, а скорее ужасают своей жестокостью. Третьи — действительно глупы. Объединяет все эти законы лишь одно — они до сих пор остаются в силе и могут быть применены. Среди разнообразных законов, которые могут показаться глупыми, встречаются довольно поучительные.

В английских городах разрешается стрелять в валлийцев из лука в пределах городских стен после полуночи, а также на территории, принадлежащей собору, по воскресеньям в течение дня.

В одном из районов Голландии преступлением считается ломать дамбы, даже если в данном районе нет рек.

В Ирландии любой человек, который якобы или на самом деле практикует колдовство, черную магию или волшебство, а также обладает знаниями оккультных наук, ремесел или научными знаниями, должен быть помещен в тюрьму на срок 1 год за подобные преступления и, кроме того, должен быть подвергнут исправлению.

В Италии могут арестовать мужчину, который носит юбку.

По закону Ливана мужчины могут иметь половые сношения с животными, однако животное должно быть женского пола. Половые сношения с животными мужского пола караются смертной казнью.

Жевать жевательную резинку в метрополитене Сингапура считается противозаконным. Если нарушитель будет задержан, его могут приговорить к штрафу, тюремному заключению или к тому и другому одновременно. Там же, если человека трижды поймали за то, что он бросает мусор на улице, нарушитель закона обязан мыть улицы по воскресеньям, надев на себя табличку «Я — намусорил». Подобные наказания обычно транслируются по местному телевидению.

В Таиланде преступлением считается выход из дома без нижнего белья.

В Канаде после освобождения из тюрьмы бывшему арестанту обязаны предоставить заряженный пистолет и лошадь для того, чтобы он смог уехать из города.

В Британской Колумбии убийство «снежного человека» является преступлением, а любое лицо, мешающее заседанию Комитета Британской Колумбии по контролю над распространением саранчи, совершает преступление и может быть задержано.

В Квебеке граждане не имеют права испражняться или плевать на улицах. Наказанием за подобное преступление является штраф в размере как минимум 100 долларов.

В Аляске воспрещается смотреть на американских лосей с самолета, а выбрасывать живого лося из самолета при движении является преступлением.

Во Флориде незамужним женщинам запрещается прыгать с парашютом по воскресеньям. Нарушение данного закона может повлечь за собой арест, штраф и (или) тюремное заключение.

В Чикаго обезьяна провела в тюрьме пять дней за кражу из магазина.

В г. Джольет женщину могут арестовать за то, что она примеряет в магазине более шести платьев за один раз.

В Луизиане ограбление банка, сопровождаемое стрельбой в кассира из водяного пистолета, считается нарушением закона. Там же укус рассматривается как «простое нападение», а укус вставной челюстью — как «нападение с отягчающими обстоятельствами».

В соответствии с законом штата Мэн грабитель имеет право подать в суд, если он пострадал во время ограбления дома.

Убийство белки из ружья в зале суда считается преступлением в Миссисипи.

В Нью-Йорке прыжки со зданий наказываются смертной казнью.

В штате Мэн существует закон, устанавливающий время начала сезона охоты на юристов.

Маликов С. В.

По материалам интернет-изданий

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.

ISSN 2311-5998

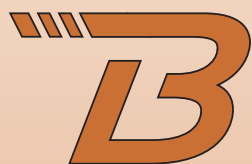
Свободная цена.

Подписка на журнал возможна с любого месяца.
Распространяется через объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписной индекс — 40650.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка
на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна.
Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.

Редактор *Л. А. Мункуева*.
Корректор *А. Б. Рыбакова*.
Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*.

Отпечатано в типографии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ISSN 2311-5998

9 772311 599771 >